Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 9—10 31 МАЯ № 9—10

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"

Главлит № А—37019. Тираж 70.000 экз.
Тип. газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48.

Итоги XVI партконференции.

XVI партийная конференция наметила задачи партии на большой отрезок времени. Вместе с тем она дала полную и законченную характеристику правому уклону внутри ВКП, оформлявшему постепенно после XV с'езда свою политическую линию в отличие от партийной линии.

Еще на XV с'езде тов. Сталин отметил некоторые психологические настроения внутри партии, в основе которых лежало непонимание и недооценка трудностей, стоявших на пути нашего социалистического строительства. Апрельский пленум сказал уже прямо об элементах партии, не видящих классов в деревне и не желающих ссориться с кулаком. Еще яснее высказался июльский пленум, отметивший в своей резолюции, что партия в своей политике должна прежде всего исходить из решительной борьбы с теми элементами, которые являются выражением буржуазных тенденций в нашей стране и пытаются обойти решения XV с'езда—развивать дальше наступление на кулака. Между июльским и ноябрьским пленумами произошли такие важные события, как VI конгресс Коминтерна и «восстание» части бывшего московского руководства против политики партии. Исходя из этих фактов, ноябрьский пленум мог дать уж гораздо более определенную оценку правому уклону. После ноябрьского пленума мы имеем усиление колебаний в некоторых прослойках нашей партии между генеральной линией партии и линией правого уклона при одновременном сплочении подавляющего большинства партии вокруг ЦК на почве партийной линии.

А перед конференцией политическая линия правых уклонистов уже по всем сколько-нибудь важным вопросам противопоставляет себя линии партии. Когда мы приступаем к анализу решений XVI партконференции и тех оценок правого уклона, которые даются в решениях конференции, то перед нами совершенно ясно вырисовываются две противоположные политические линии: линия партии, с одной стороны, и линия правого уклона — с другой.

Несколько слов о той обстановке, в которой происходили работы конференции. Международная обстановка характеризовалась и продолжает характеризоваться развертыванием противоречий внутри

капиталистической системы и во взаимоотношениях этой системы с единственным в мире пролетарским государством. Мы имеем обострение противоречий между господствующими империалистическими кликами, главным образом по линии англо-американского соперничества; мы имеем обострение противоречий между буржуазией и рабочим классом, начало широкого контрнаступления рабочего класса против капитализма; мы имеем ряд противоречий между империализмом и угнетенными народами (широкое стачечное движение в Индии, не прекращающаяся борьба в Китае), и, наконец, мы имеем обострение противоречий между империалистическим миром и СССР, нашедшее себе за последнее время наиболее яркое выражение в новом отклонении наших предложений о разоружении и в той бешеной кампании травли СССР, которая ведется в западно-европейской буржуазной, особенно германской, печати после первомайских событий.

Из развертывания противоречий капиталистической стабилизации вытекает обострение классовой борьбы, рост военной опасности, необходимость активизации и боевизации коммунистических партий и решительного преодоления внутри них тех элементов, которые сковывают революционную активность рабочего класса и революционную инициативу его авангарда — коммунистических партий. Период после VI конгресса Коминтерна был особенно богатым по части сдвигов внутри партийного руководства целого ряда крупнейших коммунистических партий по линии их активизации и боевизации, по линии приспособления всей их политики, тактики, организационной системы к надвигающимся новым боям. Чрезвычайно острый период внутренней борьбы пережила коммунистическая партия Германии после VI конгресса. Этот период закончился устранением оппортунистических правых элементов из состава партии и фактическим устранением примиренческих элементов из партийного руководства. Крупнейшие изменения произошли в руководстве чехо-словацкой партией, в которой были наиболее сильны социал-демократические привычки и традиции. Мы имели некоторые изменения, хотя и не столь крупные и радикальные, в составе руководства коммунистической партии Франции по той же линии, и, наконец, довольно острый кризис руководства пережила коммунистическая партия Америки, имеющая перед собой колоссальные исторические задачи и огромное будущее.

Что характеризовало и характеризует нашу внутреннюю обстановку? Быстрый рост нашего хозяйства, серьезные трудности, которые нужно преодолеть для дальнейшего роста, и крайнее обострение классовой борьбы на почве сопротивления капиталистических элементов нашему социалистическому наступлению. Вот, что говорил т. Рыков в своем докладе о 5-летке на XVI партийной конференции: «Когда мы подошли к этому переломному моменту, многие из нас считали, что мы не только не в состоянии будем итти такими семимильными шагами, как раньше, но даже, например, такие темпы, как 20% ежегодного прироста едва ли будем в состоянии обеспечить. Мы ориентировались на 10—12%».

Происходящий в настояще время рост нашей промышленности превосходит все до сих пор имевшие место темпы. Расходящиеся с линией партии правые уклонисты очень часто любят ссылаться на цитату из доклада Ленина на II с'езде, где Ленин сказал, что мы должны сомкнуться с крестьянской массой и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса за нами. Но они забывают прочитать несколько строк дальше. Между тем, сейчас же вслед за этими словами, которыми злоупотребляют все те, кто выступает против нынешнего напряженного темпа индустриализации во имя, якобы, смычки с крестьянством, — а на самом деле во имя уступок кулаку, — Ленин говорит: «Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем». Есть все данные считать, что это предвиденное Лениным в 1922 году ускорение нашего движения, о котором тогда и мечтать было невозможно, — сейчас наступило.

Однако, наше напряженное и быстрое движение вперед характеризуется целым рядом трудностей и обострением классовой борьбы. Является ли неожиданным это обострение? Зависит ли оно от недостатков нашей политики, от нашего, якобы, отступления от заветов Ленина, или оно является совершенно неизбежным спутником нынешней эпохи социалистического строительства, когда мы взялись за выкорчевывание самых корней капитализма? На этот счет тоже кое-что можно прочесть у Ленина. В том же докладе на II с'езде, который мы выше цитировали, Ленин говорил о последнем и решительном бое не с международным капитализмом — там еще много будет последних и решительных боев, — нет, а вот «с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается: тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить».

Мы имеем все данные считать, что дело как раз подошло к тому последнему решительному бою с русским капитализмом и его остатками, о котором говорил Ленин. Выиграв этот последний бой, сломив сопротивление кулачества, добившись решительных сдвигов в деле реконструкции с. х., укрепив позиции социалистического сектора там, — мы уже сможем считать себя окончательными победителями над капитализмом и его остатками внутри страны (но, конечно, еще не над международным империализмом). Однако, для этого необходима огромная работа, для этого необходимо преодоление колоссальных трудностей. Партия мыслит себе преодоление этих трудностей, коренящихся в нашей вековой экономической отсталости и некультурности, только путем дальнейшего напряженного движения вперед, только путем развертывания промышленности, социалистической реконструкции с. х., укрепления союза с основными массами кре-

стьянства, при чем решающее значение в этом союзе приобретают сейчас новые формы смычки, и путем беспощадного подавления сопротивления эксплоататоров. Для преодоления трудностей партия должна добиться огромнейшего повышения активности масс, должна укрепить свою связь с рабочим пролетариатом, должна привести в движение огромные, еще мало использованные ею в деле социалистического строительства, колоссальные резервы пролетариата и полупролетариата в деревне.

В отличие от этого пути активного преодоления трудностей линия правого уклона ищет выхода из трудностей путем уступок враждебным капиталистическим элементам: она хочет протянуть им пальмовую ветку мира, или — лучше сказать — белый флаг капитуляции. И именно поэтому важнейшим условием преодоления трудностей, мобилизации партии вокруг задач этого преодоления и мобилизации масс вокруг партии является преодоление правого уклона, который своим капитулянтством пытается внести разложение в ряды партии и в ряды трудящихся, который хочет навязать партии и рабочему классу свою ликвидаторскую тактику — тактику сдачи на капитуляцию.

Таковы характерные моменты внешней и внутренней установки, в которой происходили работы XVI партконференции. В чем заключаются ее важнейшие решения? Конференция прежде всего приняла 5-летний план строительства социалистического хозяйства. Темп этого строительства, предусмотренный 5-летним планом, диктуется нам всей внешней и внутренней обстановкой: он позволяет нам в сравнительно короткий исторический срок догнать и перегнать капиталистические страны. Он в сильнейшей степени укрепляет нашу независимость и обороноспособность, улучшает положение рабочего класса и всех трудящихся (рост зарплаты на 70%) и ликвидирует острый недостаток сырьевых и продовольственных с.-х. ресурсов, представляющий одно из коренных препятствий на пути индустриализации. Мы не только должны обеспечить полностью удовлетворение потребности страны в с.-х. ресурсах, но восстановить в широких размерах экспорт с.-х. продуктов. Мы должны уже к концу 5-летнего срока добиться колоссальных результатов в области реконструкции всей структуры нашего отсталого сельского хозяйства: 40% его товарной продукции должно даваться обобществленным сектором. Таковы основные показатели принятого конференцией 5-летнего плана.

Черновые наметки 5-летки, представленные XV с'езду еще не предусматривали такого напряженного темпа развития промышленности, который принят теперь партией. Точно так же в этих черновых наметках не получила своего достаточного отражения и выражения линия партии на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, хотя на том же XV с'езде в докладах тт. Сталина и Молотова эта линия была намечена совершенно ясно. Еще не так давно, накануне ноябрьского пленума, очень видные представители правого уклона критиковали госплановских спецов (а на самом деле партийную линию), которые, якобы, слишком широко размахнулись в цифрах 5-летки, не учитывая «узких мест». Однако, в своем нынешнем виде 5-летка не встретила прямых возражений даже со стороны представителей правого уклона. Но в кругах, расходящихся с линией партии, возникла идея противопоставления 5-летке—при формальном согласии с нею — плана так называемой рабочей двухлетки, точнее говоря, — ряда экономических уступок капиталистической верхушке деревни, плана, который должен был послужить базой для намеченного партией 5-летнего плана. Товарищи хотели добиться осуществления 5-летнего плана на базе уступок кулаку, не желая видеть того элементарного факта, что на этой базе можно получить только срыв 5-летнего плана, а никак не его осуществление. Вот почему партия решительно отвергла их предложения.

По вопросу о путях развития с. х. и укрепления союза с крестьянством конференция дала ясный ответ на ряд вопросов, во всей остроте поставленных перед партией, в особенности после XV с'езда. Вопреки ликвидаторско-капитулянтской теории правых уклонистов о деградации сельского хозяйства конференция установила бесспорный факт под'ема сельского хозяйства (хотя и чрезвычайно медленного) по линии перехода от трехполья к многополью, развития технических культур, машиноснабжения и т. д., и т. д. Конференция выдвинула решающее значение в деле дальнейшего под'ема с. х. и укрепления союза рабочего класса с основными массами крестьянства новых форм смычки (контрактация, тракторные колонны, совхозы и колхозы), что ни в коем случае, конечно, не должно означать, что мы отказываемся от так называемых старых форм смычки в области оборота: от задачи ликвидации товарного голода в деревне и систематического снижения розничных цен. Характерной особенностью постановлений XVI конференции в области под'ема сельского хозяйства является увязывание мероприятий по поднятию бедняцкого и середняцкого индивидуального крестьянского хозяйства с мероприятиями по социалистической реконструкции сельского хозяйства. Партия исходит из того, что основная крестьянская масса придет к социализму не через разорение и пауперизацию, как мыслили себе троцкисты, не через превращение индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств в зажиточные и кулацкие, не через развитие кулацких кооперативных гнезд и их врастание в социалистическую систему, а через массовое производственное кооперирование и коллективизацию при дальнейшем вытеснении капиталистических элементов. Конференция ясно подчеркнула необходимость продолжения дальнейшего наступления на кулака при укреплении союза с середняком и опоре на бедняка. Конференция признала, что в нынешний момент, когда кулак оказывает ожесточеннейшее сопротивление советской власти, организует в широких размерах саботаж хлебозаготовкам, когда кулаки и подкулачники применяют такие «чрезвычайные меры» против советских работников и передовых крестьян, как убийства и поджоги, — партия не может отказаться

от решительных мер принуждения по отношению к самому кулаку, организуя эти меры путем мобилизации бедняцко-середняцких масс вокруг их проведения по линии хлебозаготовок. Эти общественно-принудительные меры воздействия на кулака (при проведении хлебозаготовок), в которых правые паникеры увидели чуть ли не ликвидацию нэпа и возврат к военному коммунизму, конференция одобрила со всей решительностью. Что противопоставляли и могли противопоставить основной линии XVI конференции правые уклонисты? Курс на поднятие индивидуального хозяйства при совершенно явной недооценке и замазывании его социалистической реконструкции — фактически курс на развитие индивидуального товарного, т.-е. кулацкого хозяйства. В этом они видели основную базу нашей индустриализации. Отсюда — попытки об'яснить наши трудности нажимом на кулака, отсюда — лозунги нормализации рыночных отношений (немножко ослабить государственное регулирование торговли, немножко больше свободы дать кулаку и спекулянту), отсюда — разговоры о поквартальных ценах, что означает повышение цен весной, когда хлеб остается главным образом у кулаков, а покупать его вынуждены не только рабочие и трудящееся население города, но и деревенская беднота.

Партия стремится использовать кулацкие ресурсы в интересах социалистического накопления, держа неуклонный курс на вытеснение кулачества, на выкорчевывание остатков капитализма. Правые уклонисты в противовес этому предлагают меры облегчения кулацкого накопления фактически за счет рабочего класса и деревенской бедноты. Правые уклонисты ищут выхода из трудностей, переживаемых страной, путем развязывания капиталистических отношений в стране, особенно в деревне, не желая видеть того, что это развязывание поведет к увеличению ресурсов и возможностей давления кулачества на советскую власть, не желая видеть того, что мы в результате такого рода капитулянтской политики были бы блокированы не только международной буржуазией извне, но и капиталистическими элементами внутри страны.

Конференция приняла важные решения по вопросам борьбы с бюрократизмом и чистки партии. Обострение классовой борьбы в стране означает обострение сопротивления чуждых элементов в нашем госаппарате, означает рост опасности их воздействия на колеблющиеся элементы. Чрезвычайно характерно, что правые уклонисты, стоящие на точке зрения уступок капиталистическим элементам по всей линии, пытались брать нашу партию за фалды при проведении лозунга самокритики, направленной своим острием прежде всего против враждебных и чуждых элементов, против шахтинцев в нашем государственном и хозяйственном аппарате. Для нынешнего правого уклона в рядах партии является характерной не только недооценка борьбы с бюрократизмом, на что указал еще ноябрьский пленум, но также недооценка и непонимание всей той перестройки работы нашего аппарата (хозяйственного, советского, профессионального и в некоторой степени даже партийного), которая связана с задачами реконструктивного периода и обострением классовой борьбы. Особенно характерным образчиком такого непонимания и недооценки является позиция правых уклонистов в вопросах политики профсоюзов, их попытки помешать четкой партийной постановке вопроса об активизации роли союзов в деле социалистического строительства, о мобилизации через союзы масс на борьбу с трудностями, их цепляние за элементы трэд-юнионизма, отчужденности от партии, бюрократизма и нечуткости к запросам и потребностям масс в профессиональном аппарате.

Необходимо несколько слов сказать о позиции правых уклонистов в вопросах политики Коминтерна. Мы в праве говорить о ближайшей идеологической связи между правыми и примиренческими элементами ВКП и Коминтерна. Тенденция правых уклонистов в иностранных партиях — это тенденция к сотрудничеству с социал-демократами (совсем на-днях брандлерианцы при саксонских выборах выставляли лозунг поддержки коммунистами с.-д. правительства), а стало быть с буржуазией. Та же тенденция к сотрудничеству с капиталистическими элементами, соглашательство с ними, является самой характерной чертой наших правых уклонистов. Поэтому не случайно, что, когда на IV конгрессе Профинтерна германские правые, которые тогда еще были в партии, выступили против намечавшейся тогда новой профсоюзной тактики, — они встретили поддержку со стороны некоторых работников аппарата ВЦСПС. Не случайной также была шаткая и по существу неправильная, нечеткая позиция некоторых товарищей на VI конгресс Коминтерна (по вопросу о капиталистической стабилизации), целиком совпавшая с позицией германских примиренцев. Не случайной была дипломатическая поддержка со стороны правых элементов ВКП германских правых и примиренцев в разгар той борьбы не на жизнь, а на смерть, которая разгорелась внутри германской компартии после VI конгресса Коминтерна. И не случайно, что часть руководства коммунистической партии Америки, которая была склонна на VI конгрессе и после него к переоценке капиталистической стабилизации, к недооценке полевения масс, которая пыталась борьбу с правой опасностью свести к борьбе с троцкизмом, — выступила с прямой оппозицией мероприятиям Коминтерна, направленным к дальнейшей большевизации компартии Америки. Правый уклон ВКП не только является одним из серьезнейших препятствий для разрешения очередных задач социалистического строительства внутри Советского Союза, — он превращается также в идеологический центр, вокруг которого группируются все оппортунистические и примиренческие элементы Коминтерна, пытающиеся сорвать линию VI конгресса, пытающиеся помешать компартиям капиталистических стран выполнить огромные исторические задачи, стоящие перед ними в развертывающейся борьбе с буржуазией.

Правый уклон внутри ВКП имеет не только характер политического течения, отличающегося от партии и противопоставляющего себя ей, он имеет также некоторые черты чисто фракционной группировки. Фракционная деятельность правых уклонистов развивалась по мере расширения и углубления их разногласий с партией. Чрезвычайно ярким проявлением этой фракционности были всем известные верхушечные комбинации, направленные к созданию фракционного блока против партийной линии и партийного руководства. Эти комбинации не носили случайного, эпизодического характера. Летом прошлого года накануне и после июльского пленума мы имели широкое развертывание фракционной работы против ЦК внутри Московской организации, имели далее политику отставок и т. д. И, наконец, обвинение партии в военно-феодальной эксплоатации крестьянства, в скатывании к троцкизму, в разложении Коминтерна, крики о бюрократическом режиме и зажиме в партии,—нельзя было и нельзя теперь расценивать иначе, как прямой призыв к фракционной борьбе против линии партии и партийного руководства. Невозможно одновременно считать, что линия партии скатывается к троцкизму, и всерьез обещать не вести против этой линии никакой борьбы, подчиняться всем партийным постановлениям. Тут конец с концом не вяжутся. И поэтому партия должна проявить максимальную бдительность против возможных дальнейших попыток фракционной разлагающей работы в ее рядах со стороны правых уклонистов, в особенности в обстановке нынешних трудностей. Она должна быть готова дать этой работе самый беспощадный большевистский отпор.

Партия ни на одну минуту не может забывать, что правый уклон является одним из главнейших препятствий на пути к разрешению задач, которые перед ней стоят. Вот почему дальнейшее решительное преодоление и разоблачение правого уклона во всех его проявлениях—при борьбе на два фронта, при добивании остатков троцкизма—является абсолютным условием для сплочения партии, для дальнейшего ее наступления сомкнутым фронтом против твердынь врага и для решительной победы над этим врагом не только внутри страны, но и на международной арене.

И. М—ин.

Политический смысл первомайской борьбы.

Первомайская демонстрация рабочего класса, демонстрация его международной классовой солидарности, переросла в революционное столкновение с буржуазией. Буржуазную реакцию, империалистическую контрреволюцию возглавила социал-демократия. Демонстрация рабочего класса превратилась в международное революционное выступление. Рабочий класс выступил, чтобы продемонстрировать свою верность своему классу. Он выступил с красным знаменем интернациональности, чтобы показать господствующим, эксплоатирующим классам, что могучие отряды международного пролетариата не признают интересов «своего» империалистического отечества, чтобы показать, что интересы своего класса, интересы интернациональные, несмотря на все государственные и неизжитые идеологические перегородки, для него являются высшим законом. Что означает такая демонстрация интернационализма в эпоху, когда уже существует, хотя и единственное еще, государство, воплощающее во всем своем существовании и развитии, во всей своей внутренней и внешней политике принципы пролетарской интернациональности? Что означает такая демонстрация в период, когда социал-демократия, как часть капиталистической системы, как верный слуга буржуазии, стала активно участвовать в подготовке войны против этого первого пролетарского интернационального государства, против СССР? Что может означать такая демонстрация на таком этапе развития капиталистической стабилизации, когда ее все растущие противоречия расшатывают все ее основы, когда все меньше, мизерно мало остается места для реформистского маневрирования буржуазии и социал-демократии, когда каждое мало-мальски крупное экономическое столкновение рабочего класса с буржуазией перерастает в политическую борьбу? Такая демонстрация, будучи международным политическим выступлением рабочего класса, не могла и не может не противопоставить пролетариат буржуазии и ее государству, не могла не противопоставить пролетариат надежнейшему отряду империализма—социал-демократии. Такое политическое выступление рабочего класса не могло не перерасти в революционное столкновение пролетариата с буржуазным государством. И первое мая вылилось в эту революционную борьбу на всех важнейших участках классового фронта.

Центром борьбы стал Берлин. На улицах Берлина несколько дней шла баррикадная борьба. Берлин принял «вид осажденного города». Социал-демократы Цергибель, Гржезинский, Зеверинг мобилизовали 13 тысяч полицейских. В гражданской войне, развернувшейся на улицах рабочих кварталов Веддинга и Нейкельна, со стороны социал-демократической контрреволюции были пущены в ход все богатства военно-полицейской техники: винтовки, стрельба разрывными пулями, ручные гранаты, пулеметы, бронированные автомобили,

установленные на крышах прожекторы, «искавшие в темноте врага», обстрел найденного врага с крыш пулеметами, пожарные отряды,—словом, в дело было пущено все, чтобы продемонстрировать рабочим, что их классовое выступление на улицу есть вопрос жизни и смерти капиталистического строя.

Гражданская борьба на улицах Берлина 1 мая не была случайностью. Она не была «стычкой» между полицией и рабочими во время обычной демонстрации. Первые баррикады были сооружены ночью 1 мая. Социал-демократия стреляла в рабочих первая. Пролетарские отряды не отступили, они ответили баррикадами. Первые баррикады были захвачены полицейскими. Рабочие не уступили поля борьбы, не сдались. 2 мая баррикадная борьба стала еще более ожесточенной. Полиция мобилизовала все силы. Она действовала на улицах по-военному. Улицы стали полем военных действий. Полиция стреляла в женщин, детей и вообще всех, кто смел высунуть нос во фронтовую полосу. Только после жестокой борьбы с десятками убитых и раненых социал-демократическая полиция вернула буржуазному Берлину «спокойствие». 3 и 4 мая полиция действовала, как вымуштрованные пожарные после большого пожара: она обыскивала все углы, заглядывала во все закоулки, открывала огонь по каждому подозрительному пункту, производя аресты, избиения, из'ятия и т. д.

Социал-демократические тушители революционного пожара во владениях своего господина поработали здорово!

Берлин наиболее ярко отразил смысл первомайских событий. Он был высшим пунктом революционного напора и отпора пролетариата. Но Берлин не один. Во всем мире в майские дни прозвучало эхо приближающихся революционных раскатов. Демонстрации, столкновения с полицией имели место почти по всей Германии. Революционные демонстрации пролетариата имели место во всем мире. В центре Франции, в Париже, полиция произвела массовые аресты тысяч пролетариев, но «предупреждение» не подействовало. Несмотря на настоящее военное положение, тысячи рабочих манифестировали в различных пунктах Парижа. Полиция разгоняла демонстрации. Помещения ЦК партии, редакции «Юманите» были окружены полицией. В провинциях Франции имели место крупные уличные демонстрации, сопровождавшиеся столкновениями с полицией. В Лилле 4.000 манифестантов сопротивлялись атакам кавалерии. В Париже в металлической промышленности не работало около 80%, в окрестностях Парижа фабрики пустовали. Полиция всюду пустила в ход грузовики для массовой облавы на демонстрантов и массовых арестов. «Социалисты», реформисты из профсоюзов в меру сил сотрудничали с полицией. Социалистический мэр Бордо запретил демонстрации рабочих. Настоящие бои между полицией и рабочими развернулись в фашистской Польше. 10-тысячная демонстрация рабочих во главе с коммунистами выступила в Варшаве. Накануне было произведено несколько сот обысков и арестов. Было мобилизовано 2½ тысячи пеших полицейских и 2 эскадрона конной полиции. Пешей полиции не удалось сломить сопротивление демонстрантов, и отряды конной полиции врезывались в ряды рабочих. Десяток тяжело раненых, многие десятки раненых вообще. Во всех крупных рабочих центрах Польши произошли кровавые стычки между манифестантами и полицией. Политические заключенные в тюрьме Павяк устроили демонстрацию с пением Интернационала, который был подхвачен собравшимися вокруг тюрьмы несколькими стами рабочих. ППС в демонстрации не участвовала. В Англии, где рабочий класс снова начинает по-новому строить свои боевые ряды после поражения 1926 года и последовавшей бешеной реакции консерваторов в союзе с реформистами, 5-тысячная демонстрация рабочих шествовала по улицам Лондона под руководством коммунистов и вопреки бойкоту «рабочей» партии. В центре могущественнейшего среди империалистических разбойников американского империализма, в Нью-Йорке, впервые больше чем через десяток лет под руководством малочисленной и молодой компартии на улицу выступила 20-тысячная демонстрация пролетариев. В стране, где работает самая коррумпированная архибуржуазная и архиимпериалистическая профбюрократия,—профбюрократия, для которой империализм и строй эксплоатации являются высшим идеалом, для которой агрессивная империалистическая политика является делом и долгом рабочего класса, в этой стране, несмотря на бешеную борьбу этой профбюрократии против всяких классовых выступлений пролетариата и особенно выступлений интернациональной солидарности, в обстановке, когда кон'юнктура обманывает некоторых своей внешностью «процветания», 20 тысяч рабочих во главе с делегацией бастующих текстильщиков из южных штатов, где господствуют традиции времен рабства, выступают на улицу с лозунгами интернациональной солидарности, против империалистической войны, чтобы заявить всему миру, всем, кто имеет уши, способные слышать, и глаза, способные видеть, что в стране «расцвета» происходит «мощная революция», но в умах рабочих, идет и еще больше нарастает жестокая классовая борьба. Под знаменами Коминтерна шествовали и пролетарии Латинской Америки. Китайский пролетариат, обескровленный в тяжких боях и поражениях, несмотря на бешеную гоминдановскую реакцию, выступил под лозунгами международной солидарности. 50 тысяч рабочих бастовало в Шанхае. В Индии, где «коммунистическая угроза», т.-е. сознание пролетариатом своих классовых задач, задач возглавления национально-революционной борьбы против британского империализма и национальной буржуазии, становится все более реальной, 130 тысяч бомбейских текстильщиков еще накануне выступили на героическую борьбу с об'единенными силами индийской буржуазии и британского империализма. В столкновениях с полицией в эти дни в Бомбее насчитывалось 9 убитых и 106 раненых.

Таковы итоги международной сороковой маевки. Что характерно для этой маевки? Во-первых, сороковая маевка, маевка 1929 года, была маевкой массовой и революционной. На обоих полушариях впервые во всей истории первомайских выступлений ясно очертился этот характер маевки. Совершенно ясно, совершенно недвусмысленно в могучем и стройном марше миллионов этот характер маевки выявился в единственной пока стране пролетарской диктатуры—в СССР. Миллионы рабочих и трудящихся крестьян СССР, миллионы участников социалистического строительства выступили на своих улицах своих городов, в своих клубах, на площадях под знаменами социалистической реконструкции, социалистического соревнования, под знаменами великих работ пятилетнего плана, социалистической реконструкции деревни, под знаменем «догнать и перегнать» технически высокоразвитые капиталистические страны,—словом, под знаменем наступления на капиталистические элементы, их «вытеснения» как внутри, так и вне страны. Менее ясно, но совершенно отчетливо этот революционный характер маевки выявился во всем капиталистическом мире. С ясностью, не допускающей никаких сомнений, языком баррикадных боев этот характер маевки заявил о себе в Германии, особенно в центре ее—в Берлине. Об этом же говорят тысячи арестованных и десятки раненых во Франции, где буржуазия работала против маевки в союзе с «социалистами» и реформистскими профбюрократами. Совершенно недвусмысленным языком об этом же говорят десятки тяжело и легко раненых на маевке в Польше, проходившей исключительно под руководством коммунистов. А что иное говорят раненые и убитые на улицах Бомбея, где пролетариат борется против империализма и национальной буржуазии под руководством революционного союза «Красный Флаг», в обстановке полной измены буржуазии, колебаний и предательства мелкобуржуазных вождей?

За этими передовыми первомайскими отрядами во главе с пролетариями СССР и Берлина тянутся со всех уголков мира резервы международного пролетарского революционного фронта, все теснее смыкая свои ряды, все ближе подтягиваясь к передовым отрядам.

Если на одной стороне баррикад, баррикад революции, во главе стояли коммунисты, то наибольшую активность на контрреволюционной стороне баррикад проявила международная социал-демократия. Контрреволюционная активность социал-демократии была прямо пропорциональна степени революционного натиска пролетариата на буржуазное государство и участию социал-демократии во власти. Первомайские выступления пролетариата и ярче всего и прежде всего первомайская баррикадная борьба в Берлине для международной социал-демократии стали фактом всемирно-исторического значения. Накануне 40-летия основания довоенного II Интернационала, провозгласившего 1 мая днем международного смотра революционных сил пролетариата, днем демонстрации его решимости бороться за социализм, ведущая партия послевоенного II Интернационала выступила с демонстрацией полной своей готовности бороться любыми средствами за сохранение и укрепление расшатывающейся стабилизации капиталистического строя. Так ярко в международном масштабе, в «мирной» обстановке был подчеркнут и выявлен новый этап контрреволюционного, фашистского перерождения социал-демократии.

Таковы две самые яркие особенности первомайской демонстрации. Эти особенности говорят об определенном этапе расшатывания капиталистической стабилизации, об определенном этапе обострения классовой борьбы пролетариата, изменении ее форм, эволюции социал-демократии и буржуазного государства и росте влияния компартии. Первомайские демонстрации проходили в общем и целом под лозунгами коммунистов, под лозунгами боевого интернационализма и против социал-демократов. Первомайские демонстрации были массовыми революционными демонстрациями под руководством отрядов Коммунистического Интернационала и против буржуазии и, что важней и характерней, против социал-демократического фланга международного империализма. Это обстоятельство указывает на то, что первомайская борьба есть определенный этап в развитии классовой борьбы пролетариата, требующий тщательнейшей и всесторонней оценки.

Баррикадная борьба на улицах Берлина не является случайным событием на международном фронте маевки. Берлин был лишь высшим пунктом борьбы. От этой революционной вышки к демонстрациям в далеких странах Латинской Америки ведет целый ряд переходных ступенек в напряжении и широте классовых выступлений пролетариата. Ситуация в Берлине, породившая баррикадные бои, связана теснейшими нитями с самыми разными событиями и в самых разных уголках земного шара. Здесь и репарационный торг в Париже и социалистическое соревнование в СССР. Здесь и разбойничье ограбление Китая и Индии и социалистическая индустриализация далеких окраин Советского Союза. Растущие противоречия между Англией и Америкой, их подготовка к войне и заигрывание Америки с Германией, желание германской буржуазии и социал-демократии показать, что они могут справиться с рабочими, здесь также играют свою роль. Растущее сопротивление пролетариата стран-победительниц повышающейся норме эксплоатации, растущее сопротивление колоний и полуколоний империалистическому грабежу точно так же играют свою роль в повышении активности германского пролетариата. Берлин, Германия—не случайность, не исключение. На данном этапе, в данный период здесь сконцентрирован лишь весь сгусток растущих и обостряющихся противоречий гнилой стабилизации капитализма. То, что «прорвалось» в Берлине, «прорвалось» под давлением всей международной обстановки, выявляя характер и сущность, как и перспективы развития расшатывания капиталистической стабилизации. Все международное первое мая—тоже не случайность. Нет необходимости говорить о его не столь далеком предшественнике и прежде всего предшественнике Берлина—Вене 1927 г., Гамбурге 1928 г. Всего-на-все лишь после VI конгресса мы имеем Лодзь, Рур, сплошную волну экономических боев во Франции, Чехо-Словакии, революционные выступления пролетариата в Индии, никак не могущую установиться стабилизацию в Китае, растущую классовую борьбу в Соединенных Штатах. Первое мая и Берлин—лишь последующее звено, звено международное в прямом и непосредственном смысле этого слова, в цепи этих событий, в цепи этой растущей и обостряющейся классовой борьбы. Первомайские события еще раз ярчайшим образом подтвердили всю правильность большевистской основной установки VI конгресса в вопросе о характере так называемого третьего периода и вытекающих отсюда задач и перспектив борьбы пролетариата во главе с Коммунистическим Интернационалом, подтвердили против правых и примиренцев, против социал-демократии, против троцкистов. Первомайские события, кроме этого, поставили ряд новых проблем коммунистического движения.

Основной установкой VI конгресса является перспектива дальнейшего расшатывания капиталистической стабилизации. Только из этой основной общей установки насчет дальнейшего развертывания третьего периода вытекает ряд частных и важнейших линий развития, установленных конгрессом. С этим же тесно увязано видоизменение тактической линии партий Коммунистического Интернационала. Расшатывание капиталистической стабилизации обусловливается и в свою очередь обусловливает огромный рост мировых противоречий. Здесь прежде всего растут и обостряются основные противоречия капитализма—между пролетариатом и буржуазией. Это сказывается непосредственно и острей всего в отношениях между империализмом и СССР, это сказывается далее в обостряющейся классовой борьбе самого пролетариата в капиталистических странах, это, наконец, сказывается во все большем обострении борьбы колониальных народов против империализма. Всеобщий характер обострения этих противоречий вытекает из самой их природы—всеобщего кризиса капитализма. Эта всеобщность капиталистического кризиса особенно подчеркивается в третий период его развития. В этот третий период по самому его характеру в орбиту движения кризиса капитализма все тесней и ближе втягиваются самые отдаленные и самые «благополучные» его уголки. Основное противоречие капиталистического строя—противоречие между движением производства и чрезвычайно отстающим от этого движения развитием потребления,—именно в третий период на основе превышения довоенного уровня производства выступает на первый план как актуальное и все определяющее противоречие. Именно каждый маленький шаг вперед в области производства сопровождается бешеным минированием этого противоречия. Каждый шаг вперед в области производства означает обострение кризиса на новой основе, более тесное втягивание в него «отстающих» (и отстающих прямо в революционном смысле) участков мирового капитализма. Это развитие происходит на основе неравномерности. Именно этим определяется все растущий всеобщий характер расшатывания капиталистической стабилизации. Это сказывается и во всеобщем характере полевения рабочего класса, в остроте классовой борьбы в Германии, в растущем давлении мирового кризиса на империализм САСШ, в растущем революционном движении в Индии, в неудающейся стабилизации Китая и т. д. и т. п. Наконец, это сказывается в растущей военной опасности против СССР. Этот всеобщий характер кризиса сказывается и в империалистических отношениях. Именно, известная найденная и своеобразная «стабильность» в этих отношениях в виде

борьбы между Англией и Америкой, разделившей весь империалистический мир на два военных лагеря, подчеркивает и всеобщий характер кризиса капитализма и расшатывания его стабильности.

В основе всего этого лежит обострение основного противоречия капитализма между производством и потреблением, между хотя и слабым ростом производства и огромным отставанием в развитии и расширении рынков. Их совместное движение, но неравномерное, отставание второго от первого приводит к расширенному воспроизводству и обострению этого самого и всех других противоречий. Процесс этого обострения есть неравномерный процесс. Эта неравномерность определяется и факторами классовой борьбы и факторами об'ективными, экономическими. Индустриализация юга САСШ, колонизация Южной Америки смягчают временно и в известной мере темп роста этого противоречия. Поражение китайской революции, поражение всеобщей стачки в Англии приводят к тому же результату. Но с точки зрения тех всемирных размеров, которых достигло это противоречие в современном капитализме, указанные явления лишь небольшие «светлые» пятна на фоне кризиса капитализма, отнюдь не могущие изменить основной характер и перспективу развития, и, наоборот, после маленькой передышки они становятся отправным пунктом для огромного, развернутого обострения об'ективных и суб'ективных противоречий капитализма. Но эти обстоятельства подчеркивают неравномерность движения, неравномерность самого темпа расшатывания капиталистической стабилизации. Отсюда вытекает несколько выводов в отношении основ развития классовой борьбы пролетариата.

Во-первых, в общем и целом ускорение темпа расшатывания капиталистической стабилизации. И, во-вторых, возможность и неизбежность при этом общем ускорении темпа расшатывания известных периодов замедления. Эта возможность временного замедления, чем дальше, тем будет меньше, но она не исключена. Суб'ективный фактор, фактор классовой борьбы пролетариата, в этом развитии играет все большую роль. Об этом говорит весь опыт капиталистической рационализации, как фактора стабилизации капитализма, и сопровождающих ее параллельных острых классовых боев пролетариата. Отсюда усиление роли Коминтерна, изменение функций с.-д., ее фашизация, как и фашизация капиталистического государства.

Все развитие после VI конгресса показало ярче всего именно это ускорение темпа расшатывания капиталистической стабилизации. После Лодзи и Рура первое мая показало это нагляднейшим образом. Только филистеры и люди, ничего общего с марксизмом не имеющие, могут здесь приводить два возражения, что, во-первых, есть все же известный под'ем производства, а, во-вторых, что, хотя борьба в Руре и Лодзи, но разве можно это сравнить с китайской революцией или всеобщей стачкой.

Так именно мыслят—иногда вслух, иногда про себя—правые и примиренцы и иже с ними и около них. Что касается известного роста производства, то эти люди здесь не понимают, что решает вопрос не вообще движение и не одно данное движение, взятое изолированно, т.-е. вопрос решает темп движения. На «ефтом самом месте» правые и примиренцы спотыкаются в капиталистических странах так же, как и в СССР. А темп роста капиталистического производства сейчас прямо-таки черепаший и то непостоянный, неуверенный, сугубо непрочный. При этом и этот медленный и непрочный рост сопровождается и дается ценою бешено быстрого роста социально-экономических противоречий. Этот рост, его характер если о чем-нибудь и говорит (а он говорит), то только о все растущей гнилости и непрочности капиталистической стабилизации.

Уж совершенно антимарксистское и антиленинское второе соображение. Здесь люди не видят самого характерного в современной классовой ситуации. А тут характерны целых четыре вещи, именно подчеркивающие установку Коминтерна, указывающие на более высокие формы, более высокий тип классовой борьбы в данный период. Во-первых, классовая борьба пролетариата и угнетенных народов принимает все более самостоятельный характер, они освобождаются от реформистских иллюзий, руководство все больше переходит к нашим партиям, при этом сами выступления не теряют, а, наоборот, принимают все более массовый характер.

Мы, действительно, вступили в период сочетания массового пролетарского движения (выступлений) с его революционным, т.-е. коммунистическим по своему смыслу характером. Этим и определяется то обстоятельство, что пролетариат в своей борьбе переходит в контрнаступление. Отсюда и, во-вторых, это развертывание борьбы рабочего класса и угнетенных приобретает все большую организованность и известную равномерность, идет ее систематическое нарастание. Это имеет и суб'ективные и об'ективные корни. Об'ективные корни— в растущем расшатывании капиталистической стабилизации. Отсюда суб'ективные—втягивание все больших масс пролетариата и во все более сознательную и организованную революционную борьбу: освобождение от реформистских иллюзий и руководства, в частности и потому, что сами реформисты покидают и не могут не покинуть, оставаясь в рамках капитализма, поле борьбы за реформы, открыто переходя на сторону империалистической реакции. Поэтому сейчас менее возможны такого характера стихийные движения, как всеобщая стачка и китайская революция.

Такие движения сейчас, прежде всего, возможны и неизбежны, но уже под руководством коммунистического авангарда, т.-е. более организованные, подготовленные и с несравненно большими шансами на успех. Поэтому уже и такие грандиозные предательства и тяжелые поражения, как были в Англии и Китае, сейчас гораздо менее возможны. Вот это систематическое нарастание классовой борьбы пролетариата и угнетенных, ее организованности и массового характера есть вторая характернейшая особенность современного ее этапа, неуклонно приближающая нас к великим боям, к которым принадлежат уже и бои первого мая.

В-третьих, обострение классовой борьбы (как и вообще всех противоречий империализма) становится сейчас все более всеобщим, мировым. Неужели умникам из правых и примиренцев непонятно, что это есть предвестник мировой бури, что буржуазии и с.-д. остается все меньше поля для маневрирования, что дело идет к большим битвам, что надо усиленно готовиться и готовить массы к ним? Или эти люди совсем потеряли обоняние революционного пороха?

Отсюда и, в-четвертых, мы видим известную равномерность в распределении классовых фронтов, большую их устойчивость. Как раз характерно сейчас то, что на ряду с под'емом в Индии, неизбежным под'емом в Китае, мы видим явственно быстрый под'ем движения в сердцевине мирового капитализма: в Германии, Франции, Америке. В Европе опять пахнет большой революционной борьбой, идет дело к большим боям. Это сейчас самое характерное в мировой обстановке. После небольшой передышки рабочий класс Европы все большими массами вступает на революционный путь...

Вот этого всего правые и примиренцы понять не могут и нутром своим не могут приять. Но это все Коммунистическому Интернационалу

говорит о необычайно быстром темпе расшатывания капиталистической стабилизации и обострении классовой борьбы пролетариата и военной опасности. Первомайские бои и выступления были крупнейшим международным звеном в этой цепи событий. Они еще раз показали такое убыстрение темпа развития, какого мы во время VI конгресса не могли даже ожидать на ближайшее время. В такой ситуации наша задача не отставать никоим образом, но и не опережать хода событий.

В обстановке такого обострения классовой борьбы, расшатывания капиталистической стабилизации совершенно понятен быстрый темп фашизации буржуазного государства, ограничение рамок буржуазной демократии рамками все больше лишь самой формальной и показной демократии, уничтожение вообще всякой демократии. Классовая борьба после VI конгресса в такой короткий промежуток времени показала всю быстроту этого процесса. Это сказалось и в сращении предпринимательских аппаратов с государственным аппаратом, и в тенденциях к своеобразному госкапитализму, когда политический аппарат буржуазии—государство—становится непосредственно и прямо и открыто полицейским аппаратом предпринимательских организаций. Тут дело не столько в том, что государство все больше становится предпринимателем, тут как раз нет особенно значительных, по сравнению с прошлым, явлений даже в области военной промышленности. Дело в том, что государство все более откровенно обнаруживает себя как политическая организация господствующих классов, т.-е. как организация классового угнетения, поддержания классовой эксплоатации. Это все больше сказывается в самой общей форме, именно в совокупном процессе фашизации этого государства, т.-е. как в непосредственном ограничении рамок буржуазной демократии, уничтожении всякой демократии, так и в перенесении центра тяжести функций этого государства в область непосредственно полицейскую в прямом смысле слова, в самом грубом и открытом виде. Государство все более откровенно подчиняется кучке крупнейших предпринимателей. Государство все шире и откровенней, прямо и непосредственно становится главным орудием в экономической борьбе предпринимателей с рабочим классом. Экономическая борьба все шире решается с помощью полицейского оружия, с помощью милитаристского аппарата. Поэтому мало-мальски крупные экономические столкновения перерастают в политическую борьбу, а политическая борьба в свою очередь перерастает в революционные столкновения. То на том, то на другом участке классовой борьбы, где накопляются очаги противоречий расшатывающейся стабилизации, вспыхивают эти революционные огни и огоньки, угрожая раздуться в большой революционный пожар. Это не есть борьба за власть, ибо нет еще всеобщей революционной ситуации, и центр тяжести лежит в новых формах повседневной борьбы пролетариата и завоевания компартиями большинства рабочего класса, но возможность перерастания этих столкновений в революционную борьбу за власть не исключена.

Задача партии состоит в том, чтобы, с одной стороны, учесть этот неизбежный новый исторически выдвинутый характер классовой борьбы пролетариата, ее повседневную напряженность, необычайную сложность, понять, что от этих форм убежать нельзя, наоборот, эту борьбу надо организовывать, становиться во главе ее. Надо понять, что это не случайные «стихийные» вспышки, а неизбежная, массами выдвигаемая форма высшего напряжения повседневной классовой борьбы пролетариата, определяемая всем характером расшатывающейся капиталистической стабилизации. Лодзь, Рур, 1 мая—эти последовательные ступени классовой борьбы—показали именно эту повседневную чрезвычайную напряженность классовой борьбы пролетариата. С другой стороны, мы должны понять, что это еще не есть революционная борьба в узком смысле слова, хотя одна и может перерасти в другую. Враг здесь пытается спровоцировать революционный авангард на забегание вперед, чтобы разгромить его. Здесь встает сложнейшая задача сочетания революционных уже форм борьбы с решающей на данном этапе проблемой завоевания большинства рабочего класса, которая кое-где, и прежде всего в Германии, придвинулась уже вплотную. Новизна задачи заключается в том, что пролетариат, идя на революционные столкновения с буржуазией, не ставит еще широко проблему власти. Компартия никакой хитрой тактикой увильнуть от этих форм борьбы не может. Она этим сразу же стала бы партией «левой» социал-демократии, партией правых «коммунистов». В эту точку мы должны бить особенно в виду того, что кадры наших партий в широком масштабе, впервые встают перед этой проблемой. Но партия, если бы она забежала вперед, сделала бы как раз то, что нужно врагу. Проблему завоевания большинства она подменила бы проблемой замены большинства класса его революционным авангардом и была бы неизбежно жестоко бита. Поэтому направление главной силы огня против правой опасности и примиренчества в данной обстановке особенно подчеркивается. И первомайские выступления показали значительную неподготовленность и известную непригодность части кадров партий к руководству новыми напряженными формами классовой борьбы пролетариата. Кадры кое-где не выступали организаторами этой борьбы, избегали ее и даже выступали против нее.

Важнейшим звеном фашизации буржуазного государства стала фашизация социал-демократии. И тут правые и примиренцы обанкротились вполне. Они не поняли неизбежности этой фашизации. И первомайская борьба обнаружила здесь все их теоретическое и политическое банкротство. Правые в плохом положении пытаются делать хорошую мину. В «открытом письме членам ГКП и Коминтерну» они заявляют, что «партия 1 мая изолировала себя от широких масс рабочего класса». Жалкие предатели и лгуны! Не от правых ли «масс» партия «изолировала» себя,—от правых, шедших открыто в едином фронте с социал-демократией. Нет, никакими софизмами изменников не удастся скрыть всемирно-исторический факт, что особенно в этом вопросе правые и примиренцы обанкротились первого мая, как никогда. Изоляция от масс, от революционных масс,—вот что было их уделом. Под знаменами компартии на улицы Берлина выступило двести тысяч рабочих. Последовавшие за первым мая кое-где выборы в завкомы показали, что за партией шла и все больше идет масса рабочего класса. В Берлине, в центре баррикадной борьбы, у лучшего отряда пролетиариата—у металлистов—на перевыборах завкома в «Бергман-Верк» список революционного крыла профсоюзов получил 2.105 голосов, а реформисты собрали всего 1.008 голосов. Это ли, господа правые, «изоляция»? Изоляция от масс, но не компартии, а правых и реформистов!

Фашизацию с.-д. первое мая показало на новой ступени. Первое мая—не 4 августа. 4 августа было обманом не осознавшего своих задач рабочего класса социал-империалистами. Этот обман рабочий класс, шедший за оппортунистами, осознал на жестоком опыте войны. 1 мая было открытым выступлением социал-демократии против рабочего класса как раз по такому вопросу, где проходит ясная историческая граница, выдвинутая 40 лет назад самим, хотя и довоенным, II Интернационалом, между рабочим классом и буржуазией. Нигде в исторической традиции международного рабочего движения эта грань между двумя классами не проходит столь ясно и резко, как в вопросе о праве рабочих на первое мая. И первого мая с.-д. именно здесь стали активно,—больше, чем сама буржуазия когда-либо,—

против рабочего класса. Роялисты больше, чем сам король,—такова была позиция с.-д. Как царизм 9 января расстреливал веру рабочих в себя, так с.-д. первого мая стреляли в рабочих. И здесь у с.-д. нет никаких других обманных ходов, кроме одного, что они стреляли... в рабочих-коммунистов...

И вопрос о коммунистической партии становится центральнейшим вопросом всей исторической борьбы рабочего класса на данном периоде развития.

Вопрос о компартии сейчас становится *по-иному*, по-новому. Это—не постановка 1918—1920 гг., когда по существу неорганизованные еще в партию коммунисты становились во главе революционного под'ема и *не могли организовать* эту борьбу. Это—не постановка 1921—1927 годов, когда партии наши *подходили* к массам, завоевывали их у реформистов тактикой единого фронта. Сейчас вопрос о компартии стоит как проблема *нарастающей борьбы за власть*, борьбы организовывающегося решающего революционного большинства рабочего класса, под нераздельным и несомненным руководством коммунистической партии. В разных странах этот вопрос стоит на разных этапах, но, несомненно, в исторической актуальности вопрос так именно стоит в общем и целом. *Вопрос о компартии становится, и кое-где почти стал, в общем, как вопрос революционного большинства рабочего класса.*

В этом и об'яснение первомайских действий социал-демократии и тактики Коммунистического Интернационала. Отсюда встает и ряд важнейших новых проблем.

Да, верно, что с.-д. расстрельщики стреляли в коммунистов. Но огромной исторической важности факт состоит в том, что и стрельба в коммунистов в разные этапы развития классовой борьбы, сознательности и организованности пролетариата имеет *разное значение и смысл*. Одно дело, когда коммунисты—кучка, другое дело, когда коммунисты—лишь авангард, не связанный еще идейно с широкими массами, и *совершенно* иное дело, когда за коммунистами, несмотря на все угрозы с.-д. Цергибелей, несмотря на угрозы расстрелов, выступают с готовностью на баррикадную борьбу 200.000 рабочих, об'единяемых лишь одним сознанием общности своих классовых интересов, — сознанием, которое организованно представляет *лишь* партия коммунистов. *Это совсем иное дело*. Тут «стрельба в коммунистов» неизбежно означает и становится стрельбой *в массы* рабочего класса, в рабочий класс, подходящий и приближающийся сейчас к своему последнему решительному бою. В этом суть. Это уже есть борьба прямо и непосредственно против организующегося, хотя не организованного еще, почти большинства, хотя еще не вполне большинства, революционного рабочего класса. Первое мая было непосредственно борьбой за улицу. Но кого? Организующегося большинства рабочего класса против соц.-демократических защитников улицы для капиталистической реакции. Какой борьбой? Борьбой в форме гражданской войны. Но борьбой за улицу никак не исчерпывается и не обнимается значение первомайских событий. Для социал-демократии за этой борьбой и в этой борьбе встает *исторический вопрос пролетарской революции—утеря большинства рабочего класса*, угроза, «фатально» надвинувшаяся на социал-демократию. В последнее время в связи со всем характером исторического развития нарастает кризис в реформистских массовых организациях и в том числе и в соц.-дем. партии. Растет недовольство с.-д. рабочих социал-фашистскими вождями. Этому соответствует то обстоятельство, что с.-д. партия все больше ищет свою опору в мелкобуржуазных массах мещанства, склонных к фашизму. *А для буржуазии это—вопрос власти*, вопрос ее классового господства. *Первое мая поэтому стало вопросом о компартии*. Поэтому концентрированное выражение эти оба, а по су-

ществу один вопрос, приобретают в проблеме компартии, организованного и организующего авангарда, *вплотную* подошедшего к завоеванию большинства рабочего класса.

И здесь первомайские события в новой, высшей форме политической борьбы подтвердили всю правильность тактической линии VI конгресса, подтвердили против правых и примиренцев. Вопрос о *самостоятельном* выступлении наших партий во главе классовой борьбы пролетариата получил здесь *революционную проверку*. Первого мая партия выступила именно в этой роли. Понятно, что эта тактика неизбежно вытекает из всех условий и характера классовой борьбы пролетариата в рамках расшатывающейся стабилизации капитализма. В настоящий период вопрос стоит так: *или* компартия выступает самостоятельно—и тогда она развивается как авангард большинства рабочего класса, *или же* она идет по пути правых и примиренцев—и тогда плетется в хвосте с.-д., изолируя себя от революционизирующегося большинства рабочего класса. *Третьего не дано*. Всякие разговоры о третьем есть «мелкобуржуазная ламентация» (Ленин). И компартии первого мая пошли смело—может быть, недостаточно смело—по первому, большевистскому пути. В этой мере они были во главе масс. В этой мере социал-демократия и буржуазия потерпели поражение. *Первое мая было международной проверкой тактики* К. И., *революционным испытанием* для наших партий. И репетиция в общем оказалась *удачной*. Борьба развернулась с «замечательной силой» (Ленин). Опыт первого мая мы еще будем изучать, но общая положительная оценка несомненна. *Для социал-демократии и буржуазии первое мая было контрреволюционной репетицией*, прекрасно подготовленной. И эта репетиция показала, что с.-д. вплотную стала перед проблемой нарастающей борьбы *против* революционного большинства рабочего класса. Необходимость самостоятельных выступлений для нашей партии сейчас должна быть ясна даже для слепых. Эта необходимость *выдвинута и проверена самой борьбой*. И с.-д. это видит и делает из этого все надлежащие выводы.

Первомайская борьба выдвинула ряд новых проблем, но центральнейшая проблема есть вопрос о революционном существовании нашей партии, как авангарда, завоевывающего большинство революционизирующегося рабочего класса. Уже на «второй день» после первого мая буржуазия и с.-д. поставили вопрос о постепенной делегализации коммунистической партии. Но этот вопрос нельзя сейчас разрешить так, как можно было когда-то. Конечно, Троцкому вольно разводить лакейскую философию о том, что господствующий класс «может сделать» все. Но диалектическая революционная действительность имеет законы более сильные, чем законы с.-д. и буржуазного государства. И первое мая показало это. Показали это и последующие события. *Нарастающее и организованное массовое революционное движение невозможно загнать в подполье*. Это показала вся история революционных движений. Запрещенный всюду союз красных фронтовиков существует, ибо это организация *революционных масс*. Можно загнать в подполье кучку революционного меньшинства, но загнать в подполье в обстановке нарастающей революционности масс массовую революционную организацию—как наша партия в Германии—невозможно без исключительно жестокой борьбы в исключительной обстановке, когда на карту действительно станет вопрос о власти, когда этот вопрос будет совпадать с вопросом борьбы за власть и исход его будет исходом борьбы вокруг вопроса о власти. Такая возможность мыслима как один из результатов борьбы в военной обстановке, когда тоже *все* поставлено на карту. Но, несомненно, и в этом втором случае его нельзя разрешить по-старому. И здесь перед нашими партиями встает сложная проблема, во-первых, борьбы

за открытое, легальное существование, во-вторых, борьбы за существование как открытой массовой революционной партии в условиях формального и фактического ограничения этой легальности или формального ее уничтожения.

Это есть проблема существования массовой революционной партии, которая встает сейчас во весь рост перед всеми нашими партиями в том числе и партиями стран фашистского террора. Противоречие состоит здесь в том, что как раз в меру массового революционного под'ема будет усиливаться давление буржуазии на легальность наших партий. Коммунизм — вот враг—это сейчас вопрос нарастающей революционной борьбы, которая перерастет в борьбу за власть. Призрак коммунизма не бродит над Европой, коммунизм становится центром растущих революционных сил рабочего класса, организатором его борьбы за власть! Компартия из партии массовой пропаганды, из партии повседневной борьбы вплотную подходит к превращению в партию революционной борьбы рабочего класса. И здесь со всей силой надо подчеркнуть и выдвинуть центральное звено во всей этой проблеме — работу на предприятии, работу ячейки, и прежде всего подчеркнуть новый характер этой работы. Ячейка должна стать организатором, революционным авангардом на предприятий.

С этой точки зрения становится и проблема кадров снизу доверху, очищение состава кадров от всех остатков правых и примиренческих элементов и настроений. Первомайские события поставили этот вопрос еще резче, чем он стоял до сих пор. Слабый отклик на призыв к забастовке после баррикадных боев указывает на то, что партийные кадры стояли не на достаточной высоте. После такой высочайшей формы борьбы, как баррикадные бои, слабая удача призыва к забастовке. Что здесь дело не в изоляции партии, показывает хотя бы тот факт, что трамвайщики, давшие на выборах в завкомы ⅔ голосов коммунистам, на демонстрацию и забастовку почти не пошли. Поэтому и улучшение всей работы партии, особенно работы на предприятиях, подготовка выступления, подготовка к реализации результатов этих выступлений «на второй день» после них есть важнейшая проблема. Партия должна показать всю силу организации не только в самом выступлении, но и в работе после выступления. Только эта вторая работа может превратить такие высшие пункты под'ема классовой борьбы пролетариата в исходный пункт для нового этапа его развертывания, этапа большей организованности, большей массовости, большего натиска.

Первомайские события, берлинская борьба как в капле воды отразили все противоречия нынешней стабилизации капитализма. В самом деле— в Берлине идет баррикадная борьба, происходит революционизирование рабочего класса, а в Париже богатейший империализм в мире—американский— накладывает на плечи Германии, ее рабочего класса 2-миллиардную ежегодную контрибуцию. Разве в этом противоречии не получает исключительно яркое подтверждение все учение Маркса—Ленина о неравномерности капиталистического развития, его смертельной анархии, не терпят крах все россказни Каутских и Гильфердингов об ультра-империализме и Лиге Наций, все толки правых об устойчивости стабилизации? Разве здесь не ясна вся правильность постановки Ленина о революционной эпохе, как разрывающей империалистический фронт с отдельных участков, концентрирующих в себе главные сгустки нарастающих противоречий? Или падающая Англия выплачивает Америке ежегодно 330 млн. руб. прямой военной «контрибуции». Или сильнейшая в мире с.-д. первая и наиболее открыто с оружием в руках выступает против рабочего класса, показывая путь, по которому завтра пойдут и другие ее собратья, если они станут у «власти». Весь этот клубок противоречий другое свое выражение получает в военной опасности. Если обострение классовой борьбы пролетариата с буржуазией есть одна сторона, то военная опасность есть другая сторона расшатывающейся стабилизации капитализма.

Первомайская борьба и в этом вопросе подчеркнула кое-что. Она показала, что нарастание классовой борьбы пролетариата все более направляет острие военной опасности против СССР и делает ее актуальней. Конечно, понятен весь обман с.-д. и буржуазии, что, якобы, СССР, ее «агенты» являются прямыми организаторами революционной борьбы пролетариата. Это наглая ложь. Это все равно, если бы вздумали Маркса посадить сейчас за решетку, как главного виновника и организатора катастрофы капитализма. За этим обманом буржуазии и с.-д. скрывается та мысль, что пример СССР, его существование и об'ективно и суб'ективно есть важнейший революционизирующий фактор мировой обстановки. Поэтому с.-д. и буржуазия в исступлении кричат, что баррикады надо начинать ликвидировать из Москвы: там их центр, корни. Германская с.-д. и буржуазия тут имеют и особые соображения: продажа одного германского пролетариата победителям — еще недостаточная плата за разрешение состязаться в империалистической политике; с.-д. и буржуазия заявляют, что они согласны были бы за хорошую плату положить на карту и судьбу СССР. Руки коротки, но зарегистрируем. Но понятно центр тяжести не в этом соображении. Основное заключается в том—и это показал пример Англии, Франции, Китая, Индии,—что обострение классовой борьбы, расшатывание капиталистической стабилизации в общем все острей ставит вопрос о военной опасности против СССР. И тут установка правых и примиренцев в связи с первомайскими событиями получила еще один (какой по счету?) жестокий удар.

Здесь в связи с этим надо подчеркнуть несколько моментов. Во-первых, вся первомайская демонстрация проходила под лозунгом борьбы против империалистической войны, за защиту СССР. Борьба показала готовность рабочего класса выступить под этим знаменем. Рабочий класс показал международную революционную солидарность. Демонстрация стала генеральной репетицией к грядущей жестокой борьбе против войны, за защиту СССР. Она показала, что для с.-д. второе 4 августа не удастся. Рабочий класс в таких формах и размерах не удастся потащить за империалистической колесницей. Буржуазия и с.-д. ясно увидели это из первомайской репетиции. Тем тщательней и суровей будет борьба.

Это надо учесть и нам в отношении предстоящего 1 августа Красного дня.

Во-вторых, во весь рост, еще шире надо поставить вопрос об интернациональности в воспитании наших партий, интернациональности дисциплины, в выступлениях. Боевой интернационализм растет в рабочем классе. Наши партии должны стать во главе этой интернациональности. Это в неменьшей мере относится и к СССР, к нашей партии—ВКП(б). До сих пор у нас на этом участке далеко не все обстоит благополучно. Надо, наконец, вывести вопрос из плоскости общей агитации и пропаганды о необходимости интернационального воспитания масс партии и трудящихся в какие-то организационные рамки, обеспечивающие выполнение этой задачи. Надо взяться за эту задачу вплотную. Судьба нашей революции все время неразрывно связана с судьбой мировой борьбы пролетариата. Сейчас эта зависимость как и в годы гражданской войны опять приближается к тому этапу, когда она выступит во всей своей непосредственности. Понимания этого еще далеко нет. И это опасно. Здесь надо много и настойчиво работать.

Первомайская борьба открывает новый этап во всей нашей международной революционной борьбе. Она целиком подтвердила все основные прогнозы Коммунистического Интернационала. Исто-

рия работает за нас. Мы включились в великий исторический революционный поток. Чем дальше, тем больше обнаруживается, что те, кто становятся в «критическую позу» по отношению к этому великому движению, отбрасываются рабочим классом к ногам буржуазии и с.-д. Мы не обманываем себя ни на счет своих сил, ни на счет сил буржуазии и реформизма. Враг еще силен, еще предстоит довольно долгая и жесточайшая борьба. Мы еще лишь на пороге решающих боев. Успех борьбы зависит от революционного завоевания большинства рабочего класса. Но все дело в том, что Коммунистический Интернационал наметил путь восхождения на революционные высоты с большинством рабочего класса, и путь оказался правильным. Он получил тройную проверку: в Руре—в борьбе прежде всего против предпринимателей; в выборах в фабзавкомы — в борьбе против с.-д.; первого мая—в борьбе против об'единенной организации и предпринимателей и с.-д. — капиталистического государства. Он получил проверку как в борьбе экономической, так и в широкой политической и революционной борьбе. Другие—правые, в иной форме примиренцы—идут «испытанным путем» с.-д., оставаясь с обманутыми еще реформизмом массами и поддерживая этот обман.

Этим первым, большевистским, революционным путем мы пойдем и дальше.

Такова директива первомайской борьбы.

Ем. Ярославский.

Как „отвечает“ Троцкий и как рабочие отвечают Троцкому.

Опубликование статей Л. Троцкого в буржуазной, реакционной фашистской и бульварной печати Европы и Америки нашло уже достойную оценку на страницах всех коммунистических органов, в рядах рабочего класса всех стран. Но и на многих сторонников Троцкого впечатление от этих статей было прямо ошеломляющее. Троцкисты совершенно растерялись в первые дни. И в настоящее время нет никакого сомнения в том, что это выступление Троцкого в новом свете показало его перед многими его сторонниками. Эти сторонники вчера еще колебались, — сегодня они рвут с оппозицией, и многие из них переходят на партийную линию. Впрочем переходят и такие сторонники Троцкого, которые вчера безоговорочно шли за этим «пролетарским революционером», за которого они искренне принимали Троцкого. Бывает так, что больному нужно какое-то резкое потрясение, чтобы разбудить деятельность тех или иных органов; бывает, что нужна резкая хирургическая операция, чтобы прорвать нарыв. Такой операцией для больных троцкизмом была высылка Троцкого. Она поставила вопрос до крайности резко об отношении к тому, что делает Троцкий. Найдут ли троцкисты в себе мужество открыто признать, что они не согласны с Троцким, или они прикроются этой высылкой, как обстоятельством, которое им-де «мешает» реагировать должным образом на антиреволюционные, антикоммунистические шаги Л. Троцкого? Появление статей Троцкого в реакционной печати поставило вопрос еще более ясно. С кем мы имеем дело? Есть ли хоть какое-нибудь оправдание в делах Троцкого его словам, что он является «большевиком-ленинцем» или это название служит прикрытием для идеологии, ничего общего не имеющей с большевизмом, с ленинизмом, как это решили XIV и XV с'езды партии?

Но, вместе с тем, надо признать, что развращающие проповеди троцкизма сделали свое дело по отношению к многим сторонникам Троцкого. Ведь Троцкий под своим знаменем сумел собрать не только и не столько некоторых бывших большевиков, но значительную часть людей, которые, нося партийный билет ВКП(б) в кармане, на самом деле ничего общего с большевизмом не имели. Эти троцкисты-«бельшевики» восприняли легко развращающие проповеди Троцкого, который, начав «новый курс», в котором он повторил свои старые ошибки, закончил прямым сотрудничеством в реакционной буржуазной печати. Интересно все же остановиться на том, как реагировала на выступления Троцкого и эта часть троцкистов.

Сначала в произведениях и в речах троцкистов мы услышали отрицание самого факта выступления Троцкого в реакционной печати. Это, дескать,

«фальшивка»,—не может быть, чтобы Троцкий стал сотрудничать в буржуазной печати,—Ярославский все это выдумывает. А некоторые даже договаривались до того, что, вероятно, ГПУ устроило напечатание какой-нибудь фальшивки в буржуазной реакционной газете «Дэйли Экспресс» и в других органах буржуазии. Троцкисты нас забрасывали запросами: почему вы не напечатаете целиком статей Троцкого? Мы отвечали и отвечаем на это: советская большевистская печать— вовсе не свободная трибуна для всех контрреволюционных произведений.—Вы боитесь,—уверяли троцкисты наивно. Напечатайте статьи Троцкого, раз они контрреволюционны, и пусть все увидят, что они именно таковы: а вы приводите лишь небольшие выдержки из его статей.

Но когда же это они видели, чтобы Ленин, например, полемизируя с меньшевиками, эсэрами, кадетами, анархистами или с кем угодно, печатал целиком произведения этих партий, которые он критиковал, которые он резко бичевал? В свое время, например, и Ленин и Троцкий ответили Карлу Каутскому по поводу его ренегатских статей и книг. Кто же требовал от нас, кроме меньшевиков, чтобы мы напечатали эти статьи и книги Каутского? Меньшевики, эсэры и другие обвиняли Ленина в том же самом: дескать, Ленин боится свободы печати, Ленин недобросовестно критикует своих противников.

Стара штука! Ни одного сознательного рабочего сейчас на этом поймать нельзя.

Затем, когда скрывать или отрицать факт выступления Троцкого в буржуазной печати было уже невозможно, началась оборона этого выступления,—сначала осторожная, а затем все более и более наглая «принципиальная» защита. Перед нами несколько подпольных произведений троцкистов, в которых делается такая попытка реабилитации ренегатского шага Троцкого. В первом из них говорится о том, что Ярославский «согласен поставить свою подпись под клеветнической фальшивкой Чемберлена, одурачивающей английский пролетариат». Листовка эта подписана: «Большевики-ленинцы. Оппозиция ВКП(б)» и выпущена 29 марта 1929 г., т.-е. на другой день после появления в «Правде» статьи «Мистер Троцкий на службе у буржуазии». Следовательно, троцкисты вначале сами считали, что статья в «Дэйли Экспресс» является «фальшивкой Чемберлена, одурачивающей английский пролетариат». Здесь еще сказывается некоторый стыд, который не допускал и мысли о том, что Троцкий может сотрудничать в реакционной печати. Эти троцкисты считали тогда, что Чемберлен, видите ли, напечатал «фальшивку для одурачивания английского пролетариата», а Ярославский поверил этому и «согласен поставить свою подпись». Очень хорошо. Следовательно, троцкисты считали, что такого рода статьи могут быть напечатаны только с целью одурачивания пролетариата. Мы с ними готовы согласиться в этом. Никакого другого назначения статьи Троцкого, печатаемые буржуазной печатью, не могли иметь и не могут, кроме попытки оказать прямую услугу буржуазии. Точно так же в этой листовке отрицается возможность того, чтобы Троцкий вел какие бы то ни было переговоры с буржуазными журналистами о гонораре, чтобы он согласился принять на какие бы то ни было цели от буржуазии деньги и проч. и т. п. Все это, по мнению листовки, «вымыслы и легенды мировой буржуазной прессы». Но вот прошло несколько дней—и откуда-то эти наивные исполнители махинаций троцкистского центра получили указания. Тон сразу меняется. В следующих произведениях уже не отрицается факт сотрудничества Троцкого в буржуазной и реакционной печати. Но троцкисты пытаются вывернуться. Послушайте только, как они выворачиваются.

«Вопреки утверждениям Ярославского,—читаем мы в листовке троцкистов,—статья эта была передана не буржуазной газете, а американскому телеграфному агентству, обслуживающему все крупные газеты мира»... Прямо, что называется, убили. Как по-украински: «Не вмер Данила, болячка его задавила». Таков первый аргумент. Аргумент № 2. «И советское правительство пользуется услугами иностранных телеграфных агентств». Но ведь советское правительство, кажется, пользуется для защиты советского государства и для нападок на буржуазию, а не для нападок на советское государство и на коммунистическую партию, как это сделал Троцкий в данном случае. Неужели вы не заметили этой «маленькой разницы»? Какие наивные простаки, подумаешь! Аргумент № 3. Этот аргумент прямо сногсшибательный... Оказывается, и Ленин сотрудничал в буржуазной печати. Не верите? «По той же причине,—пишут троцкисты,—сотрудничал Ленин при выпуске энциклопедии в буржуазном издательстве Гранат». Сравнивать энциклопедический словарь Граната с боевым органом реакционной буржуазии, как «Дэйли Экспресс», или фашистский орган—«Корьере де ла Сера», или с фашистским бульварным «Журналь» могут только круглые идиоты или бесчестные мошенники, потому что Ленин писал для энциклопедического словаря статью о марксизме, научную, об'ективную марксистскую статью, которая была направлена к тому, чтобы дать в словаре правильную информацию о том, что такое марксизм. А Троцкий в боевых органах реакционной буржуазии напечатал клевету на коммунистическую партию, на Коминтерн, на Советский Союз, на ГПУ и т. п. на потребу буржуазии в боевых органах буржуазии.

Почему напечатала буржуазия статьи Троцкого? Потому, что ей было выгодно политически напечатать эти статьи, или потому, что она соблазнилась какой-нибудь материальной выгодой? Троцкисты пытаются уверить, что это дело свелось для буржуазии к тому, чтобы нажить лишних 10—20 тысяч долларов. Так троцкисты и об'ясняют: «Жажда коммерческой наживы оказалась сильнее классовой ненависти к вождю большевизма»... «История знает не один такой случай». Допустим, что буржуазные газеты нажили на этом 30—40 тысяч долларов, но ведь всякий мало-мальски грамотный человек знает, что доходы этих газет исчисляются десятками миллионов, что для них никакого значения не имеют лишние 30—40 тысяч долларов, что если они печатали эти статьи, то они печатали потому, что они были им политически нужны. Ссылка на историю по меньшей мере странная. Да, история знает, конечно, не один такой случай... ренегатства, предательства, но таких циничных об'яснений, подобного ренегатства, пожалуй, история еще не знает. Оказывается, «чистое золото» —вот стимул, заставляющий буржуазную газету давать «свободу высказывания ненавистному пролетарскому революционеру». Уж будто бы только чистое золото! Уж будто материальное положение буржуазной печати настолько печально, что буржуазия соблазнилась 30—40 тысячами долларов прибыли от статей Троцкого! Да, где же есть такие дураки на свете, которые этому поверят!! Всякий понимает, что политический интерес для буржуазии—тоже «чистое золото».

Выражаясь словами троцкистского произведения—«не понимать этого могут лишь величайшие идиоты, а лицемерно восклицать по этому поводу— такие же негодяи». (Я не беру на себя ответственности за выражения троцкистской листовки).

Наконец, стоит еще остановиться на «открытом письме» некоего Кузнецова. Этот, как и одна из листовок троцкистов, взялся доказать не больше не меньше, как то, что Маркс и Энгельс были сторонниками участия в буржуазной печати. Рекомендуем эти изыскания троцкистов вниманию Института Маркса и Энгельса. Тов. Рязанову надо иметь в виду, что троцкисты пытаются изобразить Маркса и Энгельса сотрудниками буржуазной печати, защитниками такого сотрудничества. Если одни троцкисты уверяют, что Ленин участвовал в буржуазной печати и приводят в доказательство энциклопедический словарь Граната, статью Ленина о марксизме, то гражданин Кузнецов считает, что таким участием в буржуазной печати Ленина является участие в газете «Новая Жизнь». «Новая Жизнь» в настоящее время перепечатана в издании «Прибоя». Всякий грамотный человек может в предисловии к изданию в статье «Как возникла «Новая Жизнь» прочесть о том, как составлялась первая редакция «Новой Жизни». И всякий поймет, что большевики допустили тогда, в условиях подполья, чтобы несколько небольшевиков (Минский, Чириков, Бунин), прикрывали своими именами, имея разрешение на издание газеты, большевистский орган. Ну, конечно, если мистер Троцкий надеется превратить в ближайшую неделю или дни «Дэйли Экспресс» и «Корьере де ла Сера» в орган своей партии,—тогда дело другое. Но подумайте, как должен быть политически развращен человек, чтобы договориться до таких сравнений— Троцкого и Ленина! Надо потерять всякое уважение к Ленину и к большевистской партии, чтобы допускать такие сравнения.

Стоит ли останавливаться на других произведениях отдельных троцкистов, в большинстве похожих одно на другое, как две капли воды, как-будто бы они писаны под диктовку одного и того же человека разной рукой. Среди аргументов, которые встречаются в этих произведениях, интересен только один. Это указание на то, что Ленин в свое время проехал через Германию в пломбированном вагоне, и что, дескать, у Троцкого положение сейчас примерно такое же. Однако, интереснее другое. Факт участия Троцкого в реакционной печати расценивается, как это ни странно, некоторыми сторонниками Троцкого, как доказательство того, «что в буржуазных странах существует свобода печати, которой нет в Советском государстве». Вот этот «наивный» вывод имеет, несомненно, гораздо большее значение, чем все лицемерные оправдания троцкистов. Под влиянием проповеди троцкистов кое-кто из их сторонников пришел к «логическому выводу»: если этакий страшный «пролетарский р-революционер», как Троцкий, имеет возможность печататься в реакционных органах, стало быть эти реакционеры допускают свободу печати. Так пытались доморощенные троцкистские вожди и рядовые троцкисты дать ответ за выступление Троцкого в реакционной печати. Потом договорились и до того, что Ленин тоже брал деньги у буржуазии на революционное дело. Если свести все аргументы троцкистов в одно, то получится, что ничего зазорного, неправильного нет в том, что Троцкий печатает свои статьи в реакционной печати; не буржуазия использовала Троцкого, а Троцкий буржуазию; Ленин «тоже» принимал участие в буржуазной печати, Ленин «тоже» брал деньги у буржуазии, Ленин ездил в пломбированном вагоне. Троцкий «тоже» пользуется буржуазной печатью, (по методу аналогии: «в огороде бузина, а в Киеве дядько»). Троцкий использует полученные деньги на издание троцкистской литературы.

Мы еще вернемся потом к этим аргументам. Но мы хотели бы отметить, что ни малейшей попытки у этих людей, считающих себя большевиками-ленинцами, претендующих на то, чтобы вернуться в партию и в Коминтерн (о, конечно, «через реформу»)—ответить: как же относятся они к решениям партии на этот счет, запрещающим такое сотрудничество? Эти решения

не существуют для троцкистов, они не обязательны для них. Мы хотели бы этим людям напомнить то, что совсем недавно, еще на IV конгрессе Коминтерна (правда, это было при жизни Ленина, когда Троцкий еще не стал ренегатом) Троцкий громил оппортунистов Фабра и Бризона из французской коммунистической партии за их сотрудничество в буржуазно-демократических органах масонов, выступая в защиту резолюции Исполкома Коминтерна о контроле над печатью: «Надо раз навсегда покончить с представлением о печати, как о поприще для упражнения талантов журналистов. Очень хорошо, когда тот или иной журналист обладает талантом, но печать есть не что иное, как орудие борьбы»... «Возьмите эти резолюции,—какая из них угрожала партии? Может быть, и резолюция о контроле над печатью, принятая по поводу Фабра и Бризона, которые прикрывались авторитетом членов партии для того, чтобы обделывать чисто материальные дела, компрометирующие партию. Разве не пора было прекратить эту манеру сотрудничать в буржуазных газетах, отравляющих народные массы?..» [1]).

Не писал ли Троцкий в 1920 году в своей книге «Терроризм и коммунизм»: «Печать есть орудие не отвлеченного общества, а двух непримиримых, вооруженных и враждующих лагерей. Мы разрушаем печать контрреволюции так же, как мы разрушаем и укрепленные позиции и склады ее коммуникации, ее разведок. Мы лишаем себя кадетско-меньшевистского обличения коррупции рабочего класса, зато мы победоносно разрушаем основы капиталистической коррупции».—Как выглядит эта «капиталистическая коррупция» теперь, когда Троцкий является сотрудником этой печати, сам поддался этой коррупции? Как выглядит эта контрреволюционная печать, когда на ее страницах красуются статьи Троцкого, который передает свои статьи в эти органы печати буржуазии? Что общего имеет сотрудничество Троцкого в «Дэйли Экспресс», «Корьере де ла Сера», «Чикаго Трибун» и проч. с разрушением печати контрреволюции? Мы еще надеемся на то, что не все троцкисты потеряли воспоминание о своем родстве с большевистской партией и с Коминтерном не так, как те, кто вместе с Троцким без зазрения совести оправдывает такое сотрудничество.

Троцкий долго не отвечал по поводу тех вопросов, какие поставила ему рабочая общественность. Сын Троцкого, как мы на это указывали, в беседе с сотрудниками буржуазной печати говорил, что Л. Троцкий не думает извлекать личные выгоды из гонорара за статьи, что он использует этот гонорар на издание троцкистской литературы. 10/IV—29 г. в «Фольксвилле» Троцкий, наконец, ответил. Оказывается, дело обстоит так: «Я обратился к буржуазной прессе для того, чтобы защитить интересы Советской республики»... Странная защита, необычайно странная! В трех статьях вчерашний народный комиссар, высланный из пределов советского государства за антисоветскую деятельность, выступает на страницах реакционных органов печати, в которых клеймит нынешнее руководство ЦК коммунистической партии, в которых изображает в самых мрачных красках существующий в СССР режим, издевается над ГПУ, изображает строй СССР, как термидорианский, доказывает, что нынешнее руководство партии означает «неустойчивое и переходное положение страны» и т. п. И все это называется на языке Троцкого «защитой интересов Советской республики». Нельзя ли подальше с такой защитой?!—скажет всякий рабочий, всякий трудящийся крестьянин.

---

[1]) IV Всемирный конгресс Коминтерна. Стр. 334—349.

Как же об'яснил Троцкий это свое обращение, именно к буржуазной печати? Повидимому, к этому времени Троцкий узнал уже, как его сторонники об'ясняют это его участие. Он не захотел ставить своих сторонников в трудное положение. Он взял почти целиком их аргументы. Слушайте: «Весной 1917 года Ленин был заключен в Швейцарию, как в клетку, воспользовался пломбированным вагоном Гогенцоллернов, чтобы добраться до русских рабочих»... «Запертый термидорианцами в клетку Константинополя, я использовал пломбированный вагон буржуазной прессы, чтобы сказать всему миру правду». Итак, Ленин ехал в пломбированном вагоне Гегенцоллернов в Россию весной 1917 года, Троцкий ездит в пломбированном вагоне буржуазной прессы. Ведь до какой низости падения надо дойти, чтобы додуматься до такого сравнения! Ленин в 1917 г. прорвался из плена к русским рабочим, матросам, солдатам и крестьянам. Он вернулся в страну революции для того, чтобы руководить величайшей в мире, революционнейшей в мире большевистской партией, созданной им. Он приехал для революционной работы. Он сделал это с ведома и согласия партии для того, чтобы подготовить и победоносно провести величайшую в мире революцию. Только прикоснувшись к мостовой революционного Петрограда, он обратился через «Правду» к партии, к рабочим, солдатам, матросам и крестьянам со своими «апрельскими тезисами». В этих тезисах был динамит, взорвавший временное правительство Керенского, сплотивший на революционнейших лозунгах большевистскую партию. Произведения Ленина насыщены глубочайшим революционным пафосом, они организуют общественное мнение пролетариата для борьбы против буржуазии.

А Троцкий? Из страны пролетарской диктатуры, из единственного в мире социалистического отечества, Троцкий был изгнан за то, что он боролся против этого пролетарского государства, за то, что он наносил ему подлые предательские удары, за то, что он стал строить другую партию против ВКП(б). И, очутившись в буржуазных странах, Троцкий обратился за помощью к классовым врагам пролетариата, воспользовался их услугами и со страниц буржуазной печати выпустил свои гнуснейшие, полные инсинуации статьи против ВКП(б), против Страны Советов. Эти статьи насыщены ренегатством. Они организуют общественное мнение буржуазии против компартии и против советов. Имеют ли они хоть что-нибудь общее со статьями Ленина? На что они направлены? Против кого они направлены? Против единственного в мире советского государства. Против революционнейшей коммунистической партии, какая есть в мире. Если «тезисы» Ленина были наполнены динамитом, взорвавшим временное правительство, то статьи Троцкого начинены ядовитыми, вонючими газами, отравляющими атмосферу ложью и клеветой. Троцкий любит себя сравнивать с Лениным. Но что общего между Лениным и сегодняшним Троцким? — Ничего!

Теперь о деньгах. Послушаем Троцкого. «Мои статьи,—пишет Троцкий,—я передал американскому агентству печати в Париже... Агентство рассчитывало на хороший заработок, оно предложило мне половину дохода. Я ответил, что я лично не возьму ни гроша за это, но что агентство должно обязаться половину дохода от моих статей передать по моему назначению и на эти деньги будет издан целый ряд произведений Ленина (его речи, статьи и письма) на русском языке и других иностранных языках»... «Равным образом я на эти деньги издам целый ряд важнейших партийных документов (протоколы конференций, парт-с'ездов, письма, статьи и т д.)». Итак, оказывается, Троцкий обогатил буржуазное агентство печати — не больше не меньше. И так

как это было очень выгодно и соблазнительно в денежном отношении для агентства, то оно предложило ему половину дохода. Мы никогда не утверждали, что Троцкий на эти деньги шьет себе брюки или пьет шампанское. А когда сын Троцкого об'яснил, что на эти деньги будет издаваться троцкистская литература, мы указали на то, что русские и иностранные рабочие коммунисты по достоинству оценят этот источник и не станут пить из него. У нас в СССР существует Институт Ленина. Если Троцкий утверждает, что «институт Троцкого» будет иметь больше доверия, чем фабрики фальшивок г-на Дружеловского или Орлова в глазах западно-европейских и русских рабочих, то он очень ошибается. Буржуазия будет покупать произведения «института Троцкого»,—в этом можно не сомневаться. Но кто поверит, что «протоколы конференций, партс'ездов, письма, статьи» и т. д. компартии, нужно печатать за границей? Если это верно, тогда Троцкий ведь говорит этим самым всему миру, всем западно-европейским рабочим: «в советском государстве нельзя печатать даже протоколов партс'ездов и конференций. Я, Троцкий, принужден брать деньги у буржуазии и печатать все это, пользуясь буржуазной свободой печати». Это тоже, может быть, называется на языке троцкистов «защитой советского государства»? А мы уверены, что сознательные революционеры-рабочие, рабочие-коммунисты с негодованием отвергнут эту новую троцкистскую клевету.

Свой ответ Троцкий помещает в газете масловцев в «Фольксвилле». Почему же он не помещает этот ответ в «Дэйли Экспресс», если верно, что «Дэйли Экспресс» есть не что иное, как «пломбированный вагон» для того, чтобы из этого вагона говорить рабочим? Тогда почему же Троцкий ответ свой помещает в органе бывших коммунистов? Да потому, что Троцкий обзавелся уже двойной бухгалтерией. В «Дэйли Экспресс»—все, что выгодно и интересно для буржуазии—в «коммунистической» и даже лево-коммунистической «Фольксвилле» Троцкий помещает свои статьи для обмана рабочих [1]). Ведь рабочие не читают «Дэйли Экспресс», — читает его буржуазия. Правда, «русские» рабочие не читают и «Фольксвилла», да его мало или совсем не читают и германские рабочие, так как это орган взбесившейся «мелкой буржуазии», как называл таких господ Ленин Нам, однако, давно знакома эта нестерпимая двойная бухгалтерия Троцкого по его прошлому, в особенности по периоду августовского блока. Когда Ленин организовал популярный орган «Правду», получивши на это средства частью от германской с.-д. партии (в выдаче этих денег участвовала Клара Цеткин), Троцкий обвинял Ленина в том, что он пользуется «темными деньгами». «На темные деньги, перехваченные у Каутского и Цеткиной, Ленин поставил орган, захватил для него фирму популярной газеты и поставил «единство» и неофициальность ее знаменем, привлекая читателей из рабочих»,—писал Троцкий Н. Чхеидзе. Об этих «темных деньгах», которыми будто бы пользовался Ленин, Троцкий говорил и писал не однажды. Он всюду ездил, всюду выступал, чтобы добиться того, чтобы большевикам не давали денег на издание литературы. Ленин называл тогда Троцкого «Балалайкиным» и указывал на эту двойную бухгалтерию Троцкого [2]). «Люди, подобные Троцкому,—писал Ленин,—с его надутыми фразами о Р. С.-Д. Р. П. и с его раболепием перед ликвидаторами, ничего не имеют общего с Р. С.-Д. Р. партией, являются ныне болезнью времени»... «Красивыми фразами прикрываются действительные ликвидаторы, и делаются всяческие по-

---

[1]) Впрочем: «наш пострел везде поспел». Троцкий умеет праздновать и на Фому и на Ерему. Свои статьи он теперь одновременно помещает в буржуазной «Нейе Фрейе Прессе», обывательском «John of London», «левом» масловском «Фольксвилле» и правом «Контр-ле Куран», издаваемом группой Паза и К°.

[2]) Собр. сочин., т. XI, ч. 2, стр. 446—448.

пытки мешать работе антиликвидаторов (т.-е. большевиков)... Троцкий и подобные ему троцкисты и соглашатели вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочий легко разоблачает их ошибочность, а господа Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группу Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства». Трудно прибавить в настоящее время что-нибудь к этим строкам Ленина. С тех пор, как написаны эти строки, Троцкий проделал такую эволюцию, которую он не проделывал даже за прошлые годы. Правда, он и раньше сотрудничал в буржуазной печати, но до такой низости, до какой он дошел в 1929 году, он еще не доходил. Жалкая попытка Троцкого доказать теперь, что буржуазия была материально заинтересована в том, чтобы поместить его статьи и потому их напечатала. Буржуазия использовала Троцкого, как использовала в этот период пролетарской диктатуры больших и маленьких Бадьянов, Бажановых и т. п.; но то ведь были козявки. У нового ренегата более громкое имя, можно щедрее заплатить. А по Троцкому выходит, что он заплатил буржуазии, поделился с этими миллионерами и миллиардерами половиной дохода со статей и «использовал» таким образом буржуазию. Странное «использование»!!!

* * *

Мы спрашивали, когда появились статьи Троцкого,—что же ответят на это троцкисты? Мы ждали, что те самые люди, которые находили горячие слова для протеста против высылки Троцкого, найдут не менее горячие слова для протеста против выступления Троцкого в реакционной печати. Мы почти напрасно ждали. Мы должны признаться, что мы были лучшего мнения о троцкистах. После долгих колебаний, шатаний, некоторые троцкисты (Радек, Смилга) выступили с заявлением, в котором странно «отмежевываются» от Троцкого по поводу того, что в «мировой буржуазной печати появился ряд статей тов. Троцкого, посвященных его высылке и положению в СССР и в партии».

Начинается это заявление с ругани по моему адресу—без этого не может обойтись почти ни один фракционный документ. Ярославский «развертывает неслыханную травлю», «он пытается изобразить Троцкого человеком, продающим свою политическую совесть мировой буржуазии». Авторы заявления считают, что «это клевета не только на тов. Троцкого, но и на ВКП(б). Что стоила бы партия, которая в продолжение стольких лет ставила на свои передовые посты способного продавать свои убеждения классовому врагу». Никаких доказательств, что мы неверно изложили обстоятельства дела, Смилга и Радек не приводят, они замазывают контрреволюционный смысл выступлений Троцкого, в этом главная роль их выступления. Они потеряли настоящее мужество революционера, которое должно было подсказать им иные слова по отношению к безобразнейшему выступлению Троцкого. Но они стали косноязычны, как только потребовалось отбросить дипломатические ходы и политиканство: как же они это сделают, ведь они тогда перестанут играть хотя бы и маленькую роль в лагере троцкистов. Напрасно боятся они за репутацию партии—партия не виновата, если из ее рядов выходят ренегаты. Вот те, кто прикрывает ренегатов, делают очень плохую услугу партии.

Однако, даже эти вожди троцкистов заявляют: «мы не имеем никакого права скрывать перед товарищами, что считаем политической ошибкой помещение тов. Троцким статей, посвященных внутрипартийному положению в буржуазной печати». Радек и Смилга ссылаются на то, что большевики

вместе со всем левым крылом во II Интернационале «решительно отвергали сотрудничество в буржуазной печати». Радек и Смилга понимают что «возникновение Советской России изменило положение в том смысле, что представители соввласти многократно были принуждены пользоваться буржуазной печатью для раз'яснения политики советского правительства. Это делалось всякий раз на основе решений парторганов и под их контролем». Радек и Смилга даже допускают для оппозиционеров право на обращение к буржуазной печати для «изложения позитивного положения нашей революционной точки зрения» и «для спасения товарищей». «Но мы отрицаем,—заявляют Радек и Смилга,—возможность печатания в буржуазной печати статей против большинства партии, в которую хотим вернуться». Авторы заявления выражают уверенность в том, что «Троцкий поймет ошибочность своего поступка и прекратит всякую связь с буржуазной печатью». Они заявляют, что «содержание статей т. Троцкого... не может считаться изложением взглядов оппозиции».

Все эти оговорочки, которыми обставлено заявление троцкистов, недовольных выступлением Троцкого, компрометированных этим выступлением, характерны для оппортунистов. Настоящие «герои оговорок», как называл таких людей Ленин!

Мы должны решительно заявить, что в данном случае дело идет не о некоторых «ошибках», совершаемых людьми, которые хотят вернуться в коммунистическую партию и не хотят, не умеют признать, что наделали глупостей, ошибок и преступлений по отношению к партии. Более чем странно то, что они не хотят признать, что самый факт такого обращения к сотрудничеству с буржуазией, свидетельствует о полном идейном банкротстве, о полном идейном перерождении. Это им очень трудно сделать. Не так поступают рабочие. Мы имеем в настоящее время целый ряд заявлений рабочих о разрыве с троцкистами. Выступление Троцкого в реакционной печати их подтолкнуло к этому. В Харькове, например, рабочие Ильинский и Знахаренко, примкнувшие с конца 1927 г. к троцкистской оппозиции, ведшие нелегальную работу в организации троцкистов, в процессе работы, в процессе нелегальной деятельности «убедились в том, что эта деятельность так же, как и деятельность всей троцкистской организации по существу является антисоветской и что троцкистская организация превратилась в нелегальную партию со своими организационными центрами и дисциплиной, которая ведет борьбу с советской властью... Мы тщательно продумали наш путь с контрреволюционной троцкистской группой и порываем всякую идейную и организационную связь с нею, призывая тех рабочих, которые принимали вместе с нами участие в подпольной работе, последовать нашему примеру»[1]). В том же номере О. Симанович заявляет о том, что порывает «все связи идеологические и организационные с группой троцкистской оппозиции, по существу своему глубоко контрреволюционной, и призывает всех тех, кому дороги интересы мирового пролетариата и завоевания Октября, отряхнуть со своих ног эту грязь, которая налипла в виде всяких групп и группировок». Из Тифлиса бывший член партии с 1911 г. М. Жаков порывает с троцкистской оппозицией. Грамитон Сванидзе, бывший партиец с 1917 г., заявляет, что «оппозиция против руководства ВКП(б) превратилась в борьбу против ВКП(б) и советской власти и приняла об'ективно контрреволюционный характер» [2]). Рабочий Абрамов с Богородско-Ленинской фабрики, исключенный за участие в троцкистской организации, «порвал с оппозицией, откровенно признав подпольно-фракционную работу вредной ошибкой, а все последующие события, в частности постепенное скатывание самого Л. Троц-

[1]) «Харьковский Пролетарий», 17 марта 1929 г.
[2]) «Заря Востока», 30 марта 1929 г.

кого в социал-демократическую предательскую яму, подтверждают еще раз, что выбранный мною путь оказался неправильным» [1]). Бывший рабочий из Лакокраски (Ярославль) сказал: «С последней работой Троцкого за границей, которая дает козырь в руки всем соглашательским партиям и даже буржуазии, я, как рабочий, с этим примириться не мог, и я отхожу от оппозиции навсегда» [2]). Бывшие члены партии Ильин, Лакаев, Булаев, Катков, Мизинов и Певзнер (рабочие трампарка в Саратове) подали заявление в краевую контрольную комиссию об отходе от троцкизма, в котором клеймят поступки Троцкого [3]). Они пишут: «Порывая организационно и идеологически с троцкизмом, мы клеймим позором предательство Троцкого». В Тифлисе подали заявление об отходе от оппозиции Каталия Баги, Эджидия Боград, Пачуашвили, Сохеишвили, Мавабеишвили, Гасвиани, Гасвиани Кассия, Учанишвили Илья, Начеушвили Ивниан [4]). В Днепропетровске Г. Власов, С. Гапонов, Михель, Г. Могилевич заявляют о своем разрыве с троцкистами [5]). Бывший член троцкистского центра на Днепропетровске Готлиб (бывший член ВКП(б) с 1917 г.) заявил о тех директивах, которые он получил от троцкистов в последнее время — срывать колдоговорную кампанию, срывать подписку на заем индустриализации, расправляться с теми, кто отходит от оппозиции, следить за ГПУ, дискредитировать всячески коммунистов [6]). В Полтаве 11 полтавских рабочих подали заявление в партийную организацию о разрыве с оппозицией под влиянием того, что убедились в контрреволюционной сущности троцкизма. Ушли из троцкистской организации почти все до одного рабочего полтавской организации. Всего было в троцкистской организации 4% рабочих. Это, между прочим, бросает свет на рассуждения троцкистов о составе нашей партии, в которой 62% рабочих. Рабочие, даже примкнувшие к троцкистам, долго в этой организации не остаются, они возвращаются снова в партию, убеждаясь, что ВКП(б) есть единственная партия, выражающая интересы передовых рабочих, интересы рабочего класса в целом. Целый ряд других заявлений поступил за последние дни в ЦКК ВКП(б). Бывший оппозиционер Белинский (бывший член партии с мая 17 г.) пишет: «Мне, рабочему-коммунисту, получившему воспитание в рядах коммунистической партии, в дальнейшем с троцкистской политикой и его единомышленниками итти не по пути. На основании этого порываю всякую связь с действиями и установкой оппозиции, которая скатилась к организации второй партии антиленинской, ничего общего с большевизмом не имеющей». Блувберг, рабочий, исключенный за участие в подпольной организации троцкистов, пишет: «Окончательно и бесповоротно порывая с оппозицией, я прошу о восстановлении меня в рядах ВКП(б)». Его также толкнуло на это, как и многих троцкистов, письмо Троцкого от 21 октября 1928 г., о котором мы писали в статье в «Правде» («Докатились») и в «Большевике». Бывший член ВКП(б) Коржачкин, рабочий завода № 22, рабочий Рийс. И здесь опять-таки большую роль сыграло выступление Троцкого в реакционной печати. Бывший член партии с 1919 г., бывший троцкист М. Кабанов: «Резко отмежевываюсь от документа Л. Троцкого от 21 октября 1928 г., а также и осуждаю его сотрудничество в буржуазной печати, как явно направленное против СССР и против партии ВКП(б). Бывший член партии Горчаков, бывший оппозиционер В. Кудрявцев, бывший участник троцкистской организации С. Баранов, бывший член ВКП(б) с 1913 г., бывший сапроновец Э. Дунэ, бывший сапроновец Слидовкер, бывший член оппозиции М. Богданов, М. Жданов, Н. Емельянов, М. Бейзеров, А. Величкин (рабочий), П. Грингауз (харьковский рабочий), А. Швенковский, В. Лукин, Р. Васильева, А. Волин,—все они заявляют о полном разрыве с группой троцкистов и сапроновцев и просят возвратить их в партию.

[1]) «Голос Рабочего», 4 апреля 1929 г.
[2]) «Северный Рабочий», 4 апреля 1929 г.
[3]) «Поволжская Правда», 7 апреля 1929 г.
[4]) «Известия ЦИК», 12 апреля 1929 г.
[5]) «Звезда», 16 марта 1929 г.
[6]) «Красный Север», 16 марта 1929 г.

В самые последние дни в ЦКК (и в президиум XVI партконференции) поступило заявление 38 бывших троцкистов и сапроновцев: Ищенко, Белбея, Браво Патриарка, Сорокина, Феликса Вольфа и др. К этому заявлению присоединилось в последние дни около двух десятков подписей. Ведь это тоже—ответ на выступление Троцкого.

Нет никакого сомнения в том,—да и сами они об этом пишут,—что на их решения оказало значительное влияние выступление Троцкого. Троцкий **помог** им отойти от оппозиции, встать на партийный путь. Они увидели, как далеко зашел Троцкий. Они не хотят итти в лагерь буржуазии, не хотят быть использованными так, как дает себя использовать Троцкий. И мы убеждены в том, что это движение последних недель будет нарастать неудержимо. Троцкистская организация потеряет всех тех, кто ушел от партии, сбитый с толку демагогическими речами, кто не понял в свое время, насколько правилен путь партии и насколько партия имеет силы преодолеть всякие колебания и шатания в своих рядах, всякие отклонения от ленинской линии, кто не понял пути социалистического строительства, намеченного с'ездами партий.

Эти отходы, эти протесты не случайны, как не случайны и выступления Троцкого. Выступления Троцкого вовсе не «кон'юнктурный» выпад. Логика вещей толкала его на этот шаг, логика вещей толкала его на такое обострение отношений с партией, что он очутился вне партии. Логика борьбы толкала его на то, что он должен был бороться с советской властью и очутился в Алма-Ата. Логика борьбы привела его теперь к тому, что он продает интервью буржуазным реакционным органам. Логика борьбы привела его к сотрудничеству с «Дэйли Экспресс», с «Корьере де ла Сера». И эта же логика борьбы поведет его дальше по этому пути. То обстоятельство, что он очутился за границей, ускорило этот процесс, самовыявления, самоопределения. Недавно сторонниками Троцкого в Голландии было устроено собрание. На этом собрании присутствовали представители буржуазной печати. Они рассказывают о том, как докладчик вызвал «возгласы возмущения у молодых людей, которые были на этом собрании». Они передают содержание этого доклада: точь в точь корреспонденция «Социалистического Вестника» от собственного корреспондента из Риги. В заключение орган буржуазии спрашивает читателей: «Может быть, вы думаете, что это происходило на собрании фашистов? О, нет, это было собрание сторонников Л. Троцкого». Что же делать, если грани стираются, если трудно становится различить, говорит ли это о советском государстве фашист или говорит... Троцкий. Логика борьбы к этому ведет. После этого, казалось, и Троцкому должно быть ясно, что его упражнения не встречают единодушного одобрения даже у его сторонников-троцкистов.

Хотя Троцкий уверяет простаков, что статьи его в печати буржуазной печатаются в таком виде как это хочет он, Троцкий, однако, «Нейе Фрейе Прессе» печатает статью Троцкого с аншлагом: «Против большевистского правительства»...

Может быть, это тоже—с согласия Троцкого? Буржуазия знает, что делает: ее аншлаг **истолковывает**, **рекомендует** статью так, как это нужно ей, буржуазии. Она знает, под каким соусом подать статью Троцкого. Она не обманывает, что статьи эти об'ективно «против большевистского правительства».

Троцкий выступил со статьей в «Нейе Фрейе Прессе». Эта статья называется «Куда ведет советская революция. Великий вопрос для России и мира». И вот в этой статье мы встречаем этакие рассуждения. Оказывается, нынешний период существования советского государства «характеризуется неоспоримо ослаблением непосредственного участия масс. Река вернулась в свое русло. Над массами опять возвышается централизованная машина директории! Советское государство и армия становятся бюрократическими». Вероятно, Л. Троцкий кого-то уговаривает, что это тоже есть «защита советской республики». Невиданный энтузиазм масс развертывается на наших глазах в деле социалистической перестройки нашей страны. В социалистическом соревновании участвуют и рабочие и крестьяне. Никогда не было таких оживленных выборов в советы. Никогда не было такого активного участия масс в деятельности советов. Все новые и новые формы самодеятельности масс развертываются в советском государстве, а Троцкий уверяет, что «сейчас имеем неоспоримое ослабление непосредственного участия масс».

Огромные сдвиги происходят в стране. Вырастает удельный вес рабочего класса в социалистической перестройке. Для всех ясно, что мы вступили в полосу реконструктивного периода, подводящего новую экономику и технику под все советское хозяйство, а для Троцкого (и кое в чем ему вторят правые) «река вернулась в свое русло». Если верно, что «советское государство и армия становятся бюрократическими», какой дурак станет защищать такое государство?! А Троцкий уверяет, что выступает в буржуазной печати «для защиты советской республики».

Что он говорит о нашей партии? Оказывается, «с 1923 года партия стала расплываться в бесформенную массу, которая была призвана играть роль мягкого теста в руках аппаратчиков».

Зелен виноград—вот в чем дело. Троцкий и его друзья не раз разбивали себе головы именно потому, что партия—не бесформенная масса, что она умеет понять и раскусить всякие хитроумные лозунги и платформы троцкистов и иных меньшевиков. С каким удовольствием троцкисты использовали бы эту партию, если бы она действительно была мягким тестом. Но в том-то и дело, что об эту стальную стену расшибали головы троцкисты. Что остается им теперь, как не дискредитировать эту партию в глазах рабочего класса СССР и других стран, рассказывать всякие сказки на страницах буржуазной прессы о том, что партия расплылась в бесформенную массу и проч., и т. п.? В этой же статье, как это ни странно, Троцкий пытается уверить «общественное мнение Западной Европы (буржуазное общественное мнение), что «служащие, которые возвысились над массами, в своем большинстве безусловно консервативны. Они склоняются к мнению, что делается все, что необходимо для человеческого счастья, и тот, кто это оспаривает, является в их глазах врагом. Эти элементы питают органическую ненависть к оппозиции»... Странная информация! Кто же не знает, что подавляющее большинство троцкистов, это — служащие, а не рабочие. Кто не знает, что среди троцкистов очень большой слой самой настоящей бюрократии. Да и сами вожди-троцкисты, кто они? Бывшие наркомы, полпреды, бывшие директора трестов и синдикатов, журналисты, студенты, советские служащие. Почему же, если, в самом деле, «служащие питают органическую ненависть к оппозиции»,—почему они пошли за троцкистами? Да потому, что троцкисты и выражали недовольство служилого слоя, который тяготился слишком для него нестерпимой дисциплиной.

Когда мы писали первые две статьи о выступлениях Троцкого в реакционной печати, мы думали, что этим дело все-таки и ограничится, что Троцкий создаст себе какой-нибудь журнальчик (наверное создаст!) и будет поливать помоями советское государство, коммунистическую партию и Коминтерн из своей «собственной» газеты. Мы не думали, что сотрудничество Троцкого в буржуазной печати станет перманентным. А так как Троцкий теперь придумал и теорию, «оправдывающую» это участие, то, повидимому, это только «первые шаги». Ну, что же. Пусть Троцкий и троцкисты воображают, что они «едут в пломбированном вагоне», что «Дэйли Экспресс», «Корьере де ла Сера» и «Нейе Фрейе Прессе»—это пломбированный вагон. Пусть едут, где-то они остановятся. Во всяком случае поезд, который называется «Дэйли Экспресс», относит их все дальше и дальше от пролетариата, все дальше и дальше от Советского Союза.

P. S. Статья эта запоздала к № 8 «Большевика», для которого она была предназначена. После ее написания мы имели: отход 38 троцкистов (заявление в «Правде» от 28/IV — 29 г. за № 98); заявление еще нескольких десятков троцкистов об отходе. А главное — ответ, который дал Троцкому в день Первого мая организованный пролетариат. Да, в известном смысле, портрет Троцкого царил на первомайской демонстрации. В карикатурные плакаты и маски, которые смастерили к 1 мая рабочие организации, они вложили всю свою классовую ненависть к ренегату, всю свою боль за то, что их прежнее доверие к Троцкому сам Троцкий так оплевал.

Когда Ленин вернулся в 1917 г. в Россию, его встретила ненавистью буржуазия, восторженной любовью—пролетариат.

Троцкого приютила на страницах своей печати буржуазия.

А о восторгах пролетариата что-то не слышно ниоткуда.

Е. Я.

Л. Шанин.

К сельскохозяйственной пятилетке[1]).

(Вопросы коллективизации).

Общие вложения в народное хозяйство на пятилетие намечались по отправному варианту в 64,6 мрд. руб. Из них вложения в сельское хозяйство (без построек) должны были составить 23,2 мрд. руб., т. е. около 36%. Этим определяется одна из основных черт пятилетнего плана.

В сельское хозяйство намечалось вложить примерно в два раза больше, чем в промышленность. Вес наших вложений в сельское хозяйство огромен. Это заставляет в величайшим вниманием отнестись к вопросу о рационализации конкретного использования этих средств. Получают ли эти десятки миллиардов рублей максимально эффективное использование, не абстрактно возможное, а конкретно для нас возможное использование?

Чистая продукция на рубль вложений составит в сельском хозяйстве 3,17 руб. В промышленности она составляет 4,57 руб. Чем вызвано это неблагоприятное соотношение в сельском хозяйстве между вложениями и создаваемой этими вложениями чистой продукцией? Неизбежно ли оно связано с самим характером сельского хозяйства или же оно определяется намеченным направлением использования этих средств? Можем ли мы изменить направление использования этих средств, а с изменением последнего достигнуть более высокой эффективности? Эти вопросы являются центральными для всей с.-х. пятилетки, а в связи с этим и для народнохозяйственного плана в целом.

Из общих (без построек) вложений в сельское хозяйство в 23,2 мрд. руб. организованные вложения (в той или другой мере регулируемые органами обобществленного сектора) составят около 8—10 мрд. руб., т.-е. несколько больше одной трети. Остальные две трети остаются вне регулируемого оборота ресурсов. Было бы крайне важно проанализировать, действительно ли это соотношение является предельным. И далее: насколько рационально используется каждое из этих слагаемых: регулируемая треть ресурсов, с одной стороны, и нерегулируемые две трети—с другой? Действительно ли невозможно повысить рациональность и эффективность использования той и другой части? А если можно, то как к этой задаче приступиться, как организовать ее решение? Проблема эта по-настоящему еще не поставлена.

Если взять новые, предусматриваемые пятилеткой вложения (без перераспределения возвращаемых средств, ранее нами вложенных), составляющие по отправному варианту неполных 3 мрд. руб., то обобществленный сектор получает из них 60%, а индивидуальный сектор 40%. Если взять все сред-

[1]) В порядке обсуждения. См. примечание редакции на стр. 55.

ства бюджета и кредита (вместе с возвратом), что составит несколько больше 5 мрд. руб., то из них в обобществленный сектор идут 48%, а в индивидуальный — 52%. Если взять всю регулируемую часть вложений, составляющую по отправному варианту свыше 8 мрд. руб., то на обобществленный сектор и мероприятия, на него направленные, идут 42%, а на индивидуальный сектор (и государственные мероприятия в отношении его) идут 58%. Правильно ли это соотношение? Чем и как оно обосновывается?

В нынешней стадии работы над с.-х. пятилеткой, несмотря на большие достижения, в особенности же в госплановской работе, все же нет еще самого элементарного, нет сравнительного анализа того, какие капиталы будут вложены в колхозы, в МТС (машино-тракторные станции), в совхозы, в простейшие кооперативные об'единения, в индивидуальные крестьянские хозяйства, и какого рода эффект в смысле валовой, чистой и товарной продукции, себестоимости и скорости оборота дает каждый рубль вложений в каждой из этих форм. А между тем в недрах наших учреждений, несомненно, накопился немалый материал о капиталоемкости разных типов сельскохозяйственных предприятий и эффективности вложений в них. Вероятно даже, что по разным поводам были проделаны более или менее полные сопоставления этих данных.

Недавно, например, в «С.-х. газете» были опубликованы данные Наркомзема РСФСР об эффективности вложений в крупные хозяйства совхозных и колхозных об'единений. Согласно этим данным в настоящее время более всего капитала вложено в совхозы Госсельсиндиката — 52,9 млн. руб. Затем идут колхозы и производственные товарищества — 50,3 млн. руб., «Овцевод» — 38,1 млн. и Сахаротрест — 33,1 млн. руб. К концу пятилетия картина сильно меняется. На первое место выдвигается Зернотрест. На его долю придется 273 млн. руб. Второе место займет Госсельсиндикат — 163,4 млн. руб. На колхозы и производственные товарищества падут 127,5 млн. руб. А между тем ценность товарной продукции, полученной на 1 затраченный в хозяйстве рубль, определяется к 1932/33 г. по совхозам Сахаротреста в размере 1 р. 05 к., Госсельсиндиката—78 коп., Зернотреста—30 коп., «Овцевода»—4,8 коп.

Таковы случайно промелькнувшие данные. Материал этот не привлек к себе необходимого внимания, он не был повторно тщательно проверен, чтобы сделать из него то кардинальное употребление, то решающее использование, которое должно было бы быть сделано, если бы он подтвердился. Наш план реконструкции должен быть в весьма существенной части (не целиком, конечно) построен в свете такого рода данных, обнимающих все типы хозяйств: индивидуальные (где коэффициент, конечно, еще хуже), кооперативные, мелкие колхозы, МТС, разного вида совхозы. Результаты этих сравнительно-аналитических работ должны были бы получить значение одного из определяющих моментов для всего построения с.-х. пятилетки и всего плана реконструкции.

Надо попытаться подсчитать, во что обойдется Союзу законченная коллективизация, если мы пойдем к ней «органическим» путем, от кооперирования и мелкой коллективизации к укрупненной коллективизации, а затем к хозяйству в 50 тыс. гектаров типа МТС (машино-тракторных станций), и во что обойдется эта реконструкция, если мы в возможных размерах прямо пойдем к этой последней форме; насколько стоимость одного пути выше другого и на какие сроки при каждом из этих вариантов растягиваются нобходимые вложения. Ибо для нас имеют решающее значение оба момента: и суммарная стоимость и сроки вложения.

Все наши 32,5 тыс. колхозов СССР охватывают на 1/V—28 г., например, площадь в 1.300.000 тыс. с лишним гектаров, т.-е. равны площади, примерно 26 МТС. Если приводимые нами данные сопоставимы, то в колхозы

вложено свыше 50 м. р., а 26 МТС потребовали бы вложений в 39 м. р. И какая вместе с тем была бы огромная разница в продукций, в себестоимости, технической высоте предприятия, в интенсивности накопления, в способности служить исходной точкой дальнейших далеко идущих реконструктивных процессов.

Для нас до сих пор остается неясной не только эффективность отдельных видов вложений, но и конкретная роль, отводимая отдельным формам в общем плане обобществления и реконструкции.

Недостаточно отчетливы роль кооперации, формы и пределы нашей помощи индивидуальному хозяйству, рациональность нынешних пропорций этой помощи и нынешнего соотношения разных методов реконструкции сельского хозяйства. У нас нет продуманного плана сжатой, концентрированной реконструкции. Даже нынешний наш план есть скорее план широкого, экстенсивного наступления, все еще слабо подготовленного и недостаточно концентрированного.

Это положение вещей надо скорейшим образом преодолеть. Надо поставить свою задачу в более определенных терминах и на этой основе более отчетливо построить организацию дела снабжения, подготовку кадров организаторов. А сейчас даже «идеология» этого наступления недостаточно оформилась. А в связи с этим не может быть и правильной подготовки ни организационной, ни снабженческой, ни людской. Несмотря на очень большие достижения, нынешний план все еще является планом неуверенным, боящимся заангажироваться на определенный организационный тип продвижения. Если бы это положение вещей сохранилось, это значило бы, что масса сил, средств и времени будет непроизводительно растрачена.

Конечно, начатое беспримерное дело преобразования сельского хозяйства не может быть проведено без больших ошибок и без большой растраты ресурсов. Но мы обязаны сделать все, чтобы эти потери по возможности сократить. А потери эти м о г у т быть сокращены, социальная и производственная эффективность вложений м о ж е т быть поднята. Для этого нужно только, чтобы наши агрономические, инженерные и экономические круги развернули в этой работе больше творческой инициативы, больше рельефности подхода и больше требовательности ко всему тому, что делается всеми нами, участниками этой работы.

Мы должны развивать технически высшие типы обобществления в более ускоренном темпе, чем это намечено сейчас, а конкретные формы этих высших типов мы должны выбирать более удачно и последовательно, чем это мы теперь делаем. Иначе мы искусственно снизим темп обобществления и не используем реальных наших возможностей коллективизации.

Наши агрономические круги не сумели во-время дать решениям XV с'езда конкретного оформления (одним из немногих очень ценных исключений является опыт Маркевича). В результате инициатива выбора даже конкретных форм обобществления должна была пасть на политические инстанции (взять хотя бы пример Зернотреста). Огромной исторической заслугой политических инстанций является то, что они (хотя бы и не всегда в технически самых целесообразных формах, но все же достаточно высоких и бесконечно более дешевых, чем, например, индивидуальное переселение) дали делу социально-технической реконструкции сельского хозяйства мощнейший толчок. Слабой стороной нашей работы в этой области является то, что наши агрономические круги, в частности партийно-агрономические круги, недостаточно энергично и своевременно выступают с технически разработанными предложениями по осуществлению взятого партией курса. Несмотря на большой сдвиг в этом отношении, они и сейчас до известной степени идут позади политических инстанций. Правда, мы довольно быстро изживаем это положение. Но партии и сейчас приходится

подталкивать соответственные круги, притом не только в деле выбора о б щ е г о направления нашего сельскохозяйственного развития, но подчас и в выборе конкретных его форм. Если первое в какой-то мере естественно, то надо сказать, что второе навряд ли допустимо.

Намечаемые планом формы нашего с.-х. развития все еще недостаточно определены, все еще слишком многообразны, разрозненны и не представляют собою последовательных этапов в деле приближения к основной с.-х. форме ближайшего периода. А между тем можно считать установленным, что мы идем к исчерпывающей реконструкции нашего сельского хозяйства на основе 2.500—3.000 крупных сельскохозяйственных предприятий в 40—50 тыс. га каждое, сплошным массивом обобществляющих крестьянские хозяйства.

Нельзя в 22 миллионах индивидуальных крестьянских хозяйств установить тот режим, организованность и рационализацию, которые можно установить в 2.500—3.000 крупных предприятий. Нельзя их установить и в 2 миллионах мелких колхозов. Необходимую реконструкцию мы можем провести только в сравнительно небольшом числе действительно крупных предприятий. Мы должны поэтому выработать оптимальные для каждого района типы крупных обобществленных хозяйств, репродуцировать их затем в покрывающих всю территорию области 200—300 обобществленных предприятиях, продолжать затем все время экспериментировать и искать улучшений постановки дела в них и после опытной проверки сразу же проводить их во всех 200—300 более или менее однотипных хозяйствах области.

Наше строительство колхозов, кустов и т. д. находится сейчас примерно в той стадии, на которой промышленность находилась в 1920/21 г., когда отдельные самоснабжающиеся и самостоятельно выходящие на рынок предприятия стали об'единяться в тресты. Затем последовала огромная работа по формированию трестов, об'единению их в синдикаты и установлению внутренних взаимоотношений между трестом и предприятием, которое и до сих пор еще не закончено.

В колхозном движении процесс этот идет в значительной мере самопроизвольно и стихийно. Твердой организации и руководства в этом деле до последнего времени не было. Процесс этот шел главным образом снизу вверх и лишь в очень слабой мере, по крайней мере до XV с'езда, был руководим сверху.

Но в отличие от промышленности, этот органический процесс перерастания, вероятно, и не будет завершен, а будет перекрыт процессом экстенсивного распространения технически высших форм (например, МТС), которые доведут начатое простейшими обобществительными формами дело до конца, но уже на другой основе и несколько иными методами. Колхозы, кусты, перерастание последних в крупное машинизированное и индустриализированное предприятие, это—медленный, органический путь роста снизу вверх. Он должен быть на основе экономных вложений широко поддержан. Но на ряду с этим должен быть организован встречный поток сверху вниз в виде, скажем, МТС и т. п. При чем более чем вероятно, что страна будет покрыта крупными с.-х. предприятиями, организованными вокруг МТС, на много раньше, чем процесс перерастания низших форм в высшие будет хотя бы наполовину завершен [1]).

---

[1]) В этом отношении очень показательно, что по первоначальной наметке Союза Союзов с.-х. кооперации из предположенного на конец пятилетия общего числа технически высоко организованных колхозов о д н а ч е т в е р т ь намечалась к созданию в порядке п е р е р а с т а н и я низших форм, а на т р и ч е т в е р т и они намечались к созданию за счет н е п о с р е д с т в е н н о й организации этих более высоких форм.

Нынешний план исходит не из максимального использования наиболее целесообразных и дешевых форм социалистического преобразования. Он делает, правда, огромный сдвиг в эту сторону,— и это крупнейшая заслуга авторов пятилетки,—но сдвиг все же недостаточно решительный. У нас до сих пор слишком сильно представление, что в деле коллективизации мы обязательно должны пройти всю лестницу последовательных фаз обобществления: кооперирование торгового оборота, кооперирование некоторых производственных сфер, простейшие формы коллективизации, интенсивное обобществление неохваченных раньше частей и отраслей коллективизированных уже хозяйств, затем переход нынешних мелких и средних колхозов к организационно высшим формам (коммунам). Следующее за этим перерастание колхозов в крупный и технически высший тип коллективизированного хозяйства нами не был продуман. Завершенный тип крупного обобществленного хозяйства отчетливо рисовался нам лишь в форме совхозов. В области же коллективизированного крестьянского хозяйства нам представлялся лишь постепенный органический процесс перерастания низших форм в высшую, при чем последняя в своей конкретной характеристике оставалась неопределенной и неясной. Данные последних лет заставляют считаться с возможностью перепрыгивания через некоторые промежуточные фазы, с возможностью более прямого перехода к технически высшим и даже к высшей форме коллективизации. Это, конечно, не означает, что мы можем на данной стадии отказаться от промежуточных форм, но это означает переоценку этих промежуточных форм с точки зрения их обязательности, всеобщности и длительности. В соответствии с этим у нас должно выработаться новое отношение к отдельным фазам обобществления, мы должны иначе определять удельный вес их, взаимоотношение этих форм, темп перехода из одной фазы в другую.

Один из основных дефектов сельскохозяйственной пятилетки заключается в том, что в ней нет определенной установки в вопросе о том, каково должно быть, с одной стороны, внутреннее соотношение различных форм обобществления и, с другой, соотношение обобществленной и частно-кооперативной формы. Общий подход пятилетки еще слишком близок к прежнему нашему подходу, когда мы считали, что «всякое (кооперативно-коллективистическое) даяние—благо», и дальше этого в сущности не шли.

Утверждение это не нужно брать слишком буквально. За последнее время мы усвоили сдержанное отношение к мелким колхозам и стали определенно расценивать крупные колхозы, как основную нашу форму. И все же общее настроение пятилетки приходится характеризовать, как благожелательно-толерантное ко всем вообще формам коллективизации, свободное от категорического требования определенной экономически обоснованной пропорции в соотношении различных форм обобществления.

Мы недостаточно критически относимся к отдельным колхозным формам, у нас нет необходимой требовательности к ним. И опять-таки и это утверждение не надо понимать слишком широко. Ибо в последнее время мы стали пред'являть к колхозам требования более устойчивого состава, неделимого общего капитала и т. д. И тем не менее слабая наша требовательность бесспорна. Ибо мы до сих пор недостаточно критически взвешиваем отдельные формы колхозов с точки зрения эффективности капиталовложений в них и с точки зрения приближения их к той конкретной форме обобществления (МТС), которая на ближайшее время явится, повидимому, оптимальной.

Мы всемерно стимулируем обобществление сельского хозяйства, но недостаточно связали нашу работу по обобществлению с этой «основной» формой его. Мы и сейчас ведем наше обобществление в основном так, как будто эта оптимальная форма еще не определилась. А между тем, форма эта на деле уже сложилась. И очевидно, что с того момента, как она установлена, для нас важен уже не только процесс коллективизации «вообще», а коллективизации под углом зрения максимально быстрого и экономного продвижения к этой конкретной форме ее. Вот почему, хотя, вообще говоря, мы нашу требовательность к колхозам в последнее время и подняли, но требовательности определенного качества у нас все еще нет. Определенной оценки соотношения отдельных форм обобществления, к сожалению, нет и в госплановской пятилетке, по крайней мере она не отражена в ней с той последовательностью и рельефностью, с какой это необходимо. Это не значит, что мы должны быть несправедливы к Госплану. Огромной его заслугой является то, что он помог осознать значение машинно-тракторных станций. И все же он недостаточно последовательно и полно использовал то, что в этой форме создано и правильному пониманию чего Госплан посодействовал, быть может, больше, чем кто-либо другой в Союзе.

Надо решительно стать на точку зрения перехода к 2.500—3.000 крупных сельскохозяйственных предприятий. Все проводимые нами мероприятия надо расценивать с точки зрения интересов этого перехода. Это не значит, что вопросы индивидуального крестьянского хозяйства утрачивают свое значение. Их роль остается на пятилетие решающей. Но вопросы эти должны быть умещены в программу указанного строительства. Мы должны подчинить их задаче скорейшего перехода к тем 2.500—3.000 с.-х. предприятий, которые составляют нашу большую цель. Всякий шаг в сфере индивидуального и обобществленного хозяйства должен определяться и быть оправдан его значением (прямым или косвенным) для скорейшего и наиболее эффективного осуществления основной нашей программы индустриализации и обобществления.

К этой задаче мы не можем итти путем одного лишь прямого строительства крупных предприятий. Такой радикализм погубил бы дело. Такая политика была бы пустыми бреднями, ибо разрешить эту задачу мы можем лишь сочетанием прямых и косвенных (обходных) путей. Но, работая над индивидуальным хозяйством, мы должны строить все относящиеся сюда мероприятия, как переходно-подготовительные (хотя бы и обходные) к решению основной, по-новому конкретизированной задачи, которой все эти мероприятия должны быть решительно подчинены.

В этом же порядке нам не обойтись и без широкой программы мелкого и среднего колхозного строительства. Но и здесь все многообразные формы должны строиться лишь в меру планомерной подготовки развернутой сети МТС.

В противоположность этому мы ведем нашу социальную и техническую реконструкцию довольно случайно. Сознательно мы выбрали только общее направление нашего с.-х. развития в сторону коллективизма на основе кооперативного плана Ленина. Но самые конкретные формы этого продвижения нами еще недостаточно регулируются. Нынешние многообразные формы складываются довольно бессистемно в надежде, что конечный тип нашего социалистического сельского хозяйства каким-то пока еще не совсем ясным путем сложится позже. «Каким он конкретно создастся, это— дело будущего, предугадывать сейчас эти формы было бы преждевременно и бесполезно». Таково обычное отношение к этому вопросу. Между тем мы не в праве мириться с такой расплывчатой установкой, ибо она обрекла бы нас на огромные растраты народнохозяйственных ресурсов и потерю темпа.

Необходимо притянуть все распыленные и рассыпанные опилки коллективистических форм к тому магниту высшей формы (МТС и ее дальнейшие перерастания), который мы сейчас вставляем в самую гущу с.-х. коопе-

рирования и коллективизации. Все эти распыленные формы остаются в наличности, но они располагаются в определенной перспективе в отношении этого стержневого метода строительства.

Но дело не сможет ограничиться одним только изменением перспективы. На ряду с этим нам необходимо и другое. Нужно изменить и пропорцию развертывания одних и других форм и меньше базироваться на процессе перерастания нынешних низших форм в высшие.

Это не означает отказ вообще от перерастания низших форм в высшие. Это означает лишь, что перерастание должно в большей мере иметь своей исходной точкой не мелкие колхозы, а МТС. Ибо социально и с точки зрения полноты охвата отдельных отраслей хозяйства (полеводства, животноводства и т. д.) и МТС является в сущности простейшей формой обобществления, только технически весьма высокой. Отставаясь основным методом нашего движения, перерастание должно в значительно большей мере, чем до сих пор, начинаться с МТС, как своей первой и исходной формы.

* * *

В нашей колхозной практике в одном крайне существенном пункте до сих пор нет ясности, хотя такая ясность сейчас совершенно необходима для практических целей. В связи с отсутствием ее у нас нет и правильной линии.

Мы развенчали технически слабые колхозы и ставим вопрос о сравнительно крупном колхозе в 500—1.500 га, куда собираемся бросить основную массу технических ресурсов, направляемых в обобществленный сектор крестьянского хозяйства. Эта тенденция вдвойне неправильна. Во-первых, колхоз в 500—1.500 га все еще весьма далек от оптимального размера предприятия, технически хорошо вооруженного. Последний измеряется примерно в 50.000 га. А поскольку это так, то, очевидно, неправильно концентрировать наши технические ресурсы на недостаточно высоком типе обобществленного хозяйства, даже если он покрывает площадь в 500—1.500 га.

Мы должны быть крайне экономными в распоряжении материальными ресурсами. Мы должны быть строгими в материальном снабжении индивидуального сектора. Мы должны быть весьма разборчивы в снабжении нынешних типов колхозов и должны сосредоточить высокоценное снабжение на МТС и совхозах. Мы должны давать индивидуальному крестьянскому хозяйству и мелкому и среднему колхозу то, что может быть в этих хозяйствах использовано более эффективно или со скорейшим эффектом, нежели в МТС и в совхозах. В остальном наше техническое снабжение должно быть приспособлено к требованиям оптимального предприятия и сюда в первую очередь и в максимальной мере направлено.

Но на ряду с этим неправильно из-за нерациональности вложения крупных технических средств в обычного типа колхозы развенчивать их во всех вообще отношениях. Наша установка должна быть прямо противоположной. Утвердив определенный технико-организационный максимализм, сосредоточив наши снабженческие усилия и возможности на самых высоких формах обобществленного хозяйства (МТС и совхозах), мы должны на другой основе вновь повернуться лицом к колхозам.

Раз навсегда отказавшись от оценки их, как высшей формы обобществленного хозяйства, пред'являя им совершенно иные, значительно более скромные требования, сосредоточив наши основные реконструктивные усилия на действительно крупных, технически совершенных предприятиях, мы должны в отношении мелкого, среднего и даже сравнительно крупного колхоза взять другую установку. Мы развиваем их не как высшую форму,

а сознательно как низшую, технически слабо вооруженную, как особый тип, целесообразность которого состоит в том, что на него не бросаются ценные технические средства, что он дает повышенный по сравнению с индивидуальным крестьянским хозяйством эффект при слабом техническом снабжении за счет коллективного использования обычного крестьянского инвентаря и энергичного проведения некоторых легко доступных мероприятий (устранение дальноземелья, установление многополья, правильного севооборота, чистосортные семена и т. д.).

Мы хорошо знаем дефекты крестьянского хозяйства: слабое использование инвентаря, дальноземелье, разбросанность полей, отсутствие многополья, неудовлетворительный севооборот, низкосортные, засоренные семена, вредители и т. д. Многие из этих дефектов могут быть устранены коллективизацией и доступными реконструктивными мероприятиями и без значительного и дорогостоящего снабжения, в частности без высокоценного машиноснабжения (тракторы, прицепные орудия, сложные машины, комбайнеры и т. п., которые могут быть более целесообразно использованы в МТС и совхозах). Надо поэтому обычные наши колхозы строить прежде всего на такой более скромной технической основе, приберегая основные массы высокоценного снабжения для МТС и совхозов. Но одновременно мы должны оказать образующимся средним и крупным колхозам всемерную поддержку безотлагательным землеустройством, семеноснабжением, энергичной организационной и агрономической помощью и т. д. Ибо и без высокоценного снабжения, при помощи определенной, хорошо продуманной комбинации доступных мероприятий, этим последним может быть обеспечен достаточный перевес над индивидуальным хозяйством и тем самым предотвращена текучесть их состава.

Из того, что колхозы обычного типа далеки от технического и хозяйственного оптимума и что они по справедливости должны быть развенчаны в былой своей претензии на оптимальность, ни в какой мере не следует, что они должны быть развенчаны и в других отношениях. Наоборот, развенчав их в одном отношении, мы должны решительно утвердить их как целесообразный тип технически слабого обобществленного хозяйства, позволяющего вести широкое строительство концентрированно снабжаемых крупных хозяйств (МТС, совхозы).

Наша ошибка заключается в том, что мы склонны переоценивать технические возможности колхозов, даже крупных, которые на деле очень далеки от оптимального размера. А в связи с этим мы склонны бросать сюда больше средств, чем этот тип того заслуживает. Но на ряду с этим мы допускаем и другую ошибку: мы недооцениваем целесообразности колхозного строительства, технически слабо вооруженного и строящегося на коллективном использовании ординарного инвентаря и некоторых легко доступных мероприятиях.

Наше справедливое разочарование технически слабым колхозом получило в своей положительной «резолютивной» части неправильное выражение. Из относительной (по сравнению с оптимальным типом хозяйства) слабости такого колхоза не следует ни того, что такой колхоз надо строить на основе полного и высокого снабжения, ни того, что если мы его не снабжаем в такой мере, то он и вовсе не представляет ценности для нашего строительства. Наоборот, его и надо развивать как слабо снабжаемую низшую форму хозяйства, именно в этом своем построении крайне целесообразную.

В результате опыта прошлых лет у нас склонны взять курс на крупный колхоз. В этой передвижке в сторону крупного хозяйства выражена правильная тенденция. Но правильно в ней только направление движе-

ния, а не тот конкретный отрезок пути, который мы сейчас склонны отмерить. Последний явно недостаточен. Мы не должны остановиться там, где собираемся остановиться. Нам надо решительнее двигаться вперед. Нам нужно пойти дальше нынешнего типа крупного колхоза и одновременно ради этой задачи пойти несколько назад и легализовать тип технически слабо вооруженного и соответственно целесообразно конструированного колхоза.

Если бы мы в строительстве обобществленного сектора ограничивались одними лишь колхозами низкой технической структуры, это было бы губительно для дела коллективизации, перспективы обобществления навряд ли были бы тогда очень радужны. Но если колхозы низкой техники строятся рядом с технически высоко организованными МТС и совхозами, хорошо преуспевающими, и если колхозы эти строятся с перспективой поглощения такой более высокой формой, то слабость технической основы колхозов не сможет иметь решающего отрицательного значения для общего развития обобществления. Наоборот, массовое развитие такого типа колхозов, идущее в сочетании с более энергичным строительством МТС и совхозов, даст процессу коллективизации в целом несравненно более мощный толчок.

Пониженное вооружение одной формы во имя усиленного вооружения другой более эффективной формы обещает не только мощное развитие самой этой высшей формы, но и несравненно больший размах всего обобществления.

Говорят, что наш опыт МТС еще сравнительно мал и что нельзя поэтому «сразу» же широко его воспроизводить. Если в отношении ряда районов и отраслей хозяйства опыт МТС действительно почти отсутствует, то в отношении степного зернового хозяйства этот опыт уже имеется. Поэтому в отношении этого района более смелое воспроизводство опыта МТС и решительная концентрация машинизированного строительства на этом типе во всяком случае обязательны. Но кунктаторская повадка была бы и вообще неправильной. Наша социалистическая практика будет характеризоваться тем, что, получив хотя бы небольшой, но достаточно проверенный опыт, мы вместо медленной раскачки, которая характерна для капиталистического сельского хозяйства, сразу же будем его множить в сотни раз. Если позже на трех-четырех хорошо проверенных случаях будет достаточно твердо установлен более продуктивный тип, нежели МТС, мы столь же мало будем растягивать применение этих опытов на остальные сотни и тысячи сельскохозяйственных предприятий. Растягивать применение этих достижений вместо решительного массового воспроизводства значило бы проиграть один из основных наших шансов в соревновании с капитализмом. Типом нашего технического развития будет путь перманентных массовых технико-организационных перестроек. На основе непрекращающегося научного экспериментирования, тщательно проверенного опыта и продуманной подготовки сразу же в массовом масштабе — сотнями и тысячами — воспроизводить удачно нащупанное, — таков будет наш метод.

Говорят, что у нас в минимуме организационно-технические силы. Это, конечно, так, если исходить из нынешнего уровня и нынешней организации использования этих сил. Но почему считать этот уровень предельным? В наших условиях суб'ективный фактор становится наиболее эластичным.

Мы имеем огромный опыт развертывания армии во время войны, подготовки в течение какого-либо года миллионов рядовых и соответственных кадров командиров. Думать, что мы в наших условиях не можем решить указанной людской задачи,—значит непозволительным образом недооценивать совершенно реальных возможностей. Накануне вступления в реконструктивный период наша способность быстро и энергично решать задачу

реконструкции казалась также крайне малой. Все мы в большей или меньшей мере преуменьшали наши возможности в этой области. Теперь, когда в другом вопросе находимся в преддверии аналогичной большой полосы, когда мы подходим к задаче развертывания новых людских кадров, встающая перед нами новая задача нас снова пугает своей неизвестностью. Но не пройдет и двух-трех лет, и мы и здесь нащупаем технику быстрого и эффективного решения. Решающее значение в этом вопросе имеет хорошо продуманный и слаженный план работы, тщательно корректируемый в ходе работы. Мы сумеем благодаря правильно поставленной технике в 5, 10, 20 раз повысить эффективность использования тех исходных людских кадров, с которыми мы начинаем это дело, мы создадим соответственный организационный (удесятеряющий эффект) передаточный механизм (курсы, производственная практика, книги, специальные журналы, повторные курсы и т. д.).

Опыт строительства МТС показал, что лимитом является пока не материальные ресурсы, а люди. Но отсюда отнюдь не следует, что этот лимит менее преодолим и менее эластичен, нежели другие. Опыт же покажет, что в правильной организации подготовки кадров мы в ближайшие же годы создадим себе новый огромный фактор ускорения темпа нашего развития.

* * *

Каковы критерии допустимого форсирования технически высших форм коллективных хозяйств. Из экономических критериев главнейшими являются: 1) себестоимость продукции, 2) размер потребных вложений и 3) наличие в натуре технических элементов, необходимых для организации этого типа хозяйства (тракторы, комбайнеры и т. д.).

Совершенно очевидно, что наименьшая себестоимость обеспечивается предприятием оптимального типа. Оптимальная форма дает меньшую себестоимость, чем средняя форма коллективного хозяйства, а эта последняя меньшую, нежели индивидуальное хозяйство.

Но минимальная себестоимость единицы продукции не единственный критерий для сравнительной оценки различных форм. Существенным является и размер потребных капитальных вложений. Мы хорошо знаем из опыта промышленности, что оптимальное, т.-е. обеспечивающее наименьшую себестоимость, предприятие сплошь и рядом требует таких капиталовложений, которые в наших условиях являются крайне тяжелыми, а нередко и недоступными. Мы вынуждены поэтому искать той формы предприятия, которая обеспечивает не минимальную себестоимость его собственной продукции, а минимальную себестоимость совокупной продукции при данных доступных нам средствах. Для нашей хозяйственной практики этот критерий имеет доминирующее значение.

Надо поэтому дать ответ, не потребует ли большая программа коллективизации в технически наиболее совершенных формах более значительных вложений, чем развитие сельского хозяйства на основе индивидуальных предприятий и упрощенных форм коллективизации [1]).

Прежде всего потребует ли колхоз невысокой технической организации и слабо механизированный, более крупных вложений, нежели соответственное число индивидуальных хозяйств? Можно наперед сказать, что нет. Совершенно очевидно, что та же посевная площадь в 100—200 га может быть при коллективной обработке, даже и без особой машинизации, обслужена с меньшими вложениями, нежели в том случае, если она раздроблена

[1]) Состояние материалов, к сожалению, не позволяет дать на этот вопрос исчерпывающего, обоснованного цифровыми данными ответа. Приходится ограничиться поэтому лишь общими соображениями, подкрепляющими вероятность того или другого ответа.

между 15—30 индивидуальными хозяйствами. Правда, при построении обобществленного хозяйства без крепкого машинно-технического костяка, труднее рассчитывать на создание крупного колхоза в тысячу или несколько тысяч гектаров, т.-е. поселенного, а тем более межселенного колхоза. Кроме того, при слабой технической вооруженности колхоз будет менее заманчив для устойчивых середняцких хозяйств. Но совершенно ясно, что слабо механизированный колхоз потребует меньших вложений, нежели соответственная группа индивидуальных хозяйств. Поэтому такая программа коллективизации может сорваться из-за чего угодно (вследствие недостатка организаторов, руководителей и обслуживающего персонала, землеустроителей и т. д.), но только не из-за отсутствия ресурсов.

А как обстоит дело с технически высоко организованным, укрупненным колхозом, скажем, типа МТС в сравнении с слабо механизированным мелким или средним колхозом?

Если средний колхоз, а тем паче группа индивидуальных хозяйств, организуется на новых землях в порядке, скажем, переселения, и требует мобилизации новых средств производства, то не может быть сомнения, что технически высоко организованное крупное хозяйство будет иметь перед ними в отношении вложений значительные преимущества.

Сложнее положение в том случае, когда новое, технически совершенное хозяйство требует *нового* оборудования и *нового* обзаведения, а средний колхоз или соответственная группа индивидуальных хозяйств может быть построена за счет одной только мобилизации и более полного использования *наличных* средств производства. В этом случае вложения в технически высшие формы могут оказаться более значительными, чем дополнительное вложение, требующееся для образования мелкого или среднего колхоза. А в связи с этим встает вопрос, целесообразно ли форсировать переход к этим высшим формам, требующим новых вложений, если они оставляют неиспользованным наличное в сельском хозяйстве оборудование.

Тип нашей реконструкции, пока мы бедны ресурсами, должен быть, конечно, таким, чтобы позволить максимально использовать наличную техническую базу. Если высшая форма с.-х. предприятия не позволяет ее использовать, то нам, как общее правило, не следует форсировать переход к ней. В этом случае народнохозяйственно правильно его производить только в меру законченного снашивания старого оборудования. Ведь основным дефектом индивидуальной формы сельского хозяйства является именно то, что она не позволяет использовать наличных производственных ресурсов. Для нас было бы непосильно форсировать переход к высшим формам коллективизации, если бы эти последние вынуждали нас оставлять неиспользованными значительные массивы наличных производственных ресурсов.

Сказанное отвечает на вопрос об использовании *исходного* оборудования, но не определяет еще путей его *воспроизводства* (в меру амортизации) и расширенного воспроизводства (в меру накопления). Между тем здесь встает проблема кардинальной важности, имеющая совершенно исключительное значение для всей нашей политики реконструкции.

Должно ли расширенное воспроизводство сосредоточиваться целиком и монопольно на обслуживании технически высших форм коллективизации или может быть использовано также и в низших; и каково в таком случае должно быть соотношение между обоими направлениями?

Благодаря неравномерному технико-организационному построению предприятий и наличию в них, на ряду с большими запасами производственной мощности, узких мест, закрывающих возможность использования этих запасов мощности, известная часть средств производства используется крайне недостаточно. Преодоление этих узких мест открывает возможность использования всей производительной силы предприятия. Такое же положение мы имеем и в сельском хозяйстве, в частности в крестьянском хозяйстве. Сравнительно незначительные затраты (на борьбу с вредителями, очистку зерна, развитие сортового семеноводства, применение простейших видов удобрений и т. д.) могут дать совершенно несоразмерные с затратами результаты. Производительность вложений на преодоление ряда узких мест поэтому чрезвычайно велика. Совершенно очевидно, что соответственная часть воспроизводимых средств производства должна быть направлена прежде всего в эту сторону. А это значит, что должна быть решительно отброшена всякая попытка строить наши новые вложения в сельское хозяйство по типу монопольного сосредоточения их в технически высших только формах коллективизации.

Но какой линии следует держаться за пределами такого высоко эффективного преодоления узких мест тогда, когда этот шанс уже исчерпан? Должны ли мы и дальше возобновлять снашиваемые средства производства на прежнем техническом уровне или уже теперь должны вести более энергичную политику реконструкции и непосредственного перехода к высшим формам?

Соблюдая принцип полного использования наличного оборудования в низших формах, мобилизуя прибыли и амортизацию для текущего и капитального ремонта и для высокорентабельного преодоления узких мест, *мы должны тем энергичнее все остальное сосредоточивать на технически высших формах коллективизации.*

Хотя оборотные ресурсы в сельском хозяйстве оборачиваются много медленнее, чем в промышленности, но оборот *основных* ресурсов совершается в с. х. быстрее, нежели в промышленности, в соответствии с чем роль амортизации в сельском хозяйстве выше. По абсолютным размерам производственный годовой износ в сельском хозяйстве составляет примерно 700 млн. руб. (с включением износа рабочего скота, но без износа жилищного фонда, годовой размер которого равен 470 млн. руб.), в то время как износ госпромышленности составляет примерно 350 млн. руб., а ж.-д. транспорта—285 млн. руб. Как это ни парадоксально звучит, но *этот* момент позволяет (*при прочих равных условиях*) реконструкцию сельского хозяйства вести *более энергично, чем в промышленности.* Огромные амортизационные средства сельского хозяйства следует энергично использовать для реконструкции его.

Если техническая база производства остается неизменной, то его расширение может совершаться только за счет нового накопления (прибылей). Но если расширение производства проходит на базе технической реконструкции, то оно может совершаться как за счет добавочного накопления так и за счет амортизации. Задача заключается поэтому в том, чтобы использовать быстрый оборот ресурсов в сельском хозяйстве, для его быстрой реконструкции. Основная задача будет при этом заключаться в концентрированном использовании прибылей и амортизационных сумм, хотя их высвобождение совершается постепенно и рассеяно в десятках миллионов хозяйств. Отсюда огромная роль правильного организационного подхода в деле *фактического* (хотя бы и не формального) обобществления прибылей и амортизационных средств сельского хозяйства и их интенсивного перераспределения.

В условиях индивидуального хозяйства постепенно накапливающиеся прибыли и амортизация не могут быть использованы для коренной реконструкции, так как они, во-первых, слишком малы, а во-вторых потребности производства не позволяют длительно накапливать их в денежной форме. Ибо если плуг износился, то он должен быть либо немедленно заменен более сложным пахотным орудием, либо возобновлен в прежней натуральной форме. Но обойтись без него и пахать денежными накоплениями хозяйство

не может. Широкая возможность задержать замещение данной машины другой и высвободить амортизационные суммы создается только при интенсивном обобществлении и более полной, чем до сих пор, эксплоатации коллективизированного оборудования. Доиспользование нынешнего инвентаря живого и мертвого на основе упрощенной коллективизации позволит свести к минимуму возобновление снашиваемого капитала на прежнем техническом уровне и позволит в максимальной мере бросить накопление прибылей и амортизации на создание фонда высокой реконструкции. Усиленная мобилизация накоплений в сельском хозяйстве для коренной его реконструкции в технически высших формах предполагает поэтому усиленную массовую коллективизацию в низших и средних формах ее. Если последняя не будет совершаться достаточно интенсивным темпом, то не сможет энергично осуществляться и первая. Обе формы коллективизации поэтому не только не конкурируют друг с другом и не только дополняют друг друга, но широко проводимая малая реконструкция является условием энергичного темпа проведения большой реконструкции. Все это так, однако, лишь при том условии, что малая реконструкция проводится на основе минимальных дополнительных вложений и что прибыли и амортизация низших форм обобществленных предприятий в возможных размерах используются для крупной технической реконструкции.

В этой связи низшие формы коллективизации важны не столько как формы органически и непосредственно перерастающие в высшие, а как условие создания и высвобождения ресурсов (прибылей и амортизационных сумм) для перекачки их в интенсивно идущее строительство технически высших форм.

Процесс нашего обобществления пойдет главным образом не таким путем, что низшая форма будет внутри себя и для себя подготовлять ресурсы, необходимые для непосредственного своего перерастания в высшую. Масса низших форм будет создавать и высвобождать ресурсы для развертывания в их среде более ограниченного числа других, технически высоко организованных хозяйств. А на ряду с этим последние в свою очередь будут служить источником для перекачки ресурсов для позднейшего экстенсивного воспроизводства этой высокой формы на территории колхозов, ранее питавших ее своими ресурсами. Вместо развития по прямой линии и прямого перерастания низших форм в высшие между ними будут создаваться значительно более сложные взаимоотношения, будет итти интенсивное кругообращение средств из одних форм в другие и обратно для расширенной реконструкции рядовых хозяйств и колхозов, являющихся первоначальным источником этих средств. Мы идем к тому, чтобы организовать своего рода «плодосменный севооборот» коллективных форм, при котором каждая предыдущая фаза будет питать собой повышенный урожай на следующей и прирост ресурсов в одной форме будет использован для развертывания другой формы.

Для этого нам надо не только обеспечить перекачку средств из низших форм в высшие, но и найти такой способ использования повышенных результатов высшей формы хозяйства, при котором известная часть его достижений не локализировалась бы в этом только хозяйстве, а целесообразно распространялась (скажем, в порядке государственного или кооперативного перераспределения) на часть других хозяйств, непосредственно не участвовавших в первом туре высокой реконструкции.

В непосредственном своем виде интенсивное развертывание высшей формы означает концентрацию повышенной продукции в меньшем круге хозяйств, но так как такое исходное распределение повышенной продукции политически неприемлемо, то надо внести коррективы в распределение,

этой повышенной продукции, но не отказываться от оптимального направления производственных вложений.

Могло бы показаться, что перед нами стоит дилемма: либо итти экстенсивным, но технически неглубоким прогрессом, либо быстрым и интенсивным, но зато на ограниченной территории. На деле эта дилемма необязательна. Технически высокая форма не обязательно является типом интенсивного под'ема в противоположность экстенсивному. Будет ли иметь место это противопоставление, будет зависеть только от политики последующего распределения результатов высшей формы. При определенной политике распределения именно технически высокоорганизованное производство становится мощнейшим фактором экстенсивного под'ема крестьянского хозяйства, притом несравненно более мощного, нежели при технически низшем типе вложений.

Строительство высшей формы крупного с.-х. производства может поэтому производиться не в порядке его противопоставления массе крестьянских хозяйств, а на базе непосредственного под'ема последнего и как средство этого под'ема, притом под'ема более быстрого и ощущаемого, чем при другом типе реконструкции.

* * *

Указанная схема предполагает определенную организацию оборота ресурсов хозяйства. Между тем в этой части у нас еще совершенно нет плана. Мы даже не приступили к его составлению, даже самая задача нами не сформулирована. А между тем только постановка этой задачи и экспериментальная ее разработка (аналогично экспериментальной разработке Маркевичем типа МТС) может дать реконструкции сельского хозяйства тот размах и те результаты, которые нам дозарезу нужны для осуществления нашего большого народнохозяйственного плана.

Каждый округ должен разработать свою программу реконструкции, постепенно целиком его охватывающей. Такой план должен предусматривать основные относящиеся сюда технические, социально-политические, организационные и финансовые проблемы. С чего начать, к чему затем переходить, как использовать накопления, что оставить в произведших его хозяйствах, что из'ять в фонд реконструкции округа, как и в какой форме возвращать неорганизованным пока или слабо организованным хозяйствам ресурсы, которые были у них извлечены, чтобы за счет возвращаемых ресурсов реконструировать эти последние хозяйства; как организовать кругооборот этих средств. Нужен план оборота ресурсов (амортизации и прибылей), их перераспределения, нужен организационный план. План должен в основном рассчитывать на собственные (по экономическому существу своему) ресурсы округа, хотя бы они технически и проводились как госбюджетные. Дополнительные вложения государства могут форсировать этот процесс, но в основном он должен быть обеспечен независимо от них.

План реконструкции округа, скажем в 1 млн. га, должен предусматривать постепенную организацию на этой территории примерно 20 МТС. Должна быть подготовлена мобилизация ресурсов всего населения округа как работающего пока еще в порядке индивидуального хозяйства, так и втянутого уже в обобществленные хозяйства. От организации отдельной МТС, исходящей из того, что нужные средства будут государством привнесены извне, надо перейти к организации округа, проводящего весь обобществительный цикл в основном за счет собственных ресурсов (экономически собственных, но не бюджетно-технически).

Нужно, чтобы была разработана соответственная совокупная окружная схема, чтобы она была проведена на окружном и районных с'ездах советов и производственных конференциях крестьян и крестьянских организаций (кооперации, колхозов), чтобы соответственные договора с крестьянскими обществами были составлены, чтобы сроки взносов и платежей, сроки и типы временных мероприятий (упрощенная предварительная коллективизация) были установлены так же, как сейчас устанавливаются сроки и очереди проведения районной землеустроительной программы. Должна быть составлена программа охвата отдельных частей района последовательными стадиями обобществления.

Финансово-организационная схема должна базироваться на использовании средств низших хозяйственных форм для строительства высших; и, наоборот, на использовании накопления высших для расширенного воспроизводства и умножения числа этих высших форм. Большие достижения технически высоких форм не должны целиком локализироваться в тех хозяйствах, в которых они созданы. Ведь не обязательно, чтобы достижения, полученные в области полеводства, и возросшие на этой базе доходы данного об'единения-оазиса были использованы в нем же для немедленного обобществительного охвата остальных отраслей данного хозяйства (животноводство, садоводство, огородничество, жилища, потребление и т. д.). Если мы раньше производили перекачку ресурсов из частного сектора с. х. в обобществленный, то начинающееся сейчас накопление ресурсов обобществленного сектора позволяет использовать часть этих ресурсов для образования в округе новых об'единений высокой технической структуры.

Нет надобности, чтобы обобществленные крупные хозяйства типа МТС оставляли об'единяемым ими крестьянским хозяйствам столь большие приросты доходов, создавая экономически резко выделенные случайные и изолированные оазисы в округе. Было бы правильнее, оставляя им ощутительную часть приростов, в остальном использовать их для перекачки во вновь организуемые об'единения. Надо сделать всю калькуляцию совершенно прозрачной для участников об'единения, но одновременно изымать из об'единения (в счет того, что привнесено в него государственной организацией и окружающим населением) больше, чем это делается сейчас, используя эти из'ятия для усиления процессов обобществления в непосредственно примыкающем окружении, на глазах у об'единения, у которого из'ятие сейчас производится.

Договора с крестьянством, организованным МТС, должны предусматривать из'ятие некоторой части на амортизацию самой МТС, другой — на обобществление хозяйств ближайшего района, и выделение третьей для коллективизации необобществленных пока отраслей хозяйства, например, животноводства. За счет этой третьей части должен быть в свою очередь начат новый обобществительный кругооборот с тем, чтобы достижения (в частности и финансовые) в области животноводства данного об'единения были затем использованы для продолжения этого обобществительно-реконструктивного цикла во всех об'единениях данного округа.

Мы ставим уже вопрос об использовании накопления обобществленного полеводства для обобществления животноводства того же об'единения. Мы должны сейчас поставить вопрос об использовании накопления одного об'единения для форсирования обобществительного процесса в полеводстве вновь организуемых межселенных об'единений. Нам нужна интенсивная миграция ресурсов. Она должна производиться в наиболее (социально и экономически) продуктивном направлении независимо от того, в каком хозяйстве или в каком об'единении эти ресурсы были созданы.

Таким образом, перед нами стоят две задачи: 1) расширять регулируемую часть оборота ресурсов за счет нерегулируемой (амортизации и прибылей индивидуального сектора, колхозов и т. д.) и 2) дать регулируемой части более продуктивное направление, концентрируя ее в направлении высших форм. Такой подход позволит настолько же ускорить темп роста сельского хозяйства, насколько фактическое (хотя и не формальное) об'единение ресурсов промышленности позволило беспримерно поднять темп и эффективность промышленного строительства.

* * *

Вернемся к тому третьему критерию при выборе наиболее целесообразной формы коллективизации, который был назван, но не рассмотрен вначале. Дело идет о наличии в натуре специального технического оборудования, необходимого для того или иного типа коллективизации.

Общая сумма потребных натуральных ресурсов получает свое денежное выражение в сумме капитальных вложений. Мы видали, что она ниже при намеченном сочетании низших и высших форм и сосредоточении подавляющей массы высокоценного технического снабжения в хозяйствах высокой технической структуры. Таким образом, и в отношении потребной общей массы натуральных ресурсов выриант этот является более экономным. И все же в отношении отдельных видов натуральных ресурсов могут, конечно, возникнуть трудности в смысле организации их производства и, следовательно, снабжения ими образуемых коллективных хозяйств. Однако, потребные для организации этих новых производств капитальные вложения не могут служить препятствием для выбора оптимального типа коллективизации, так как потребность в новых промышленных производствах возникает при любом типе коллективизации, а при менее рациональном потребность эта не ниже. Следовательно, и с точки зрения капитальных вложений в организацию новых промышленных производств более высокие формы коллективизации сельского хозяйства оказываются скорее более экономными. Препятствием может служить поэтому только фактическая невозможность организовать такое производство вследствие ли отсутствия необходимого сырья, технической неподготовленности, отсутствия опыта и подходящих кадров и т. д. Если к тому же производство это не может быть заменено импортом, то в этом случае мы действительно можем оказаться вынужденными поставить другие производства и, следовательно, перейти к несколько иному типу коллективизации, требующему более крупных вложений и дающему меньший народнохозяйственный эффект. Конкретный анализ относящегося сюда материала, рассмотрение которого завело бы нас слишком далеко, показывает, что в основном этого положения на деле нет. И во всяком случае,—поскольку намечаемый тип коллективизации построен на сочетании высших и низших форм и сосредоточении высокоценного (дефицитного) снабжения в меньшем числе высоко организованных, а потому с максимальной полнотой использующих его хозяйствах вместо распыления его по большому числу хуже организованных,—этот тип коллективизации является оптимальным и со стороны дефицитного снабжения.

Нам нужна великая схема социалистической реконструкции сельского хозяйства. Разработать такую схему и затем на протяжении ближайшего десятилетия[1]) до конца провести ее—составит нашу пионерскую, всемирно-историческую задачу. Эта схема пока еще не разработана. А между тем некоторые существенные элементы ее за последние годы уже наметились. Они должны быть больше, чем до сих пор, осознаны, в большей мере, чем до сих пор, выдвинуты в свет, и включены в качестве стержневого метода в цело-

[1]) Любопытно отметить, что Баллод (Атлантикус) намечал в своем плане социализации Германии закончить социалистическую реконструкцию германского сельского хозяйства в три года.

стную схему великого преобразования. Без большой инженерно-экономической схемы этой задачи не разрешить. Завершена ли эта работа? Далеко еще не завершена. У нас есть план поднятия урожайности и обслуживания индивидуального сектора. Разработана пятилетка по кооперации, которая с качественно-организационной стороны включает в себя некоторые новые черты и представляет определенный шаг вперед. Есть количественная программа коллективизации, нащупана новая исключительно продуктивная форма обобществления — МТС. Она в пятилетней программе коллективизации значительно выдвинута вперед. Есть широкая программа развертывания совхозного строительства, при чем есть основания думать, что форма эта сделает очень ощутительный шаг вперед. Н о ц е л о с т н о й с х е м ы в с е е щ е н е т.

Даже МТС которым, повидимому, суждено сыграть очень видную роль, не завоевали того места, которое им по праву принадлежит. У нас, правда, брошена уже многозначительная фраза, что МТС это наш сельскохозяйственный ГОЭЛРО. Это чрезвычайно ценное заявление. Его не хочется ничем ослабить. Но его нужно уточнить. МТС это еще не с.-х. ГОЭЛРО. Это элемент будущего ГОЭЛРО, правильно нащупанный, почти центральный элемент его. Сельскохозяйственный же ГОЭЛРО еще только должен быть построен. Он будет построен в первую очередь на МТС, как своей основной форме, как на стержне всей программы коллективизации. И тем не менее этот целостный план социалистической реконструкции будет создан не тем, что все остальное в нем будет поставлено рядом с МТС, не тем, что МТС будет дано количественно очень крупное место, а тем, что в с е о с т а л ь н о е б у д е т п о с т а в л е н о в о в н у т р е н н ю ю т е х н и ч е с к о - э к о н о м и ч е с к у ю и о р г а н и з а ц и о н н у ю и ф и н а н с о в у ю с в я з ь с МТС, а в е с ь п л а н б у д е т п р о н и к н у т е д и н о й т е х н и к о - э к о н о м и ч е с к о й и д е е й. Всю нашу работу в области сельского хозяйства надо как можно скорее привести в законченную систему, так чтобы каждое сколько-нибудь крупное мероприятие входило в нее подчиненной составной частью и проводилось, как элемент широко намеченной схемы. Нам нужно реконструировать несколько самую реконструктивную нашу работу в области сельского хозяйства. Нам нужна известная м а г и с т р а л и з а ц и я н а ш е й с е л ь с к о х о з я й с т в е н н о й р е к о н с т р у к ц и и.

* * *

Сказанное представляет собою только общую технико-организационную линию. Наша к о н к р е т н а я политика не может, естественно, определяться одной только о б щ е й установкой. В зависимости от конкретных условий эта общая линия будет при своем проведении видоизменяться. На основную канву ее будет накладываться конкретный узор, исходя из необходимости маневрирования, учета всего многообразия реальных условий и необходимости уступок живому сознанию основной массы крестьянства. Но делая те или иные уступки, мы должны точно знать, в чем заключается наша основная технико-организационная линия, от которой мы в каждом отдельном случае вынуждены делать те или иные уступки. Вопрос о некоторых существенных чертах этой технико-организационной линии мне и казалось нужным поставить на обсуждение.

От редакции.

Помещая на страницах «Большевика» статью т. Шанина с целью заострения внимания партии на затронутых в ней важнейших проблемах социалистического переустройства сельского хозяйства, редакция считает необходимым указать на ряд неверных положений, занимающих в статье центральное место.

Тов. Шанин подходит к задаче обобществления сельского хозяйства с односторонней точки зрения технико-экономических расчетов, совершенно оставляя в стороне социально-классовые проблемы, связанные с процессом обобществления. Этот односторонний подход т. Шанина лучше всего иллюстрируется тем, что в его статье, посвященной вопросам коллективизации, отсутствует даже упоминание о классах деревенского населения, о классовой борьбе, об усиливающемся сопротивлении кулачества. Нисколько не отрицая важности технико-экономического подхода, редакция, однако, считает, что в своей односторонней «надклассовой» форме он неминуемо приводит к серьезным ошибкам.

Совершенно правильно подчеркивая огромную, еще недооцененную, роль МТС, как технически наиболее высоких форм обобществления полеводства в масштабах оптимального крупного хозяйства, тов. Шанин делает неверные выводы, которые он сам называет позицией «технико-организационного максимализма». (Стр. 44, второй абзац снизу). Он предлагает сосредоточить «наши снабженческие усилия» и «основные реконструктивные усилия» исключительно на крупных совхозах и предприятиях типа МТС, колхозы же развивать, как форму «низшую, т е х н и ч е с к и с л а б о в о о р у ж е н н у ю» (та же стр., следующий абзац), которая должна удовлетвориться лишь более целесообразным использованием обычных крестьянских средств производства. «Мы должны быть весьма разборчивы в снабжении нынешних типов колхозов и должны сосредоточить высокоценное снабжение на МТС и совхозах. Мы должны давать индивидуальному крестьянскому хозяйству и мелкому и среднему колхозу то, что может быть в этих хозяйствах использовано более эффективно... нежели в МТС и совхозах». Учитывая последствия такого курса в отношении колхозов, тов. Шанин прямо отказывается от их у к р у п н е н и я и предлагает держать курс на колхоз в 100—200 га.

При этом он сам чувствует, что его предложения означают не что иное, как л и к в и д а т о р с т в о в отношении массового колхозного движения «Правда,—пишет он,—при построении обобществленного хозяйства без крепкого машино-технического костяка трудно рассчитывать на создание крупного колхоза в тысячу или несколько тысяч га... Кроме того, при слабой технической вооруженности колхоз будет менее заманчив для устойчивых середняцких хозяйств». (А для неустойчивых, для бедняцких, не имеющих почти никакой «вооруженности»?).

Рекомендуемый т. Шаниным курс на технически слабые, мелкие колхозы на деле был бы не чем иным, как дискредитацией массового колхозного движения, выдачей его с головой кулачеству, ведущему против колхозов ожесточенную борьбу. Предложения т. Шанина расходятся с постановлением XVI партконференции, которое гласит: «обеспечить все расширяющееся снабжение коллективов сложными м а ш и н а м и и особенно тракторами», содействовать «развивающемуся процессу у к р у п н е н и я с т а р ы х к о л х о з о в путем вовлечения в их состав новых членов, организации колхозных кустовых об'единений, как агропроизводственных и организационных центров колхозов соответствующих районов».

Другой ошибкой т. Шанина является недооценка (если не полное игнорирование) необходимости перерастания низших групп колхозных об'едине-

ний в высшие. Он предлагает «меньше базироваться на процессе перерастания **нынешних** (разрядка автора. *Ред.)* низших форм в высшие» (стр. 44, второй абзац сверху). Для него низшие формы колхозов являются лишь об'ектом для «перекачки» средств в крупнейшие организации типа МТС. Низшие формы должны быть «поглощены» высшими. Что касается самих МТС, обобществляющих, как известно, в первую очередь полеводство, то он предлагает не спешить с обобществлением других отраслей охваченных МТС крестьянских хозяйств. «Ведь не обязательно, чтобы достижения, полученные в области полеводства, и возросшие на этой базе доходы данного об'единения были использованы в нем же для немедленного обобществительного (?) охвата остальных отраслей данного хозяйства (животноводство, садоводство, огородничество, жилища, потребление и т. д.)».

Ошибка т. Шанина заключается в том, что он не видит опасности «перекачки» накопления обобществленного хозяйства в необобществленные отрасли хозяйства колхозников (или крестьян, охваченных МТС). Эта опасность неизбежна при **частичном** обобществлении, свойственном низшим формам колхозов. Отсюда неизбежность расслоения внутри колхоза и его распад, если только он не развивается быстро по пути перерастания в высшие формы. Позиция т. Шанина, игнорирующего необходимость перерастания, и в этом случае об'ективно сводится к **ликвидаторству** в области массового колхозного движения. Вопреки т. Шанину XVI партконференция постановила: «усилить работу по **обобществлению производственных процессов** в товариществах по общественной обработке земли, стремясь всячески содействовать мерами финансовой, материальной и организационной помощи их переходу в высшие формы коллективного движения (артели, коммуны)».

И. Верменичев.

О расслоении деревни.

Гвоздь вопроса в понимании существа развития строя мелких производителей в деревне заключается в понимании воздействия и влияния на это развитие со стороны господствующей в данном обществе системы общественных отношений. Капитализм прежде всего возникал не в сельском хозяйстве, а в промышленности, и уже вслед за этим капиталистически развивалось и сельское хозяйство, при чем именно здесь все остатки докапиталистических отношений были чрезвычайно живучи, и в целом ряде самых развитых стран докапиталистическая деревня входила в общую систему народного хозяйства, являясь придатком капиталистического общества. В самом развитии капитализма в сельском хозяйстве и разложении крестьянства на классы капиталистического общества основным фактором являлось и является влияние на это развитие капитализма вне сельского хозяйства. Это обстоятельство было некогда подчеркнуто Марксом в его исследовании о ренте, где он прямо констатировал, что развитие капитализма в деревне обусловлено развитием капитализма вне сельского хозяйства.

Таким образом, для развития возникающих в сельском хозяйстве предпринимательских отношений, для превращения сельского простого товарного хозяйства в капиталистическое, необходимо воздействие капитализма вне сельского хозяйства, иначе возникающие спорадически капиталистические отношения в деревне, иначе возникающая дифференциация среди мелких простых товаропроизводителей не может еще привести к широкому развитию капитализма. Здесь влияние промышленного капитализма на сельское хозяйство, прямая его поддержка (в частности **финансовая**) становится важнейшим фактором разложения простого товарного хозяйства. Деревня в таких условиях неизбежно и необходимо будет разлагаться на классы капиталистического общества, и в таких условиях мелкие собственники средств производства в полной мере являются потенциальными пролетариями и капиталистами, а наиболее обеспеченная средствами производства часть их, прибегающая к частичной эксплоатации других менее обеспеченных средствами производства групп, имеет все возможности и прямую поддержку для превращения в собственно капиталистических предпринимателей.

В России влияние несельскохозяйственного капитализма на разложение деревни и на ее капиталистическое развитие являлось также основным фактором, но быстрому развитию капиталистических отношений в дореволюционной деревне препятствовало крупное помещичье землевладение и пережитки крепостнических отношений последнего с крестьянством.

Октябрьская революция, уничтожившая помещичье хозяйство, в определенной степени ликвидировавшая капиталистические предприятия и в сельском хозяйстве, передала крупную промышленность и транспорт в руки пролетарского государства. Т.-е., таким образом, вне сельского хозяйства господствующими отношениями являются не капиталистические, а отношения на базе государственной промышленности, отношения, складывающиеся как социалистические.

В результате налицо совершенно определенное и совершенно бесспорное явление: уничтожение такого решающего фактора в капиталистической эволюции деревни, как воздействие, влияние и прямая поддержка этого пути развития деревни со стороны капитализма вне пределов сельского хозяйства.

Больше того, крупная государственно-социалистическая промышленность и транспорт растут и к настоящему времени значительно усилились и укрепились. Усилилось положение государственной и кооперативной торговли, которая во многих отраслях становится монополистом.

Эти реальные факты означают не что иное, как дальнейшее укрепление господствующей у нас системы общественных отношений. А вместе с укреплением и расширенным воспроизводством этой системы все более укрепляется база для воздействия и влияния на экономику сельского хозяйства в сторону его некапиталистического развития и в сторону вытеснения сельскохозяйственного капитализма. Это основной и решающий факт современной экономической действительности.

В таких условиях мелкотоварное хозяйство получает возможность свернуть с капиталистического пути развития на некапиталистический, на путь превращения в коллективное хозяйство. В настоящее время процесс кооперирования и коллективизации деревни, все более расширяющийся, отображает собой этот путь некапиталистического развития мелкого производства. Таким образом, под'ем всей массы мелких земледельцев, возможный при переходе их к кооперации и коллективизации, осуществим только в условиях пролетарского государства, в условиях ликвидации вне сельского хозяйства капитализма, как господствующей системы общественных отношений, в условиях создания и беспрерывного роста социалистической промышленности. Поэтому глубоко реакционной, вздорной и утопичной являлась теория о том, что при капитализме мелкое хозяйство (при помощи кооперации) могло развиваться. При капитализме ничто не спасало и не спасает основные массы мелких товаропроизводителей от разорения и пролетаризации при росте кулацко-капиталистических слоев. При капитализме под'ем сельского хозяйства был под'емом буржуазно-капиталистического хозяйства, какими бы сладенькими теориями ни прикрашивался этот процесс, каким бы самообманом и обманом других ни занимались всевозможные теоретики народнического толка. Эти теоретики считали, что крестьянин может «хорошо устроиться» и при капитализме. Один из виднейших наших народничествовавших ученых (ныне доподлинный сторонник кулацко-капиталистического развития советской деревни), проф. Макаров, писал, например, следующее:

«Если рабочий в светлой мечте о будущем социалистическом строе стремится разрушить современный строй; если рабочий, проникнутый идеями социализма, ждет того времени, когда погибнет современное капиталистическое общество; если рабочий верит, что в современном мире он не получит ничего хорошего,—то крестьянин не живет мечтой о социализме, о разрушении современного экономического общества; крестьянин верит в то, что и в современном обществе он может хорошо устроиться, если только будут созданы соответствующие условия (даны земля, знания и т. д.) (разрядка моя. *И. В.*). Если и крестьянству суждено дойти до сознания, что социалистический строй есть строй лучшего будущего, то оно очень и очень нескоро может дойти до этого сознания, ибо и в этом капиталистическом мире оно может «хорошо устроиться»—если только будут увеличиваться доходы крестьянского хозяйства» (разрядка моя. *И. В.*) [1].

Тут же он дает и рецепты, как «хорошо устроиться» крестьянину при капитализме. Нужно только получить землю, использовать рационально рабочую силу, увеличить капиталы, увеличивать рабочий скот, инвентарь; надо интенсифицировать производство, усовершенствовать технику, надо получить хорошую агрономическую помощь, развивать сельскохозяйственное образование и т. д., и т. п. Все это может быть достигнуто, если разовьется кооперация. Вся эта сладенькая, глубоко реакционная теория, замазывавшая наличие и рост классовых противоречий в крестьянстве, замазывавшая классовую борьбу в деревне, замазывавшая процесс разорения и пролетаризации основных масс крестьянства, выдававшая прогресс кулацко-капиталистических слоев за прогресс всей массы крестьян, являлась явным обманом крестьянства. Общий под'ем крестьянского хозяйства может осуществиться только с ликвидацией капитализма в народном хозяйстве и в сельском хозяйстве в том числе. Без этого условия (а это достижимо только при установлении пролетарского государства) под'ем производительных сил в сельском хозяйстве происходит на капиталистической основе, т.-е. на основе обогащения небольшой группы кулаков-капиталистов и разорения и пролетаризации огромных масс мелких производителей-крестьян.

Октябрьская революция, установившая диктатуру пролетариата, ликвидировавшая помещичье землевладение, а вместе с этим и помещичий капитализм, в значительной части подрезавшая кулацкое хозяйство, создала предпосылки для такого под'ема основных масс крестьянства.

Развитие мелкого производства после революции происходило в противоречивых формах. Общий процесс осереднячения деревни с начала нэпа сменился развитием крестьянского хозяйства в условиях роста рыночных отношений. Капиталистические тенденции крестьянства получили оживление, и мы были свидетелями роста капитализма в нашем сельском хозяйстве, продолжавшегося до последнего момента. В таких условиях классовое расслоение деревни являлось одним из основных процессов, происходящих в крестьянстве. Однако, восстановление сельского хозяйства, происшедшее в годы нэпа, не сопровождалось восстановлением дореволюционного капитализма в земледелии. Сельское хозяйство сохранило мелкотоварную форму производства, середняк остался «центральной фигурой» в земледелии, несмотря на рост капитализма. Из этого факта необходимо сделать надлежащие выводы. Именно, восстановление нашего сельского хозяства в основном произошло на базе середняцкого простого товарного хозяйства при участии в этом восстановлении капиталистических слоев и, повторяем, при их росте. К особенностям восстановительного периода, помимо того, что восстановление произошло при участии капиталистических слоев, но в основном в рамках простого товарного хозяйства, относится то обстоятельство, что это восстановление произошло, как правило, на базе старой техники. А эта техника—техника мелкого производства, смогшего освоить землю в значительной мере прежними приемами, путем имевшихся средств производства, путем применения рутинных приемов земледелия. Естественно, что дальнейший прогресс сельского хозяйства упирается в прямую необходимость технической реконструкции. Техническая же реконструкция в рамках мелкого производства возможна лишь в ограниченных пре-

[1] Н. Макаров, «Крестьянское хозяйство и его интересы», Москва, 1917, стр. 14.

делах. Эти возможности имеются, и задачей пролетарского государства в данное время является создание таких условий, которые бы позволили использовать все те возможности, которыми в советских условиях располагает мелкое хозяйство для под'ема производительных сил.

При этом вовлечение все большей массы крестьян в обобществленное хозяйство будет противодействовать капиталистическим тенденциям, будет вступать в ожесточенную борьбу с этими тенденциями. Борьба капиталистических и социалистических тенденций в развитии сельского хозяйства, пока социалистические тенденции не получат решительного перевеса, будет являться основным противоречием предстоящего ближайшего периода в экономическом развитии нашего земледелия.

Таким образом, новое в современных путях развития крестьянского хозяйства заключается в таком сочетании технической революции с одновременным преобразованием мелких производителей в производителей крупного обобществленного хозяйства, которое обеспечило бы социалистическую перестройку всего сельского хозяйства и оставило бы далеко позади все возможности и тенденции развития капиталистических отношений. Следовательно, в ближайшие годы эволюция крестьянского хозяйства должна еще больше изменить свое направление. Если до настоящего времени это развитие характеризовалось консолидацией и укреплением индивидуального середняцкого хозяйства при одновременном росте капиталистических хозяйств и переходом в тех или иных размерах бедняцких слоев в середняцкие, на базе также мелкого индивидуального производства, то в ближайшее время усилия пролетарского государства должны быть направлены в сторону превращения индивидуального бедняцкого и середняцкого хозяйства все более в общественное, коллективное хозяйство, в сторону такой трансформации существующих общественных отношений в сельском хозяйстве, которая вела бы к уничтожению в конечном счете вообще всякой эксплоатации.

* * *

Выяснение классовой структуры сельского хозяйства у нас страдает недостаточной точностью. Мы до сих пор еще не имеем законченной методологии статистического учета классов и в сущности говоря находимся в стадии предварительных исследований. В силу этого о классовом составе нашей деревни мы имеем лишь очень грубые данные, позволяющие получить только общую ориентировку в этом вопросе. Для того, чтобы дать общий ответ на вопрос о классовых соотношениях в сельском хозяйстве, воспользуемся материалами комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения; при этом мы сохраняем принятую комиссией терминологию. Эти данные опубликованы в книге «Тяжесть обложения в СССР» — издание НКФ (Москва, 1929 г.).

Социальный состав сельскохозяйственного населения по этим данным представляется в следующем виде (1926—27 г.):

Численность населения

	Самодеятельное			Все население		
	В тыс.		В %%	В тыс.		В %%
I. Пролетариат	2.560	или	11,3	4.713	или	4,2
а) рабочие	2.444	„	10,8	4.374	„	3.9
б) служащие	116	„	0,5	339	„	0,3
II. Беднота	5.037	„	22,1	21.106	„	18,7
III. Середняки	14.280	„	62,7	81.045	„	71,9
IV. Предприниматели	896	„	3,9	5.859	„	5,2
Итого	22.773		100	112.723		100

Из этой таблицы мы видим, что капиталистическая часть деревни составляет относительно небольшую величину и главная масса падает на мелких простых товаропроизводителей: середняки вместе с беднотой составляют 84,8%. Однако, подобное простое сопоставление численности отдельных социальных групп ни в какой степени не дает ответа на вопрос об экономической роли классовых прослоек. Если взять удельный вес разных слоев в доходе сельскохозяйственного населения, то по материалам той же комиссии СНК мы получим для 1926 — 27 г.:

I. Пролетариат	4%
в том числе:	
а) рабочие	3,2%
б) служащие	0,8%
II. Беднота	13,0%
III. Середняки	72,0%
IV. Предприниматели	11,0%

Однако, и эти данные еще недостаточно показательны для характеристики экономической роли разных слоев. Для того, чтобы полнее учесть экономическую роль отдельных классов, необходимо взять данные о количестве сельскохозяйственной продукции, производимой различными группами, и данные о товарной продукции, выбрасываемой этими группами.

Наконец, важнейшим показателем экономической роли различных социальных слоев являются данные о распределении по разным группам основных средств производства. В настоящее время мы не имеем сколько-нибудь точных общих для страны расчетов в этом направлении, но несомненно, что экономическая роль капиталистических, например, слоев по этим показателям будет характеризоваться значительно более высоким процентом. Иллюстрацией к сказанному может служить следующая таблица о распределении средств производства по группам хозяйств, расчлененных по общей стоимости основных средств производства на одно хозяйство:

Группировка хозяйств по стоимости средств производства

(динамическая перепись 1927 г.).

Группы хозяйств по размерам средств производства на 1 хозяйство	Ср.-Волжская обл.			Северный Кавказ			Центр.-Черноземн.		
	% хозяйств	Стоимость инвентаря	Общ. стоимость всех ср. произв.	% хозяйств	Стоимость инвентаря	Общ. стоимость всех ср. произв.	% хозяйств	Стоимость инвентаря	Общ. стоимость всех ср. произв.
До 50 руб.	9,3	0,0	0,4	16,6	—	0,5	10,0	—	0,4
51— 200 руб.	19,1	1,6	5,9	17,0	1,1	4,2	18,5	2,1	5,4
201— 400 „	28,3	12,5	20,4	19,0	7,5	11,0	26,6	15,6	18,1
401— 800 „	29,5	31,4	39,4	24,8	23,6	27,0	31,6	39,3	39,8
801—1600 „	11,5	35,2	21,8	16,7	34,9	34,7	11,5	32,0	27,3
Свыше 1600 руб.	2,3	19,3	12,1	5,9	32,9	22,6	1,8	11,0	9,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Если в этой таблице взять группу самых мощных хозяйств, со стоимостью средств производства свыше 1.600 руб. на хозяйство, то оказывается, что 2,3% этой высшей группы в Средне-Волжской области концентрируют у себя 19,3% стоимости всего инвен-

тарпя и 12,1% от общей стоимости всех средств производства по всем хозяйствам.

По Северному Кавказу 5,9% высших групп концентрируют в своих руках 32,9% стоимости всего инвентаря и 22,6% общей стоимости всех средств производства. По ЦЧО — 1,8% концентрируют в своих руках 11% стоимости всего инвентаря и 9% от общей стоимости всех средств производства по всем хозяйствам. Этот процент не характеризует концентрации средств производства кулаками, ибо взятые нами наиболее мощные группы хозяйств не характеризуют еще классовые группы в районе, но эта таблица дает представление о том, что экономическая роль высших групп значительна и что простое сопоставление численности хозяйств, либо населения, является вовсе недостаточным показателем.

Важнейшим условием при изучении классового соотношения является рассмотрение данных во времени. Материалы той же комиссии СНК по тяжести обложения позволяют нам дать ориентировочную характеристику динамики классовых отношений за три года: за 1924—25, 1925—26 и 1926—27 годы.

Рассмотрим динамику каждой группы.

С.-х. пролетариат.

Число самодеятельных в %% к итогу всего самодеятельного сел.-хоз. населения.

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Рабочие	9,3	10,4	10,8
Служащие	0,4	0,5	0,5
Всего	9,7	10,7	11,3

Из этой таблицы мы видим, что удельный вес пролетарского населения в деревне непрерывно увеличивается. Этот рост сельскохозяйственного пролетариата свидетельствует о росте классового расслоения деревни, о переходе части бедноты на положение рабочих.

Темпы роста пролетариата весьма значительны, как видно из следующих данных о % прироста по годам:

	1925/26 г.	1926/27 г.	За 2 года (1926/27 г. в % к 1924/25 г.)
Рабочие	+ 12,1	+ 4,5	+ 17,2
Служащие	+ 17,2	+ 0,0	+ 17,2
Итого	+ 12,4	+ 4,3	+ 17,2

Сильный скачок (на 12,4%) в 1925 — 26 году отчасти об'ясняется улучшением статистического учета наемного труда в результате легализации отношений по найму и отпуску рабочей силы в сельском хозяйстве, которая произошла в этот период.

Вместе с этим по материалам той же комиссии повышается экономический уровень с.-х. пролетариата, при чем рост дохода у пролетарских слоев происходил более быстрым темпом, чем у всех прочих групп сельскохозяйственного населения.

% прироста дохода с 1924/25 г. по 1926/27 г.

	На одного самодеятельного	На душу всего населения
Пролетариат	+ 29,3	+ 29,4
В том числе:		
а) рабочие	+ 27,2	+ 27,4
б) служащие	+ 38,9	+ 38,8
Беднота	+ 16,9	+ 21,3
Середняки	+ 28,7	+ 29,2
Предприниматели	+ 22,5	+ 22,5
Все сел.-хоз. население	+ 28,7	+ 30,0
Все несел.-хоз. население	+ 36,4	+ 37,8
В том числе:		
а) рабочие	+ 36,3	+ 44,1
б) кустари и ремесленники	+ 21,8	+ 24,1
в) мелкие и полукап. предпр.	+ 48,8	+ 50,3
г) капиталисты	+ 25,4	+ 25,6

Среди сельскохозяйственного населения наибольший прирост доходов имеет пролетариат, при чем темп роста дохода рабочих в промышленности значительно превышает рост доходности с.-х. рабочих. Вместе с этим рост доходности бедняцких слоев в деревне наименьший не только в сравнении с остальными группами с.-х. населения, но и в сравнении со всеми группами всего населения СССР.

Интересно поставить вопрос, из каких слоев крестьянских хозяйств выходят сельскохозяйственные рабочие. Рядом исследований установлено, что наибольшая масса батраков черпается из состава бедняцкого населения. Следующая таблица, составленная по материалам выборочного обследования труда и быта сельскохозяйственных рабочих, дает отдельные интересные цифры по вопросу о том, из каких слоев вышли сельскохозяйственные рабочие [1]):

Число рабочих, вышедших из хозяйств (в %% к итогу по строке).

Годы	Без земли	С землей: Без рабочего скота — Без посева	С землей: Без рабочего скота — С посевом	С землей: Без рабочего скота — Итого	С землей: С рабочим скотом — Без посева	С землей: С рабочим скотом — С посевом	С землей: С рабочим скотом — Итого
1926 г.	35,4	5,5	30,2	35,7	0,4	28,5	28,9
1927 г.	29,5	8,5	30,0	38,5	0,6	31,4	32,0

Анализ этой таблицы позволяет сделать следующие выводы: 1) Значительная часть батраков и пастухов вышла из хозяйств безземельных, при чем удельный вес этого типа рабочих в 1927 году по сравнению с 1926 годом уменьшается и соответственно растет удельный вес батрачества, вышедшего из хозяйств, обеспеченных землей.

2) Значительная часть батраков (28,5%) является выходцами из хозяйств, имевших и рабочий скот и посевы, при чем удельный вес этого типа батраков в 1927 году повысился.

[1]) См. ст. Мельникова в журн. «На Аграрном Фронте» № 11 за 1928 г.

3) Хозяйства, из которых выходят батраки в случае, если они обеспечены землей, в подавляющем числе имеют посевы (из 64,6% хозяйств с землей в 1926 году 58,7% оказались с посевами). Причиной пролетаризации является необеспеченность отдельных групп крестьянства средствами производства, ибо имеющие посевы крестьянские хозяйства не превращались бы в батрацкие хозяйства, если бы они были обеспечены инвентарем и скотом. Землю они получают на равных правах с другими.

Именно невозможность для бедноты освоить землю, невозможность расширить посевы за отсутствием основных средств производства и является основной причиной пролетаризации бедняцких слоев нашей деревни.

Конечно, и землеобеспеченность, трудные условия освоения земли, ее дальность, неравномерность во многих местах распределения между отдельными группами хозяйств, наблюдающаяся в ряде мест концентрация земли кулачеством и т. п. играют свою роль. Но основное противоречие современной деревни—это противоречие, основанное на распределении главнейших средств производства (машины, орудия, скот и т. п.) между разными экономическими группами деревни. Именно это противоречие ведет к образованию классовых противоречий, ведет к классовому расслоению крестьянства.

Чтобы закончить характеристику сельскохозяйственного пролетариата, приведем данные о составе его по характеру работы:

Группы сел.-хоз. пролетариата	Самодеятельные		
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Рабочие	2.085	2.338	2.444
В том числе:			
1. В крест. хоз. и сельск. общ.	1.469	1.634	1.714
2. В совхоз. и друг. сельск.-хоз. предпр.	289	351	371
3. На рыбных промыслах	23	32	32
4. В лесничествах	60	61	63
5. На лесозагот. и лесосплаве	174	193	193
6. В сельск. хоз. городов	60	67	71
Служащие	99	116	116
В том числе:			
В сельских местностях	67	78	78
В городах	32	38	38
Итого с.-х. раб. и служ.	2.184	2.454	2.560

Мы видим, что наибольшая часть сельскохозяйственного пролетариата занята в крестьянском хозяйстве и в сельских обществах. Следующей по многочисленности группой являются рабочие совхозов и других сельскохозяйственных предприятий; на лесозаготовках и лесосплаве занято, примерно, около 7,5% сельскохозяйственного пролетариата, остальные категории рабочих исчисляются небольшими цифрами. Служащие в сельскохозяйственных местностях также представляют небольшую, сравнительно, величину.

Рассматривая динамику различных групп сельскохозяйственных рабочих, необходимо отметить, что удельный вес рабочих, занятых в совхозах, несколько повысился от 1924—25 г. к 1926—27 г.

Отмеченное в этой таблице падение темпа роста сельскохозяйственного пролетариата в 1926—27 году об'ясняется отчасти тем обстоятельством, что в предшествующие годы бурный рост сельскохозяйственных рабочих вызван был проведенной легализацией найма рабочей силы.

Перейдем к характеристике численности и динамики мелких простых товаропроизводителей, включающих в себя неоднородные группы крестьянства, различающихся между собой экономической неоднородностью и наличием различных антагонистических производственных отношений, которые являются зачатками капитализма в сельском хозяйстве.

Эволюция бедноты по материалам той же комиссии по тяжести обложения представляется в следующем виде:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Число самодеятельных в тыс.	5.803	5.317	5.037
В %% к итогу населения	25,9	23,7	22,1
В %% к предыдущему году	—	91,6	94,7
% убыли	—	8,4	5,3

С 1924—25 г. по 1926—27 год беднота по этим данным сократилась на 13 с лишним процентов! Куда уходит беднота и что с нею делается?— таков первый естественный вопрос.

Мы можем себе представить следующие «пути» бедноты: переход в несельскохозяйственное население, забрасывание своего, с позволения сказать, «хозяйства», пополнение кадра сельскохозяйственного пролетариата, занятого как в частном, так и в обобществленном секторе сельского хозяйства, переход, наконец, в высшие группы, улучшение своего индивидуального хозяйства и превращение в середняцкие группы.

Исчерпывающего материала, который со всей достоверностью освещал бы этот вопрос, мы не имеем. Можно лишь применить самые грубые и упрощенные приемы расчетов. Подобные расчеты и были произведены комиссией по тяжести обложения. После вычисления естественного прироста в каждой группе были получены следующие данные о движении всего сельскохозяйственного населения (в тыс. душ.):

	Все с/х. насел.	Пролетар.	Беднота	Середняки	Предприниматели
Прирост + или убыль — за 1925/26 г.	— 854	+ 507	— 2.581	+ 669	+ 551
То же за вычетом ест. прир.	— 3.541	+ 410	— 3.186	— 1.200	+ 436
Прирост + или убыль — за 1926/27 г.	+ 1.633	+ 181	— 1.558	+ 2.506	+ 504
То же за вычетом ест. прир.	— 1.144	+ 68	— 2.125	+ 543	+ 370

Из этой таблицы мы видим, что в 1925—26 году не произошло никакого увеличения средней группы, более того, она сократилась в своем числе. Вместе с тем сократилась и беднота, увеличились лишь группы пролетариата и предпринимателей. Общее количество всего сельскохозяйственного населения сократилось на 854.000, если прибавить к этой цифре 2.687.000 душ естественного прироста, то сокращение выразится цифрой 3.541.000 душ. Несомненно, что сильное сокращение бедноты в этом году прежде всего об'ясняется уходом в города, превращением в рабочих промышленности. 1924—25 год в этом отношении характеризовался двумя обстоятельствами, во-первых, значительным набором рабочих в промышленность, и во-вторых, этот год был неурожайным. Таким образом, значительная часть бедноты была поглощена нашей промышленностью. Другая часть бедноты пополняла кадры сельскохозяйственного пролетариата. Если теперь мы суммируем количество ушедшего из сельского хозяйства населения и прирост батрацкого населения (за вычетом естественного при-

роста), то получим цифру в 3.951.000 душ, вышедших из бедноты и середняков. Если из этой цифры вычтем количество населения, на которое уменьшилась беднота, то остается еще 765.000 душ, которые, очевидно, вышли из среды середняцкого населения. Эти 765.000 душ характеризуют процесс пролетаризации середняка.

Суммируя эту цифру — 765.000 душ — с приростом предпринимательской группы, мы получим 1.201.000 душ, на которые сократились по двум направлениям середняцкие группы. Отсюда видно, что у середняка были два пути: в промышленность, в сельскохозяйственный пролетариат и бедноту с одной стороны, и в предприниматели—с другой.

И тот и другой путь середняки в 1925—26 году «с успехом» использовали. Этот «путь» середняка является выражением общего процесса классового расслоения деревни: превращения в пролетария, с одной стороны, и в капиталистического предпринимателя—с другой. Однако, приведенные расчеты являются самыми общими. Действительность гораздо сложнее. Вся сложность эволюционных процессов в крестьянстве представлена в книге Коврайского и Нусинова «Классы и классовые отношения в современной советской деревне». В нашей деревне наблюдаются процессы перехода бедноты в средние группы.

Что переход бедноты в середняцкие группы вместе с под'емом середняцкого хозяйства в действительности имел место, можно проследить по материалам упомянутой комиссии по тяжести обложения, относящимся к 1926 — 27 году.

Изменение в группах за вычетом естественного прироста к 1926—27 г. (в тыс. душ).

Все сельскохозяйственное население	— 1.144
С.-х. пролетариат	+ 68
Бедняки	— 2.125
Середняки	+ 543
Предприниматели	+ 370

Конечные результаты показывают, что значительная часть бедноты перешла в середняцкие группы на ряду с превращением в с.-х. пролетариат и уходом из сельского хозяйства. Пополнение середняцких слоев со стороны бедноты (несомненно, более «обеспеченной» ее части) компенсировало и переход середняков в предпринимательские группы и обратный переход середняков в низшие группы (который, конечно, происходил).

Рассмотрим динамику «предпринимательской» группы.

Число самодеятельных в предпринимательской группе по годам (в тыс.)

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	3 и 2 года
Абсолютн.	728	816	896	—
В %% к итогу	3,3	3,7	3,9	—
Прирост в %% за год	—	+ 12,1	+ 9,8	+23,1

Мы видим довольно значительный прирост предпринимателей, при чем темп роста их в 1926 — 27 г. ослабился.

Таким образом, необходимо, констатировать, что за последние годы неизменно происходил рост капитализма в нашем сельском хозяйстве. Для сравнения с ростом капитализма вне сельского хозяйства приведем следующую табличку:

Динамика самодеятельного населения в предпринимательских слоях вне сельского хозяйства.

	Процент прироста		
	1925/26 г.	1926/27 г.	3 и 2 года
Мелкие полукапиталистические предприним.	+ 11,5	— 2,1	+ 9,1
„ капиталистические „	+ 18,1	+ 3,4	+ 22,0
Средние и крупные капиталист. „	+ 28,6	— 4,2	+ 23,2

Мы видим, что в 1926 — 27 г. наблюдалось более резкое падение темпа роста капитализма вне сельского хозяйства, при сокращении численности самодеятельного населения в так называемой полукапиталистической группе.

В заключение—о ближайших перспективах в смысле изменения классовой структуры сельского хозяйства. В течение предстоящего пятилетия мы будем иметь быстрый рост коллективизации. По проектировке Госплана к концу пятилетия в колхозах будет об'единено до 20 миллионов с.-х. населения. Мы видели, что в 1926—27 г. бедноты насчитывалось 21 с лишком миллион. Если принять, что в колхозах бедняцкое население будет составлять половину всего населения, то колхозы поглотят до 10 миллионов человек бедноты.

Далее, если принять весьма условно, что весь естественный прирост бедняцкого населения (а также прирост вследствие пополнения из середняков) будет поглощен нашей промышленностью (Госпланом запроектировано к концу года уменьшение всего сельскохозяйственного населения), а также совхозами, то бедняцкое население будет исчисляться десятью миллионами. Однако, и из этого количества определенная часть сможет подняться и в определенной степени, так сказать, выйти из «бедняцкого состояния».

Таким образом, можно предполагать, что усиленное колхозное строительство, рост нашей промышленности, рост совхозов, а также поддержка мелкого и среднего индивидуального крестьянского хозяйства, приведет уже в ближайшее пятилетие к довольно значительному рассасыванию бедноты, этого глубочайшего пережитка прошлого, доставшегося пролетарскому государству в «наследство». Середняк же в ближайшей перспективе сохранит свое преобладающее положение, сохранит в подавляющей своей части индивидуальное производство, а следовательно, сохранит еще и тенденции капиталистического развития. Классовое расслоение деревни и выделение капиталистических элементов еще будет продолжаться, ибо под'ем мелкобуржуазного хозяйства неизбежно сопровождается и развитием капиталистических элементов. При этом необходимо иметь в виду два обстоятельства, резко ограничивающих тенденции капиталистического развития: во-первых, политику, направленную на борьбу с капитализмом, политику вытеснения капитализма, и во-вторых, все усиливающийся процесс роста всевозможных простейших производственных об'единений, роста производственного кооперирования и коллективизации, который все более должен будет охватывать середняцкие слои. Если политика пролетарского государства непосредственным образом влияет на задержку капиталистического развития и стимулирует некапиталистический путь развития современной деревни, то возникающие в результате этой политики, в результате воздействия и поддержки социалистического города, формы товарищеского земледелия означают реальный процесс постепенной трансформации существующих в мелкотоварном хозяйстве производственных отношений в производственные отношения коллективистического способа производства. В результате должно неизбежно происходить постепенное затухание капиталистических тенденций, существующих в крестьянском хозяйстве.

Предпринимательские слои в наших условиях подвержены неустойчивости и довольно значительному распаду. Если исходить из того, что пополнение капиталистических слоев из среды среднего крестьянства будет происходить беспрерывно замедляющимся темпом, при чем это пополнение будет лишь компенсировать распад кулацких хозяйств, то можно ожидать стабилизации сельскохозяйственного капитализма в ближайшее пятилетие. В ме-

сте с этим экономическая роль сельскохозяйственного капитализма будет резко падать, эта экономическая роль будет падать даже в случае относительного роста численности капиталистических предпринимателей, *ибо их удельный вес в средствах производства, в продукции, в товарной продукции будет резко падать вместе с быстрым ростом обобществленного сектора, с ростом совхозов и колхозов.*

Совершенно иное положение получилось бы *при проведении политики правых уклонистов*: с сокращением программы колхозно-совхозного строительства, с прекращением наступления на капиталистические элементы кулачество значительно выросло бы и абсолютно и относительно. Крестьянская буржуазия в таком случае превратилась бы в гегемона в нашей советской деревне, а кулачество получило бы возможность сделать реальную попытку разорвать союз пролетариата со средним крестьянством и повести наступление на социалистический город.

Остановимся в заключение на социальных отношениях, существующих в нашей деревне и выражающих капиталистические тенденции мелкой буржуазии.

* * *

Отношения по найму и сдаче средств производства в нашей деревне весьма распространены. Для того, чтобы проиллюстрировать распространенность, приведем следующие цифры: по РСФСР процент хозяйств, обрабатывающих пашню наемным скотом, равнялся в 1925 году 25,6%, в 1926 г.—24,6%, 1927 г.—23,6%. Процент хозяйств, обрабатывающих пашню наемным инвентарем, из года в год изменялся следующим образом: в 1925 г. было 24,5%, в 1926 году—23,5%, в 1927 году—24,4%.

Познакомимся с данными об этих отношениях по районам РСФСР (по данным весенних опросов). (См. верхнюю табл. на след. стр.).

Данные позволяют сделать следующие выводы: как общее правило, происходит падение % хозяйств с обработкой пашни чужим скотом и инвентарем при возрастании удельного веса хозяйств с самостоятельной обработкой пашни и удельного веса хозяйств с частичным наймом средств производства (либо скот, либо инвентарь). Вместе с этим наблюдается (Сев. Кавказ и Сибирь) увеличение супрягающихся хозяйств при падении % хозяйств с самостоятельной обработкой, и в двух районах (Западный и ДВК) мы имеем падение % хозяйств с самостоятельной обработкой при одновременном росте хозяйств с обработкой земли и чужими скотом и инвентарем.

Все это является следствием известного под'ема мелкобуржуазного крестьянства, переходящего в определенной степени к самостоятельной обработке земли, а также супряге—типичным отношениям для мелкой буржуазии. На ряду с этим, рассмотренные данные характеризуют и рост отношений по найму и сдаче инвентаря в некоторых районах. Все вместе взятое свидетельствует о противоречивости эволюции современной деревни.

Однако, рассмотренные данные весенних опросов не позволяют еще сделать *устойчивых выводов*, ибо эти переписи отношений по найму и сдаче инвентаря уменьшают крайне грубо, к тому же материалов для характеристики *найма сложных машин*, а также *сдачи средств производства* они вовсе не дают. В действительности наймом и сдачей средств производства охвачена подавляющая часть крестьянских хозяйств. Рядом исследований установлено, что к найму инвентаря прибегает до ¾ и выше всех крестьянских хозяйств. Различными исследованиями установлено также, что из года в год количество хозяйств, как нанимающих, так и сдающих средства производства, *беспрерывно росло*. Чтобы не быть голословными, приведем следующую табличку из работы тов. Каврайского и

% хозяйств, обрабатывающих пашню:

Районы		Наемным скотом и наемным же инвентарем	Наемным скотом и своим инвент. или своим скотом и наемным инвентарем	Супрягой	Своим скотом и своим инвентарем	Смешанным образом
Северо-Восточн.	1926 г.	20,6	2,9	0,6	72,3	3,6
	1927 „	20,3 (—)	3,3 (+)	0,2 (—)	72,3 (=)	3,9 (+)
Ленинградская область	1926 „	14,4	3,9	1,8	73,5	6,4
	1927 „	14,6 (—)	3,2 (—)	1,4 (—)	78,0 (+)	3,8 (—)
Западный	1926 „	8,9	1,3	0,9	82,8	6,1
	1927 „	10,1 (+)	1,6 (+)	3,8 (+)	81,5 (—)	3,0 (—)
Центрально-Промышл.	1926 „	27,2	2,1	1,1	65,8	3,8
	1927 „	26,9 (—)	2,8 (+)	1,5 (+)	65,8 (=)	3,0 (—)
Центрально-Чернозем.	1926 „	35,6	2,0	3,6	53,1	5,7
	1927 „	33,2 (—)	2,1 (+)	4,3 (+)	56,9 (+)	3,5 (—)
Вятский	1926 „	14,3	2,9	0,9	76,4	5,5
	1927 „	14,3 (=)	3,4 (+)	1,0 (+)	78,6 (+)	2,7 (—)
Урал.	1926 „	15,2	2,2	13,6	58,3	10,7
	1927 „	14,2 (—	2,6 (+)	12,4 (—)	63,1 (+)	7,7 (—)
Башкирия	1926 „	21,8	2,0	19,8	44,7	11,7
	1927 „	19,5 (—)	2,6 (+)	23,7 (+)	46,5 (+)	7,7 (—)
Ср.-Волжский	1926 „	31,8	1,9	6,8	53,2	6,3
	1927 „	28,0 (—)	3,5 (+)	9,2 (+)	53,7 (+)	5,6 (—)
Нижн.-Волжский	1926 „	28,4	2,0	27,5	33,0	9,1
	1927 „	27,0 (—)	2,7 (+)	26,7 (—)	36,7 (+)	6,9 (—)
Крым	1926 „	29,0	2,7	47,5	17,3	3,5
	1927 „	24,9 (—)	2,0 (—)	38,6 (—)	17,3 (=)	17,2 (+)
Сев. Кавказ	1926 „	29,6	—	42,1	23,4	4,9
	1927 „	26,4 (—)	2,0	47,4 (+)	15,4 (—)	8,8 (+)
Сибирь	1926 „	10,7	3,7	17,0	57,6	11,0
	1927 „	10,3 (—)	5,0 (+)	21,3 (+)	56,7 (—)	6,7 (—)
Д.-В. К.	1926 „	11,2	2,7	19,9	50,0	16,2
	1927 „	12,4 (+)	3,5 (+)	25,0 (+)	48,5	10,6 (—)

Нусинова «Классы и классовые отношения в современной советской деревне», исследовавших этот вопрос по данным динамической переписи в 1927 и 1928 годах:

% хозяйств по всему итогу.

	1927 г.	1928 г.
Всех нанимающих средства производства	74,8	78,0
Нанимающих сложные машины	62,1	67,1
„ простой инвентарь	25,1	32,6
„ рабочий „	2,4	3,5
„ рабскот с простым инвент.	11,5	13,1
Всех сдающих средства производства	32,6	46,6
Сдающих сложные машины	18,4	25,6
„ простой инвентарь	6,8	12,8
„ рабочий скот	3,3	4,9
„ рабскот с прост. инвентарем	5,9	12,9

Мы видим возрастание количества хозяйств, прибегающих к найму и сдаче средств производства. Это с несомненностью свидетельствует о росте классового расслоения деревни, росте антагонистических отношений, о росте, следовательно, классовых противоречий в нашей деревне. Эти данные относятся к 1927—28 году, т.-е. году усиленного наступления на капиталистические элементы, что еще более подчеркивает текучесть капитализма в нашем сельском хозяйстве, *подчеркивает живучесть капиталистических тенденций в развитии крестьянского хозяйства.*

Лишний раз необходимо отметить, что изживание этих тенденций может быть реально достигаемо лишь процессом коллективизации деревни.

Под'ем мелкобуржуазного хозяйства, коль скоро он происходит в основном в форме индивидуального хозяйства, неизбежно сопровождается выделением капиталистических элементов и ростом классовых противоречий в деревне.

Рассматривая распространенность найма и сдачи инвентаря по различным группам крестьянских хозяйств, мы прежде всего должны констатировать, что в большей степени наем инвентаря свойственен нашим группам крестьянских хозяйств, и, наоборот, сдача инвентаря растет вместе с ростом экономической мощности крестьянских хозяйств. Подобные материалы получены рядом исследований советской деревни. Это свидетельствует о том, что высшие группы крестьянских хозяйств, располагающие определенным количеством машин, орудий и рабочего скота, не используя этих средств производства в своем собственном хозяйстве, прибегают к эксплоатации их в чужих хозяйствах и прежде всего в хозяйствах бедноты. Беднота, не обладающая достаточным количеством средств производства, для того, чтобы поддержать свое хозяйство, вынуждена прибегать к найму средств производства у обеспеченных групп. Таким образом, этот тип производственных отношений в сельском хозяйстве выражает в данное время основное противоречие, свойственное современной деревне и заключающееся в том, что основные факторы сельскохозяйственного производства—средства производства — концентрируются еще в значительном числе в руках относительно небольших слоев деревенской буржуазии при необеспеченности бедноты.

Что наем рабочего скота и инвентаря свойственен в наибольшей мере именно низшим группам, можно проиллюстрировать следующими данными:

Количество хозяйств, обрабатывающих пашню чужим скотом и чужим инвентарем в %% к итогу.

	% х-в для всех районов	Северо-Восточный район	Ленинградская область	Западный	Центр.-Промышленный	Вятский	Уральская область	Башкирская АССР	Центрально-Черноз.	Средне-Волжский	Нижне-Волжский	Крым
Низшие группы	30	57,6	74,7	66,7	52,7	61,1	72,0	66,4	57,8	55,9	63,4	45,2
Высшие группы	5	0,2	0,2	0,3	6,0	0,2	0,0	0,1	0,2	0,2	0,1	0,0

Таким образом, на *почти одну треть* низших посевных групп, среди которой наибольшее число безлошадных и безынвентарных, *всюду приходится значительно более половины всего* числа хозяйств, обрабатывающих землю чужим скотом и чужим инвентарем, при чем во многих местах эта цифра доходит до двух третей и больше.

Это показывает, что нанимают скот и инвентарь преимущественно низшие, бедняцкие группы, и в этом заключается «гвоздь» вопроса в отношениях по найму и сдаче скота и инвентаря. Если взять % хозяйств среди этих низших групп, которые обрабатывают землю и чужим скотом и чужим инвентарем, то оказывается, что подобные хозяйства составляют до ⅔ всей бедноты, а местами и значительно выше.

% хозяйств, обрабатывавших весной 1927 г. пашню при помощи наемного скота и наемного инвентаря.

	Среди 30% низших групп	Среди 5% высших групп
Северный Кавказ	59,2	1,7
Крым	47,4	0,3
Нижне-Волжский	63,1	0,5
Средне-Волжский	58,8	1,0
Ц. Ч. О.	70,4	1,7
Башкирия	48,7	0,5

Мы видим, что у высших групп только 1 хозяйство из 100 по тем или иным причинам пользовалось чужими средствами производства для обработки своей пашни, в то время как у низших групп подобное количество хозяйств во многих случаях превышает половину всего их числа.

Среди некоторых исследователей существует воззрение, что отношения по найму и сдаче инвентаря не являются показателем капиталистических производственных отношений. Одним из ходячих аргументов при этом является ссылка на то, что наем и сдача инвентаря распространены и в средних группах, а не только среди полярно-противоположных групп бедноты и кулака. Мы в действительности наблюдаем подобное явление. Действительно, распространены случаи, когда к найму сложного инвентаря, например, прибегает подавляющее большинство крестьянских хозяйств данного села, либо округа. Это значит, что огромная часть середняков, а частично и кулацкие группы, пользуется в своем хозяйстве чужими средствами производства; с другой стороны, имеется определенная группа и середняцких хозяйств, которая сдает свои средства производства в чужие хозяйства. Однако, из этих фактов было бы нелепо делать выводы о том, что указанные социальные отношения не носят капиталистического характера. Прежде всего нужно подчеркнуть, что подобный же вывод можно было бы сделать и в отношении к найму и отпуску рабочей силы. Если просмотреть соответствующие статистические данные, то окажется, что из общего количества с.-х. рабочих на долю середняцких хозяйств падает не менее половины, а по утверждению некоторых товарищей — и значительно больше. Помимо этого, среди середняцких же хозяйств имеется некоторый процент хозяйств, которые отпускают рабочу юсилу на сторону. Эти факты отнюдь не опровергают капиталистической природы отношений по найму и продаже рабочей силы в частных хозяйствах. Равным образом, наличие отношений по найму и сдаче инвентаря в средних группах не опровергает капиталистической природы этих отношений, как их основной сущности. Эти отношения являются капиталистическими именно потому, что в основе их лежит то же противоречие, которое свойственно отношениям по найму и продаже рабочей силы. Это противоречие заключается в том, что значительная масса бедняцких крестьянских хозяйств либо лишена основных средств производства и вынуждена продавать свою рабочую силу, либо пользуется чужими средствами производства в порядке их найма. Другая часть — крестьянская буржуазия — концентрирует в своих руках значительную массу этих средств производства и использует их либо в порядке привлечения путем найма рабочей силы в свои хозяйства, либо использует эти средства в порядке сдачи их в чужие

хозяйства. Ко всему этому необходимо прибавить, что в советских условиях капитализм не может беспрепятственно развиваться по пути «чистых» капиталистических форм, ибо организация собственного капиталистического хозяйства затруднена: крестьянская буржуазия ограничена в возможностях расширения землепользования, ограничена в возможностях организации крупных собственных предприятий. Располагая же определенными средствами производства, крестьянская буржуазия устремляется по пути *примитивных форм капиталистических отношений* — по пути извлечения прибавочной стоимости путем эксплоатации при сдаче средств производства в аренду. Отрицание капиталистического характера найма и сдачи инвентаря, как основной сущности этих отношений, является непосредственным замазыванием имеющихся в деревне классовых противоречий, классового расслоения крестьянства и уменьшением бдительности пролетариата к росту классовых врагов в деревне. «*Теория*», *ведущая к замазыванию капиталистической природы отношений по найму и сдаче инвентаря, есть несомненное проявление правого уклона, пытающегося затушевать классовые противоречия и классовую борьбу в деревне.*

До 1927 — 28 года *наблюдался рост арендных отношений*, при чем в ряде районов этот рост был довольно значительным. В 1928 г. произошел перелом, и мы имеем падение аренды. По данным весенней кон'юнктурной анкеты, посевная площадь на арендованной земле в РСФСР в 1928 г. составляла 86,3% от площади 1927 г. Почти повсеместное сокращение посева на арендованной земле в 1928 г. явилось в основном результатом освоения земли беднотой, сократившей сдачу земли в аренду. По Европейской части СССР в 1926 г. количество земли, находящейся в аренде, приближалось к 10 миллионам га (в *четыре раза меньше* довоенного), в 1928 году это количество арендованной земли, по всей вероятности, сократилось процентов на 10. Характер арендных отношений по разным районам различен, но повсеместно преобладающую роль играет *денежная* аренда. Для того, чтобы иллюстрировать это, приведем нижеследующие цифры:

% арендующих за деньги к итогу арендующих (1927 г.)

Северо-Восточный	63,5	Нижне-Волжский	76,2
Ленинградский	72,7	Крым	67,2
Западный	76,8	Сев. Кавказ	62,1
ЦПО	55,6	Дагестан	30,2
ЦЧО	55,9	Сибирь	68,9
Вятский	46,0	Бур.-Монгол.	53,3
Урал	70,5	Д.-Восток	55,2
Башкирия	51,9	РСФСР	65,5
Ср.-Волжский	81,8		

Во многих местах распространена натуральная и издольная аренда, особенно в окраинных районах с незаконченной аграрной революцией, где сохранились еще пережитки крепостнических земельных отношений (Казакстан, Дагестан и др. республики).

В наших условиях основным типом сдатчика земли является беднота, сдающая землю зажиточным слоям и кулачеству, которые этим путем мобилизуют землю в своих руках. Яркой иллюстрацией к сказанному могут служить следующие, например, данные [1]):

[1]) Взяты районы с экстенсивным земледелием, где группировка по посеву примерно характеризует и размеры хозяйства.

% арендованной и сданной пашни ко всей арендованной (1927 г.).

	У 30% низших		У 5% высших	
	Арендовано	Сдано	Арендовано	Сдано
Ц. Ч. О.	2,3	69,8	41,5	1,3
Средне-Волжский	2,9	50,0	54,4	3,3
Нижне-Волжский	2,4	52,5	53,5	2,7
Крым	7,4	—	53,8	—
Сев. Кавказ	9,1	37,4	45,7	1,8
Сибирь	9,7	36,0	45,5	2,6
Башкирия	3,2	49,5	44,6	1,8
Урал	2,9	36,6	43,6	3,1

Только 5% высших групп арендуют до половины и больше всей арендованной земли и обратно 30% низших групп сдают до половины всей сданной земли. Данные достаточно показательны и не нуждаются в комментариях.

Нужно добавить, что аренда-сдача земли распространена и в средних группах, но основной причиной этих отношений является подчеркнутое выше главное противоречие в деревне: неравномерность в распределении средств производства между разными слоями деревни, сосредоточение значительного количества их в руках крестьянской буржуазии и необеспеченность или слабая обеспеченность средствами производства низших групп деревни.

Выше мы уже характеризовали количество с.-х. пролетариата, живущего на доходы от продажи своей рабочей силы. *Общая же распространенность хозяйств с наймом рабочей силы* видна из *следующих данных* (1927 г.):

	Процент хозяйств с наймом сроковых рабочих (весенний опрос)		Процент хозяйств с наймом всех видов сроков., поден., сдельн., отработки (данные динамической переписи)
	х-в имеющих наемн. рабоч.	в том числе с.-х. рабочих	
Сев.-Восточный	5,28	3,68	19,3
Ленинградский	3,53	2,02	14,1
Западный	2,67	2,01	12,3
ЦПО	4,59	2,77	15,1
ЦЧО	0,81	0,67	6,3
Вятский	2,07	1,44	23,5
Уральская обл.	3,28	2,61	32,0
Башкирская АССР	2,19	1,42	20,6
Средне-Волжский	1,08	0,91	15,8
Нижне-Волжский	2 34	1,80	—
Крымская АССР	7,54	7,08	—
Сев. Кавказ	3,81	2,59	29,9
Дагестан	4,72	4,13	12,3
Сибирский край	4,31	3,48	33,7
Бур.-Монголия	3,97	3,07	—
Д. В. К.	3,99	3,41	20,6
РСФСР	3,04	2,15	—

В 1928 году, судя по некоторым данным, произошло уменьшение числа хозяйств с наймом рабочей силы.

По материалам динамической переписи в Сибири динамика наемного труда от 1927 к 1928 году была следующей [1]):

Процент хозяйств с наймом		Проц. хозяйств с отпуском вообще		Человеко-дней Нанято		Человеко-дней Отпущено	
1927 г.	1928 г.	1927 г.	1928 г.	1927 г.	1928 г.	1927 г.	1928 г.
34,4	32,9	37,8	38,5	58	50	114	88

[1]) См., напр., Каврайский и Нусинов «Классы и классовые отношения», стр. 86.

Усиление наступления на капиталистические элементы, проводимое после XV партс'езда, вызвало уменьшение найма рабочей силы и, как мы видели, аренды-сдачи земли.

Однако, было бы преждевременно делать вывод о том, что капиталистические отношения тем самым вообще сократились. Мы констатировали по материалам той же динамической переписи 1928 г. в Сибири, что отношения по найму и сдаче инвентаря выросли, а в результате кулацкие элементы в той или иной степени также выросли. Это видно из следующей динамики капиталистической группы, исследованной в вышецитированной нами книге Каврайского и Нусинова [1]).

Число кулаков.

В 1927 г.	В 1928 г.	Сальдо
605	654	+49 или +8 %

Таким образом, очевидно, что в 1928 г. наблюдался рост капиталистических элементов. Классовое расслоение продолжалось, но в несколько изменившихся формах: при сокращении наиболее ярких капиталистических отношений (наем рабочей силы), выросли более примитивные, более замаскированные капиталистические отношения в виде сдачи инвентаря и скота. Все это лишний раз свидетельствует о живучести капитализма в современной деревне об устойчивости капиталистических тенденций мелкой буржуазии.

Лишь при последовательном и неуклонном строительстве социалистических форм, радикально вытесняющих капиталистические производственные отношения, мы будем итти по пути выкорчевывания сельскохозяйственного капитализма; лишь быстро развивая социалистическую индустрию, являющуюся материальной базой диктатуры пролетариата и предпосылкой социалистической перестройки нашего земледелия, мы сможем твердо стоять на пути превращения нашей страны из нэповской в социалистическую. Именно при этих условиях открываются широкие перспективы для развития нового, коллективистического способа производства, ведущего к уничтожению в конечном счете всякой эксплоатации человека человеком.

---

[1]) См. стр. 37.

А. Гайстер и А. Левин.

О составе деревенских партийных организаций.

Вопрос о составе нашей партии является основным и решающим как в отношении четкости политической линии, так и крепости партийной организации. Мелкобуржуазное окружение, в котором приходится нашей партии возглавлять пролетарскую борьбу за социализм, находит не мало каналов, через которые просачиваются непролетарские настроения в партию. Партия ограждается от них огромным размахом социалистического строительства, активной пропагандистской работой среди своих членов. На ряду с этим партия принимает решительные меры к улучшению своего социального состава (повышение удельного веса пролетарских групп), тем самым сводя к минимуму возможность непролетарских влияний на отдельные слои партии.

На возможность без этих решительных мер перерождения партии указывал тов. Ленин в своем письме к тов. Молотову.

«Все умные белогвардейцы,—писал тов. Ленин,—вполне определенно учитывают то обстоятельство, что, якобы, пролетарский характер нашей партии на самом деле нисколько не гарантирует ее от возможного перевеса и притом в самый короткий срок, элементов мелкохозяйских» [1]). Отсюда пристальное внимание партии к своему составу, отсюда все усиливающееся регулирование социального состава партии.

Тем более пристальным должно быть наше внимание к партийной организации в деревне. Эта часть партии не только постоянно находится под давлением мелкобуржуазной среды, среды, пока еще непрерывно выделяющей элементы капитализма, но и сами члены партии в деревне в большей своей части сами участвуют в общественном производстве в качестве мелких производителей—собственников средств производства. Поэтому партийная организация в деревне в отдельных своих частях легче подвержена перерождению. Если общим условием возможности утери в некоторых звеньях партии ясности партийной линии и даже перерождения является для большинства партии буржуазное и мелкобуржуазное окружение внутри и вне нашей страны, то для деревенской части партии имеются новые усложняющие условия, коренящиеся в способе производства большей части деревенских коммунистов.

Условия развития мелкобуржуазного хозяйства сказываются и на хозяйстве деревенского коммуниста. Оставаясь мелким собственником на средства производства, деревенский коммунист при росте его индивидуального хозяйства вступает в социально-противоречивые отношения с другими хозяйствами, и в ряде случаев его хозяйство *перерастает в зажиточное или даже предпринимательское хозяйство*. Такое *перерастание* хозяйства вызывает стремление «жить в мире с кулаком», приводит к недооценке значения пролетарской опоры в деревне—бедноты, к не-

---

[1]) Записки Института Ленина, т. I, стр. 61.

пониманию значения батрачества в борьбе за социализм в деревне, а иногда и к явной или скрытой поддержке кулака. Естественен поэтому интерес партии к хозяйственному и социальному положению деревенской части партии.

В гнездовом динамическом обследовании, произведенном ЦСУ в 1927 г., при опросе была зарегистрирована партийность членов крестьянских хозяйств.

По заданию ЦК ВКП(б), данные о хозяйстве коммунистов были разработаны ЦСУ СССР. Ниже приводятся предварительные итоги этой разработки [1]). Процент хозяйств коммунистов, разработанных нами, не настолько велик, чтобы мы могли полученные результаты распространять на всю деревенскую партийную организацию. Они могут служить только показателями положения и тенденций, обнаруживаемых в ряде деревенских партийных ячеек. От этого они, разумеется, не теряют своего интереса.

I. Мощность хозяйств деревенских коммунистов.

Мощность крестьянского хозяйства определяется размерами его средств производства. Последний (размер) правильней всего определяется через стоимостную оценку основных средств производства.

В каких группах по мощности располагаются хозяйства деревенских коммунистов?

Распределение хозяйств деревенских коммунистов и всех крестьян в группах по мощности.

Группы по стоимости средств производства	Р. С. Ф. С. Р.		У. С. С. С.		Б. С. С. Р.	
	% хоз. дерев. коммун.	% всех крест. хоз-в	% хоз. дерев. коммун.	% всех крест. хоз-в	% хоз. дерев. коммун.	% всех крест. хоз в
До 200 рубл.	24,2	25,3	27,3	23,9	11,1	17,6
201— 800 рубл.	50,8	58,8	51,9	54,0	63,2	70,2
801—1600 „	20,3	13,0	16,3	18,2	25,0	10,6
Свыше 1600 руб.	4,7	2,9	4,5	3,9	0,7	1,6

На ряду с низшими и средними слоями, составляющими основную массу членов партии, в партии значительно представлены слои выше средних и крупных хозяйств. Удельный вес высших по мощности хозяйства слоев крестьянства в партии [2]) даже больше, чем среди всех крестьянских хозяйств.

Чем об'ясняется такое положение? Имел ли здесь место быстрый рост хозяйств членов партии, имевших прежде бедняцкое, маломощно-середняцкое хозяйство, или вместе с тем недостаточное внимание при приеме в партию к принадлежности вступающих к верхним группам деревни.

[1]) Среди переписанных по РСФСР—616.400, по УССР—154.300 хозяйств—оказалось хозяйств с членами и кандидатами ВКП(б) по РСФСР 3.516, по УССР—615. Зарегистрировано около 3% всех крестьянских хозяйств. Процент зарегистрированных деревенских коммунистов еще ниже.

Нами разработаны хозяйства членов и кандидатов деревенских и отчасти хозяйства членов и кандидатов городских и прочих ячеек, т. к. во время переписи не было зарегистрировано, в какой ячейке состоит коммунист, глава или член семьи данного хозяйства.

Не отражены нашими данными коммунисты совхозов, коммун и часть служащих, не имеющих в деревне собственного или принадлежащего их семье хозяйства. По данным партийной переписи 1927 г., в коллективных хозяйствах состояло 2,6% членов и кандидатов деревенских ячеек; с.-х. рабочие составляли 5,0% их числа, связанными с с. х. были 48,5%, служащих 39,8% из них 44% связанных землей.

[2]) По своим социальным отношениям, как это будет видно ниже, большинство хозяйств коммунистов в 2-х группах — особенно в группе со стоимостью средств производства от 800 до 1.600 р. на хозяйство — являются середняцкими хозяйствами.

Более быстрый рост хозяйств коммунистов, по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами несомненен. Мы располагаем данными о хозяйствах коммунистов только за один год и поэтому не можем подкрепить это утверждение цифровыми материалами. Предпосылками для такого утверждения являются: больший по сравнению с остальными хозяйствами процент хозяйств коммунистов, получающих кредит у кооперации, больший средний размер получаемого ими кредита, более культурное ведение хозяйства, большие побочные заработки, позволяющие им вкладывать некоторую долю их в хозяйство [1]). Но несомненен также и недостаточно тщательный отбор вступающих в партию.

Рассмотрим раздельно хозяйства, где коммунисты являются главами семьи и где они являются лишь членами семьи. При этом получается более отчетливая картина состояния деревенской организации партии.

Распределение хозяйств коммунистов по группам.

Группы по стоимости средств производства	Р. С. Ф. С. Р.		У. С. С. Р.		Б. С. С. Р.	
	Главы	Члены	Главы	Члены	Главы	Члены
0— 200	33,9	10,5	36,4	12,2	22,7	6,0
201— 800	49,9	52,2	52,0	51,3	70,5	60,0
801—1600	13,9	29,2	9,5	27,8	6,8	33,0
Свыше 1600	2,3	7,4	2,2	8,7	—	1,0

Отчетливей становится состав членов деревенской организации. Среди коммунистов, являющихся главами хозяйства, в значительно большей степени представлены деревенские низы. Почти одинакова среди коммунистов, глав и членов семьи, группа средних слоев деревни. Высшие группы в большем числе представлены среди коммунистов, членов хозяйств. Хозяйства, в которых коммунисты являются членами его, имеют во всех группах значительно большие семьи [2]), чем число работников [3]). Но помимо этого большая мощность хозяйств коммунистов, членов семей, об'ясняется тем, что партийные организации были менее внимательны к связям с верхними слоями деревни вступавших в партию членов хозяйств, чем глав хозяйств.

Последнее особенно отчетливо выступает в некоторых, оказавшихся неблагополучными по составу партии и партийному руководству, районах. Так, например, по Западному району (Смоленская и Брянская губ.) хозяйств со средствами производства до 200 руб. было среди коммунистов—глав хозяйств—32,4%, среди коммунистов—членов хозяйств—лишь 3,4%. Со средствами производства от 201 до 800 было среди коммунистов—глав хозяйств—58,8%, среди коммунистов—членов хозяйств—44,0%. Как видим, среди деревенских коммунистов Западного района—не глав, а членов хозяйств, низшие и средние группы деревни не занимают решающего значения.

Зато много резче представлены в этом районе среди деревенских коммунистов верхние слои крестьянства. Среди коммунистов-глав было со стоимостью средств производства 801—1.600—10,8%, среди коммунистов—членов хозяйств—со стоимостью средств производства 801—1.600 р.—целых 42,4% и свыше 1.600 р.—10,2%. Это в то время, когда среди всей массы западной деревни хозяйств со стоимостью средств производства в 801—1.600 р. было 10,4%, а свыше 1.600 р.—только 1,3%. Приведенные сопоставления являются

[1]) Специальной работой средневолжского статбюро, опубликованной в журнале «На Аграрном Фронте» (№ 2 за 1929 г.), установлен быстрый рост хозяйств деревенских коммунистов.

[2]) Средний размер семьи по РСФСР у всех крестьянских хозяйств 5,2 ч., у хозяйств коммунистов-глав 4,9, у хозяйств коммунистов, членов семьи—7,5 ч.

[3]) Больший размер семьи и числа работников в этих хозяйствах об'ясняется самым группировочным признаком. Наличие в семье коммуниста, члена хозяйства, означает в подавляющем большинстве случаев наличие еще одного работника.

лучшей иллюстрацией к вопросу о социальных корнях «смоленского гнойника». Во время предстоящей чистки партии должна быть тщательно проверена связь с хозяйством коммунистов, членов их, характер хозяйства, с которым связан коммунист.

II. Занятия деревенских коммунистов.

Хозяйства деревенских коммунистов распадаются на ряд групп, определяемых по первому источнику денежных доходов хозяйства.

Какова доля остальных из числа этих групп в деревенской части партии [1])?

	Р. С. Ф. С. Р.		У. С. С. Р.	
	Среди коммунистов	Среди всех крест. хоз.	Среди коммунистов	Среди всех крест. хоз.
Сельскохоз. рабочие	1,09	4,74	1,0	5,6
Рабочие и низшие служ. вне сельского хоз-ва	16,97	9,77	15,5	7,4
Служащие	37,58	3,20	39,5	2,8
Сельскохозяйств. товаропроизводит.	33,89	60,57	38,7	72,7

Прежде всего бросается в глаза ничтожный процент членов партии—сельскохоз. рабочих. Следует напомнить о возможности некоторого недоучета батраков. Но даже приняв эту поправку, следует отчетливо подчеркнуть всю недостаточность батрацкой прослойки в деревенской части партии. Эта часть партии занимает в ней много меньше места, чем даже среди всей массы крестьянских хозяйств. Значение и вес батрацкой части партии должны быть во что бы то ни стало значительно повышены.

По данным Статотдела ЦК за время с 1/VII—27 г. по 1/VII—28 г. число батраков в партии выросло с 14.399 до 24.119—на 67,5%. Но и это не на много повысило вес батраков в партии. Необходимы значительные усилия для увеличения как абсолютного числа батраков в партии, так и значительного поднятия их удельного веса.

Ноябрьский пленум ЦК поставил перед партией задачу «добиться решительного и скорейшего сдвига в деле приема в партию с.-х. рабочих и батраков». Задача вовлечения батраков в партию ставит на очередь вопрос о создании батрацкого актива в советах, профессиональных организациях и кооперации. Задача увеличения батрацкого ядра в партии является вместе с тем задачей увеличения батрацкого ядра в деревенском активе. Из среды этого актива может и должна вливаться в партию наиболее сознательная часть батрачества. Поэтому внимание к вовлечению батрачества в партию должно вместе с тем означать повышение организованности и активности батрачества в советах, профессиональных организациях и кооперации. Батрачество, работающее в индивидуальных крестьянских хозяйствах, страшно распылено, это значительно усложняет работу. От профсоюза и партии это требует значительного усиления этого участка работы средствами и работниками, и соответствующего приспособления самих методов работы.

Значительно легче развернуть партийную работу среди батрачества в совхозах. Поэтому решение ЦК ВКП(б) об усилении ячеек и их работы в совхозах необходимо предполагает особое внимание к вовлечению наиболее активной и передовой части батрачества совхозов в партию.

[1]) В таблице не приведены менее значительные группы, по которым разнесены хозяйства. Поэтому сумма их не дает 100%. Т. к. здесь дана социальная характеристика хозяйства, а не социального положения отдельного коммуниста, то она естественно не совпадает с другими данными о социальном составе деревенской части партии. В тех случаях, когда коммунист тесно связан со своим хозяйством или хозяйством родных, правильнее его социальное положение определять в зависимости от социального характера его хозяйства.

Большое место, гораздо большее, чем среди всех крестьянских хозяйств, занимает среди деревенских коммунистов прослойка рабочих и низших служащих вне с. х. Здесь сказывается связь с деревней индустриальных рабочих города. С другой стороны, большинство этой группы составляют рабочие индустрии и транспорта, расположенных в сельских местностях. Среди этой части партии имеются как хозяйства с малыми размерами своих средств производства, так и с более крупными размерами своего сельского хозяйства.

Так, по РСФСР из всего числа коммунистов, рабочих и низших служащих вне сельского хозяйства, на группы хозяйств со стоимостью средств производства до 200 р. приходится 35,2%, на группы хозяйств свыше 800 р.—15,5%, по УССР—на низшие группы (до 200 р.) приходится—44,6%; доля хозяйств со средствами производства свыше 800 р.—11,7%. Очевидно, что и среди хозяйств рабочих и низших служащих имеется значительная доля хозяйств средних и высших по своей мощности. И среди них значительную долю имеют хозяйства выше средних размеров. Здесь необходимо вспомнить слова т. Ленина о том, что «сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих» [1]).

Эта весьма важная постановка т. Ленина, очевидно, была кое-где в партийных организациях не замечена. В результате при приеме в партию отмечалась связь вступающего рабочего с деревней, но не выяснялось, с каким хозяйством он связан. Отсюда и в пролетарскую часть партии просачивались влияние и настроения верхушки деревни. Очевидно, что партийные комитеты должны учесть это обстоятельство при приеме в партию в дальнейшем и заняться этим вопросом при проверке и чистке рядов партии.

С другой стороны, необходимо перед деревенскими организациями выдвинуть задачу большего внимания к рабочим отдельных промышленных предприятий, имеющихся в деревне. Следовало бы также обсудить вопрос о том, как добиться того, чтобы ячейки на предприятиях, расположенных в деревне, были больше связаны с деревенскими ячейками. Это могло бы усилить пролетарское влияние в деревенской ячейке и усилить ее работу.

Служащие, т.-е. имеющие от службы первый денежный источник дохода, занимают первое место в составе деревенских коммунистов. Из всей деревенской части партии на долю хозяйств со служащими приходится по РСФСР—37,6%, по УССР—39,5%. Среди хозяйств с коммунистами—главами хозяйства—процент служащих еще выше: по РСФСР—43,5%, по УССР—47,1%. Меньше служащих среди хозяйств с коммунистами, членами хозяйств: по РСФСР—29,2%, по УССР—26,7%.

Среди служащих мелкие хозяйства со стоимостью средств производства до 200 р. составляют по РСФСР 28,8%, по УССР—33,0%. Хозяйства выше среднего (801—1.600) составляют по РСФСР 11,7%, по УССР—17,0% и хозяйства крупные, свыше 1.600 р., по РСФСР—2,89% и по УССР—2,93%.

Среди служащих, как это видно из приведенных цифр, имеется довольно большое количество связанных с высшими группами деревни. Проверка кадров кооперативных работников, проверка кое-где советского аппарата на местах полностью это подтверждает.

Засоренность кадров служащих нашей деревни требует более решительного выдвижения батрацких, бедняцких и середняцких слоев в наш государственный и кооперативный аппарат.

Вместе с тем необходимо отметить, что основные кадры служащих—членов партии—являются главами или членами мелких и мельчайших хозяйств. Очевидно, партии удалось выдвинуть довольно значительные группы

[1]) Записки Института Ленина, т. I, стр. 61.

бедняцких и середняцких хозяйств для управления советами, кооперацией. Активность значительной части бедняцко-середняцких слоев партии перевела их в ряды служащих.

Что представляют собою доподлинно крестьянские слои партии, имеющие первый денежный источник дохода от своего сельского хозяйства?

Распределение с.-х. товаропроизводителей по группам в %%.

Группы по стоимости средств производства	Р. С. Ф. С. Р. Коммунисты	Р. С. Ф. С. Р. Все крест. хоз-ва	У. С. С. Р. Коммунисты	У. С. С. Р. Все крест. хоз-ва
0— 200 руб.	12,7	28,3	14,9	17,0
201— 800 „	52,2	62,9	53,9	56,6
801—1600 „	26,7	15,4	23,9	21,7
Свыше 1600 руб.	8,4	3,4	7,3	4,7

Среди сельских хозяев-коммунистов мы имеем явно неблагоприятное для партии соотношение отдельных групп: меньшую, в сравнении с составом всех хозяйств деревни, долю низших групп, большую долю высших групп. Мы слишком мало вовлекали в партию бедняцкие слои деревни, и привлечение в партию наиболее активной части бедноты продолжает стоять в качестве недостаточно разрешенной задачи.

Увеличение удельного веса бедноты в деревенских организациях партии может быть достигнуто при усилении и улучшении всего нашего хозяйственного и культурного обслуживания бедноты, при усилении ее коллективизации, кооперирования, кредитования [1]), усилении ее организованности и активности. Нужно уделить большое внимание созданию бедняцкого актива, из коего можно было бы черпать кадры для партии. Наши приводные ремни в деревне должны больше впитать активную часть бедноты, чтобы переварив ее в котле советской общественности, подготовить сознательные кадры партии. Второе необходимое следствие из приведенной таблицы—необходимость освободить партию от засорившей ее части крупных хозяев.

Следует еще раз подчеркнуть, что засоренность деревенской части партии имеет место в первую очередь за счет членов крупных хозяйств и в меньшей мере за счет коммунистов—глав хозяйства. Так, по РСФСР среди хозяйств с.-х. товаропроизводителей с коммунистами-главами было хозяйств со стоимостью средств производства от 801 до 1.600 р.—19,8%; среди коммунистов—членов хозяйств—целых 33,4%. Со стоимостью средств свыше 1.600 р. в хозяйствах с коммунистами во главе—4,3%, с коммунистами—членами хозяйств—12,3%. То же имеет место и на Украине.

Надо принять во внимание, что члены крестьянского хозяйства очень часто сохраняют с ним свои связи и продолжают жить его интересами.

Ноябрьский пленум ЦК констатировал, что «в составе деревенских организаций... в некоторых случаях значительна доля зажиточных крестьян, иногда и элементов, сблизившихся с кулачеством, разложившихся, совершенно чуждых рабочему классу. Это делает совершенно неотложной задачу решительного улучшения, коренной чистки и значительного обновления этих организаций».

III. Аренда, наем рабочей силы, агрикультурный уровень, кооперированность хозяйств коммунистов в деревне.

Являясь в значительной части хозяйствами мелких товаропроизводителей, хозяйства деревенских коммунистов, воспроизводят противоречия и отношения, характерные для разных групп деревни.

[1]) Ниже мы приводим данные о значительном отставании кооперирования бедноты и ее кредитования по сравнению с средними и высшими группами деревни.

Чтобы более отчетливо видеть характер этих противоречий, рассмотрим аренду и сдачу земли, сдачу и наем средств производства, наем и продажу рабочей силы в хозяйствах коммунистов.

Начнем с найма рабочих.

% хозяйства с наймом и число дней найма на 1 хозяйство.

Группы по средствам производства	Р. С. Ф. С. Р. Хозяйства коммунистов		Р. С. Ф. С. Р. Все крестьянские х-ства		У. С. С. Р. Хозяйства коммунистов		У. С. С. Р. Все крестьянские х-ства	
	% хозяйств с наймом	Число дней найма на 1 хозяйство	% хозяйств с наймом	Число дней найма на 1 хозяйство	% хозяйств с наймом	Число дней найма на 1 хозяйство	% хозяйств с наймом	Число дней найма на 1 хозяйство
0— 200 руб.	14,0	37	8,1	19	17,2	39	10,5	16
201— 400 „	22,4	39	15,0	22	33,8	49	16,5	26
401— 800 „	31,3	59	22,1	36	46,7	51	24,3	35
801—1600 „	34,1	82	33,1	60	59,8	67	33,5	48
Свыше 1600 руб.	46,8	98	50,0	116	53,8	171	45,9	85
Итого	26,6	62	18,6	43	39,8	60	21,8	40

Хозяйств, нанимающих рабочую силу среди деревенских коммунистов больше, чем среди всех крестьянских хозяйств. По РСФСР среди коммунистов нанимает 26,6%, по УССР—39,8% хозяйств, среди всех крестьян—18,6% и 21,8%. Средний размер найма хозяйствами коммунистов в полтора раза выше, чем у остальных крестьян.

Распределение наемных рабочих по группам среди коммунистов несколько иное, чем среди всех крестьян. В низших группах у коммунистов по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами этих же групп, выше доля хозяйств с наймом и выше средний размер найма. В высшей группе по РСФСР среди коммунистов несколько меньше хозяйств с наймом и меньше средний размер найма. Эта особенность группового распределения найма говорит о том, что у коммунистов наем только замещает рабочую силу, отвлекаемую из хозяйства другой работы. Особенно это становится очевидным при рассмотрении найма на фоне отпуска рабочих и служащих. Для этого сравним данные об отпуске рабочих и низших служащих [1]).

Распространенность продажи рабочей силы среди коммунистов почти совпадает с распространенностью продажи рабочей силы у всех крестьянских хозяйств. По РСФСР среди коммунистов 36,8% хозяйств с отпуском рабочих и низших служащих, среди всех крестьян 34,6%, по УССР—37,4% и 39,2%. Но продолжительность работы у рабочих, отпускаемых хозяйствами коммунистов почти вдвое выше. По РСФСР на одно хозяйство, отпускающее рабочих, приходится дней отпуска: среди коммунистов 212, среди всех крестьян—123. По УССР—175 и 97.

Бо́льшая продолжительность продажи рабочей силы в хозяйствах коммунистов говорит о том, что здесь имеет место главным образом постоянная работа.

К данным об отпуске рабочих и низших служащих надо прибавить данные об отпуске средних и низших служащих. Среди коммунистов

[1]) Высшие и средние служащие в нижеприводимые данные не вошли.

РСФСР 55% хозяйств отпускают служащих. Процент хозяйств с отпуском служащих почти неизменен во всех группах.

Таким образом, можно отметить, что мы имеем среди коммунистов большее число хозяйств с наймом и больший средний размер найма, чем у всех крестьянских хозяйств при значительно большем отпуске, главным образом служащих.

На ряду с наймом для замещения оторванной от хозяйства своей рабочей силы часть нанимающих хозяйств высших групп укрепляет и расширяет товарное хозяйство, использует наемных рабочих для ускорения индивидуального накопления [1]). Эта часть коммунистов явно чужда партии, и от них в первую очередь необходимо ее (партию) очистить.

У хозяйств коммунистов имеет место, как и среди всех крестьянских хозяйств, сдача средств производства.

По РСФСР в группе хозяйств коммунистов со стоимостью средств производства до 200 р. сдают 1,9% хозяйств, получая в среднем на 1 сдающее хозяйство 9 рублей. В группе со стоимостью средств производства свыше 1.600 р. сдают 34,6% хозяйств, получая 46 р. на одно сдающее хозяйство.

Наем средств производства у коммунистов по нашим данным развит больше, чем у всех крестьянских хозяйств.

Среди хозяйств с коммунистами арендует пашню почти такая же часть, как и среди всех крестьянских хозяйств. По РСФСР среди коммунистов арендуют пашню 15%, среди всех крестьянских хозяйств—16,3%, по УССР—21,0% и 21,5%.

Доля хозяйств, арендующих пашню, закономерно повышается и среди коммунистов от низших групп к высшим. Однако, среди коммунистов в высших по мощности группах ниже % арендующих хозяйств и значительно ниже размер аренды, чем у соответствующих групп деревни. В группе со стоимостью средств производства свыше 1.600 руб. по РСФСР среди коммунистов арендуют 30,1% хозяйств, на одно арендующее хозяйство приходится 4,2 гектара арендуемой пашни. Среди всех крестьянских хозяйств в этой группе арендуют 38,3%, средний размер арендуемой пашни—7,6 га.

Сдача пашни у коммунистов распространена значительно шире, чем у всех крестьян. По РСФСР сдают пашню—15,9% хозяйств деревенских коммунистов и 8,9%—всех крестьян, по УССР—29,3% и 16,3%—почти в два раза меньше. Более высока сдача пашни среди коммунистов в низших и средних группах. Большее отвлечение с.-х. рабочей силы в части хозяйств коммунистов, преимущественно глав хозяйств, ведет к уменьшению у них размеров своего сельского хозяйства.

Все материалы, которыми мы располагаем, указывают на то, что среди деревенских коммунистов существуют не только различия в размерах их хозяйств, но и социальные различия. Однако, в хозяйствах деревенских коммунистов высших групп по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами этих же групп меньше распространен наем рабочих, меньше число дней, проработанных наемными рабочими в нанимающем хозяйстве, реже и в меньших размерах арендуется земля. Социальная диференциация среди деревенских коммунистов меньше, чем среди всего крестьянства. Но она все же существует. Часть хозяйств коммунистов в высших группах прибегает к предпринимательскому найму рабочей силы, сдает средства производства в чужое хозяйство, эксплоатируя его при этом. При укреплении, расширении своего индивидуального хозяйства в высших по мощности группах начинается перерастание части их из середняцких в мелкокапиталистические хозяйства. Даже в тех случаях, когда растущее хозяйство деревенского коммуниста продолжает оставаться середняцким хозяйством,—коммунист часто так поглощается им (хозяйством), что отрывается от общественной жизни, от партии, начинает жить только интересами своего хозяйства. В «Брусках» Ф. Панферова в лице К. Ждаркина дан этот тип деревенского коммуниста.

[1]) Это нередко происходит и при одновременном уходе отдельного члена семьи на более или менее высоко оплачиваемую службу, или даже на работу в качестве квалифицированного рабочего.

Необходимо переключить энергию части деревенских коммунистов с индивидуального накопления, расширения своего хозяйства на создание, укрепление коллективного хозяйства. На этом пути деревенский коммунист должен выступать в качестве одного из организаторов и руководителей нового общественного строя, в качестве активного проводника линии партии на социалистическое переустройство деревни.

Заинтересованы ли деревенские коммунисты непосредственно в создании колхозов? Является ли для них создание колхозов наиболее благоприятным путем создания крупного хозяйства, повышающего производительность их труда и уровень жизни?

Рассмотрим обеспеченность хозяйств коммунистов средствами производства, чтобы установить, насколько условия хозяйствования большинства деревенских коммунистов сами толкают к коллективизации. Среди хозяйств, указавших главным источником существования свое сельское хозяйство (они составляют ¾ всех анализируемых хозяйств), 21,5% по РСФСР и 38,8% по Украине не имеют рабочего скота. По УССР 35,7% хозяйств коммунистов не имеют пахотного инвентаря. По РСФСР пахотного инвентаря нет у 26,2% хозяйств и 18,4% имеют лишь примитивные орудия пахоты. Свыше ⅖ деревенских коммунистов не могут вести самостоятельного хозяйства за отсутствием необходимого пахотного инвентаря. К ним относятся хозяйства без средств производства, не менее 9/10 хозяйств со стоимостью средств производства до 200 рублей, ½ хозяйств со стоимостью средств производства 201—400 руб.

В первой группе (1—200 руб.) по РСФСР 80% без рабочего скота, 90% этой группы не обеспечены инвентарем. По УССР в этой группе 90,9% хозяйств без рабочего скота, 89,4% без пахотного инвентаря. В следующей группе (201—400 рублей) по РСФСР 31% безлошадных, 40% безынвентарных и 22% с примитивными орудиями пахоты [1]); 62% хозяйств, не обеспеченных минимально необходимым инвентарем. Лишь 10% хозяйств этой группы имеют в индивидуальной или хотя бы в узко-групповой собственности машины. По УССР в этой группе 56% без рабочего скота и 59% без пахотного инвентаря. Хозяйств с с.-х. машинами—8%.

Более обеспеченными для ведения самостоятельного сельск. хозяйства являются хозяйства последних двух групп. В группе со стоимостью средств производства от 800 до 1.600 руб. на хозяйство имеют машины 44% хозяйств по РСФСР и 69% хозяйств по УССР. В последней группе, со стоимостью средств производства свыше 1.600 рублей, машины имеются у 60% хозяйств по РСФСР и 92% хозяйств УССР.

Около ¼ хозяйств деревенских коммунистов по РСФСР и около ⅓ по УССР имеют машины (4,6% всех хозяйств коммунистов по РСФСР и 8,4% по УССР имеют в единоличной или узко-групповой собственности более 3-х машин, т.-е. подходят уже к созданию необходимого комплекта машин). Среди хозяйств, имеющих свои машины, распространен наем чужих машин, что говорит о недостатке своих машин у многих владеющих ими для ведения хозяйства. Около ⅓ хозяйств деревенских коммунистов, имеющих машины, по РСФСР и около ½ по УССР также нанимают машины. Около ¼ хозяйств по РСФСР и около ⅓ по УССР употребляют только чужие машины, нанимаемые у крестьян. Употребляют их при современных условиях найма

[1]) Сохи, косули и т. п.

машин не во-время, нерационально, очень высоко оплачивая возможность пользоваться ими.

На той земельной площади, которую обрабатывает большинство крестьянских хозяйств и в том числе хозяйства коммунистов, невозможно достаточно рациональное использование машин. А без машин не может быть создано сколько-нибудь культурное хозяйство, особенно в районах, где главными товарными культурами являются зерновые хлеба.

Для всех хозяйств со стоимостью средств производства до 200 руб., для большинства хозяйств со стоимостью их 201—400 руб. и для значительной части хозяйств со стоимостью средств производства 401—800 р., т.-е. для большинства коммунистов—сельских хозяев—*коллективизация является насущнейшим условием наиболее быстрого под'ема своего материального и культурного уровня.*

Представляя собой наиболее активную и организованную часть деревни, коммунисты в значительно большей мере, чем остальные крестьяне, вводят агрикультурные улучшения. В то время, как лишь 8,5% всех крестьянских хозяйств по РСФСР указали на наличие таких улучшений, среди коммунистов таких хозяйств оказалось 16%. По Украине из всех хозяйств указали на наличие агрикультурных улучшений 5,8%, среди коммунистов — 14,9%. Интересна таблица, показывающая степень распространения агрикультурных улучшений по отдельным группам в деревне.

% хозяйств с агрикультурными улучшениями.

Хозяйства	Группы по стоимости средств производства					
	До 200	201—400	401—800	801—1600	Свыше 1600	Итого
Р. С. Ф. С. Р.						
Коммунистов	4,1	12,5	21,5	23,2	24,4	16,0
Всех крестьян	3,5	7,7	11,2	15,3	18,0	8,9
У. С. С. Р.						
Коммунистов	7,1	9,6	18,1	22,5	42,3	14,9
Всех крестьян	1,9	3,9	6,5	10,1	14,8	5,8

Среди агрикультурных улучшений значительное место занимает переход к четырехпольному и многопольному севообороту, травосеяние, посев отсортированными семенами (реже чистосортными), отдельные мелиоративные работы и проч. Большинство проводимых агрикультурных улучшений носит лишь частичный характер.

Многие из деревенских коммунистов поняли лозунг партии о том, что коммунист должен быть не только активным общественным работником, но и примерным культурным хозяином, как ставку партии на крепкое индивидуальное хозяйство, идущее впереди в применении агрикультурных улучшений. Необходимо раз'яснить деревенским коммунистам, что требуя от них активного участия в под'еме сельского хозяйства, того, чтобы и здесь коммунист был передовиком, партия далеко не беспристрастна к тому, в какой форме оно проявляется: направлено ли оно к увеличению своего индивидуального или к созданию и расширению коллективного хозяйства.

Освоение беднотой и середняками результатов аграрной революции повело, по окончании гражданской войны и переходе к нэпу, к под'ему мелких крестьянских хозяйств и в том числе хозяйств бедноты. Под'ем бедняцких и середняцких хозяйств будет происходить и дальше, партия и советы должны оказать ему всемерную поддержку. Но теперь развитие бедняцких и середняцких хозяйств все чаще и сильнее упирается в необходимость значительного их укрупнения. Партия указала для основной бедняцкой и середняцкой массы деревни пути этого укрупнения,—производственное кооперирование, колхозы. Вот почему на XV с'езде было принято решение, что «в настоящий период задача об'единения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне».

Деревенские коммунисты должны стать примером организации, укрепления, под'ема крупного коллективного хозяйства. Носителями социалистического способа производства в сельском хозяйстве, проводниками социалистической реконструкции сельского хозяйства деревенские коммунисты, ведущие сельское хозяйство, становятся постольку, поскольку они сами непосредственно участвуют в создании коллективных форм хозяйства. Коммунист в деревне должен твердо знать, что от него партия требует *почина* в создании и личного участия в коллективном хозяйстве. *Поскольку коммунист еще сохраняет свое индивидуальное хозяйство, он должен быть примером применения доступных и мелкому индивидуальному хозяйству агрикультурных улучшений. Но основная его задача сводится к организации коллектива, вхождению со своим хозяйством в коллектив, применению культурных приемов хозяйствования в коллективе и распространению агрикультурных достижений коллектива на все крестьянство.*

Мы должны напомнить нашим деревенским коммунистам, сделать одним из основных лозунгов работы деревенских ячеек следующее в высшей степени важное и сейчас особенно своевременное решение XI с'езда партии: «*Участие коммунистов в сельскохозяйственных кооперативах и коллективах своего района или общества безусловно обязательно. Равным образом, обязателен для них почин создания этих организаций, если таковых не имеется*»[1]).

За последний год—полтора быстро развивались различные формы государственного воздействия на производство и особенно сбыт индивидуального крестьянского хозяйства: контрактация, машино-тракторные станции и др. Они ускоряют коллективизацию крестьянства, и что особенно важно, так как процесс коллективизации неизбежно длительный процесс, они увеличивают возможность развития индивидуального крестьянского хозяйства, *влияния* на него со стороны государства, использования его в интересах развития всего социалистического хозяйства. Деревенские коммунисты должны выступать, как активные проводники этих мероприятий в своем и *в массе* крестьянских хозяйств.

По кооперированности хозяйства деревенские коммунисты стоят гораздо выше, чем хозяйства всей массы крестьян.

По некоторым районам (Средне-Волжский, ЦЧО, вместе с Рязано-Тульским подрайоном) кооперированность коммунистов превосходит кооперированность всего крестьянства в два раза, а по Дагестану и Башкирии почти в три раза. Особенно важно отметить гораздо более высокую кооперированность хозяйств коммунистов низших имущественных групп по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами тех же групп. В низшей группе—со стоимостью средств производства до 200 руб. на хозяйство,—кооперированность хозяйств коммунистов *больше чем в два раза превышает* кооперированность всех крестьянских хозяйств той же группы как по РСФСР, так и по УССР. Отставание кооперированности низших групп крестьянства очень велико.

---

[1]) Подчеркнуто нами.

% кооперированных хозяйств.

Хозяйства	Группы по стоимости средств производства: До 200	201—400	401—800	801—1600	Свыше 1600	Итого
Р. С. Ф. С. Р.						
Коммунистов	81,7	84,4	87,9	88,8	91,0	86,0
Всех крестьян	—	45,9	55,4	66,1	73,4	48,8
У. С. С. Р.						
Коммунистов	88,2	91,9	86,3	98,0	92,3	90,2
Всех крестьян	35,1	48,4	56,6	68,8	76,3	52,7

Гораздо большая кооперированность крестьян-коммунистов (особенно низших групп) по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами есть прежде всего результат более высокого участия их в потребительской и кредитной кооперации. Но и в производственной кооперации процент хозяйств коммунистов выше, чем среди всех крестьянских хозяйств.

По пяти районам РСФСР [1]) и по УССР кооперированность деревенских коммунистов превышает кооперированность всех крестьянских хозяйств в кооперации по переработке и сбыту в 1½ раза, а в производственной и в подсобно-производственной больше чем в 2 раза. Проявившаяся тенденция такова: *чем выше тип кооперации, тем больше превышение кооперированности коммунистов по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами*. Но сама по себе кооперированность хозяйств коммунистов в производственной кооперации и в кооперации по переработке и сбыту невысока. Даже в хозяйствах с главным источником существования от своего с. х. в производственной кооперации состоит по РСФСР 5,4%, по УССР—4,0%, в кооперации по переработке и сбыту—по РСФСР 10,9%, по УССР—6,8%.

Мы имеем сильное отставание производственного кооперирования от кооперирования потребительского и кредитного, особенно в низших по мощности группах хозяйств. Это относится как к коммунистам, так еще больше ко всем крестьянским хозяйствам. Если в отношении всех хозяйств деревенской бедноты и середняков мы добиваемся сейчас полного кооперирования хотя бы в одном из видов кооперации, то по отношению к коммунистам, ведущим *сельское хозяйство, мы должны выдвинуть лозунг полного производственного кооперирования* их.

Одним из важнейших наших рычагов воздействия на крестьянское хозяйство является кредит.

Процент хозяйств, получивших кредит у кредитной кооперации среди коммунистов, примерно, в 2 раза выше, чем среди всех крестьянских хозяйств. По РСФСР из числа хозяйств коммунистов кредитовалось 27,0%, из числа всех крестьянских хозяйств—12,3%. По УССР получали кредит 41% хозяйств коммунистов и 16,7% всех крестьянских хозяйств. Средний размер кредита на одно кредитовавшееся хозяйство у коммунистов, по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами выше: по РСФСР на 31%, по УССР—на 28%. Сокращение индивидуального кредитования за счет увеличения коллективного должно, разумеется, относиться и к хозяйствам деревенских коммунистов, иначе у них стремление к сохранению и увеличению своего индивидуального хозяйства может оказаться сильнее, чем в остальных крестьянских хозяйствах [2]).

[1]) Сибири, Уралу, Ср. Волге, Моск. Промышленному и Ленинградскому.

[2]) С наблюдающимися случаями использования положения члена партии, стоящей у власти, положения советского, кооперативного работника для создания и увеличения крепкого индивидуального хозяйства партия должна вести решительную борьбу.

Средние и высшие группы хозяйств коммунистов кредитовались гораздо сильнее, чем низшие группы.

% хозяйств коммунистов, получивших кредит у кредитной кооперации и средний размер полученного кредита.

		0—200	1.600 3.200	Итого
% получивших кредит хозяйств	РСФСР	14,7	34,7	27,0
	УССР	27,3	54,2	41,0
Средний размер кредита, полученного кредитовавшимся х-ством	РСФСР	55,0	110,1	75,4
	УССР	63,3	123,2	95,2

Мы не приводим здесь данных по всем крестьянским хозяйствам, но среди них мы обнаруживаем ту же картину большего кредитования средних и высших групп, выраженную не менее резко.

По данным, имеющимся у нас, в 1926—27 году степень вытеснения частного кредита кооперативным была выше в средних и особенно в высших группах. Роль частного кредита по сравнению с кооперативным была сильнее в высших группах. Таково было распределение кредитов в 1926—27 г. За прошедшее после XV партс'езда время в этом отношении произошли значительные сдвиги в сторону повышения коллективного кредитования, повышения как в коллективном, так и индивидуальном кредитовании доли бедноты. Привели ли они, однако, к окончательному устранению указанных недостатков, мы не можем пока судить за отсутствием соответствующих материалов.

Слабость работы среди бедноты об'ясняется во многих местах слабым, по сравнению с реально возможным обслуживанием ее хозяйственных нужд, в частности более слабым по сравнению с другими группами деревни обслуживанием ее кредитом, неправильным распределением между отдельными группами средств, отпускаемых для поднятия производительных сил в сельском хозяйстве.

IV. Общественная работа коммунистов

Обратимся к общественной работе коммунистов. Для этого рассмотрим участие коммунистов в выборных органах советских и кооперативных учреждений.

Коммунисты участвуют в выборных учреждениях во много раз больше, чем вся остальная масса крестьянства. Так, из числа коммунистов 27,2% хозяйств, а из числа всех крестьян 3,6% по РСФСР участвуют в выборной работе в советских органах управления. В выборных органах кооперации участвуют 6% хозяйств коммунистов и 0,3% всей массы крестьянских хозяйств. Значительно большая активность коммунистов в советской и кооперативной работе несомненна. Если рассмотреть общее распределение количеств выбранных в советские и кооперативные органы между отдельными группами хозяйств, то легко видеть, что основная масса среди коммунистов приходится на бедняцко-середняцкие слои. Так, по РСФСР на две низшие группы приходилось 41,3% всех хозяйств с выбранными в советы, на среднюю и на вышесреднюю группы—53,5% и на высшую группу—5,2% всех членов советов. По Украине на те же группы: 45,3%, 50% и 4,7%. Больше всего представлена верхушка деревни среди выборных работников кооперации: по

РСФСР 8,0% и Украине—8,7% от всего числа выборных работников кооперации. На две низшие группы приходится: по РСФСР 33,9% и по Украине—34,7%. По степени активности различных слоев крестьянства выделяются верхние группы. Это в особенности относится ко всей массе хозяйств, где степень участия в выборных органах управления непрерывно повышается от низших слоев к высшим. В меньшей мере, но ту же тенденцию, мы имеем и среди коммунистов.

% хозяйств с членами советских органов управления от всего числа их в данной группе.

	Р. С. Ф. С. Р.		У. С. С. Р.	
	Коммунистов	Всех крест. хозяйств	Коммунистов	Всех крест. хозяйств
0— 200 руб.	24,4	1,7	33,7	2,0
201— 400 „	27,0	2,9	36,0	3.4
401— 800 „	26,7	4,4	41,8	4,2
801—1600 „	30,6	6,2	40,2	6,0
Свыше 1600 руб.	32,0	7,9	38,5	6,8
Итого	27,2	3,6	37,9	3,9

% хозяйств с членами органов управления кооперацией.

	Р. С. Ф. С. Р.		У. С. С. Р.	
	Среди коммунистов	Среди всех крест. х-ств	Среди коммунистов	Среди всех крест. х-ств
0— 200 руб.	5,2	0,1	5,3	0,1
201— 400 „	3,9	0,2	5,1	0,2
401— 800 „	6,6	0,4	7,1	0,3
801—1600 „	10,9	1,2	15,4	1,0
Итого	6,0	0,3	7,5	0,3

Приведенные таблицы показательны в двух отношениях. С одной стороны, они говорят об активных попытках верхних слоев деревни проникнуть в выборные советские и кооперативные органы. Так, по РСФСР активность высшей группы в 4,5 раза больше, чем активность низшей по участию в советах. По Украине активность участия в советах высшей группы больше активности низшей группы в 3,4 раза. По степени участия в выборных органах кооперации активность высшей группы хозяйств еще больше. Частью это связано с меньшей кооперированностью низших групп.

В заключение несколько слов о культурном уровне деревенских коммунистов. Процент грамотных взрослых мужчин среди деревенских коммунистов больше, чем среди всех крестьян (по РСФСР 92,6%). Однако, среди партийцев есть хотя и небольшой процент неграмотных. Высок процент неграмотных женщин. Среди женщин—членов семей коммунистов—процент неграмотных равен 38,7. Выше он в низшей группе, где неграмотных женщин 47,2, ниже в высшей группе, где неграмотных женщин 31,2. То же и в отношении учащихся детей в хозяйствах коммунистов. Процент учащихся детей и подростков [1]) в низшей группе равен 32,8, в высшей группе—44,6. Процент неграмотных детей и подростков в низшей группе равен 31,1, среди детей и подростков в высшей группе равен 9,5.

Следует обратить особое внимание на то, как идет подготовка обученных кадров среди коммунистов и комсомольцев деревни.

[1]) По отношению к общему числу детей и подростков с 8 лет до рабочего возраста.

Группы по стоимости средств производства	% учащихся коммунистов к общему числу их	
	РСФСР	УССР
0— 200 руб.	1,9	1,2
201— 400 „	3,3	2,6
401— 800 „	2,8	4,5
801—1600 „	5,9	6,1
Свыше 1600 руб.	13,0	3,3

Значительное повышение процента учащихся коммунистов от низших к высшим группам говорит о том, что активность высших групп в получении образования и квалификации много больше, чем низших групп. Вовлекая деревенскую часть партии в вузы, рабфаки и в другие учебные заведения, мы недостаточно внимательны к первоочередному выдвижению батрацкой и бедняцкой части партии. Необходимо добиться не только абсолютного преобладания батрачества, бедноты и середняков, но и увеличения их активности в борьбе за знания, по сравнению с другими группами деревни.

V. Выводы.

Основным выводом из рассматриваемого материала является недостаточное количество батраков в составе деревенской части партии. Ни по абсолютному своему весу, ни по относительному своему значению батрацкая часть партии еще не занимает того места, которое ей следовало бы занимать в деревенской организации нашей партии. Удельный вес батраков в составе партии даже меньше, чем в составе всех крестьянских хозяйств. Ноябрьский пленум ЦК в резолюции о регулировании роста партии подчеркнул, что «в составе деревенских организаций все еще незначителен удельный вес пролетарских элементов и прямо ничтожен кадр колхозников». Перед партией стоит задача—усилить привлечение батраков в партию.

При приеме индустриальных рабочих в партию, в том случае, если они имеют постоянную связь с деревней в форме хозяйства как своего, так и своей семьи (ближайшие родственники)—вопрос о мощности деревенского хозяйства должен быть со всем вниманием учтен при рассмотрении заявления, поданного в партию. С другой стороны, надо усилить влияние коммунистов-рабочих, живущих в деревне, на работу деревенских ячеек.

В деревенской части партии значительное место занимают служащие. Основная часть служащих—членов и кандидатов ВКП(б)—связана с мелкими и средними хозяйствами деревни, но среди служащих, входящих в деревенскую часть нашей партии, имеется также часть, связанная с хозяйствами выше среднего и крупных размеров. При проверке советского аппарата следует внимательно изучить положение партийной части нашего советского аппарата в деревне.

В среде сельскохозяйственных товаропроизводителей (занятых в основном крестьянским хозяйством) необходимо констатировать недостаточное вовлечение бедняцких слоев и повышенное значение вышесредних и крупных крестьянских хозяйств. Необходимо поставить перед партийной организацией задачу большего вовлечения бедняцкого актива в состав партии и освобождения партии от засоряющих ее членов крупных предпринимательских хозяйств [1]).

[1]) Следует отметить, что произведенная выборка среди выше средней и крупной групп хозяйств с предпринимательскими элементами (сюда относились хозяйства, имевшие свои средства производства свыше 800 руб. и наемную рабочую силу свыше 50 дней или сдачу средств производства свыше 20 руб., и хоз-ва, имевшие свои средства производства свыше 1.600 руб., при условии найма рабочей силы и при сдаче средств производства) показала по РСФСР 4,5%, по Украине 5% таких хозяйств с коммунистами. Это еще более подчеркивает необходимость освобождения партии от засоряющих ее членов крупных хозяйств.

Ноябрьский пленум указал на необходимость добиться решительного и скорейшего сдвига в деле приема в партию «лучших активистов из бедноты и колхозников. При этом необходимо коренное и скорейшее улучшение, чистка и обновление состава деревенских организаций».

Чтобы добиться коренного улучшения состава деревенской ячейки, необходимо будет провести большую работу по выявлению и укреплению батрацкого и бедняцкого актива в наших профессиональных, советских, кооперативных организациях. Опираясь на активность бедноты и батрачества в этих организациях, мы сможем обновлять и укреплять кадры деревенской партийной организации.

Выдвижение на советскую и кооперативную работу, являющееся одной из основных задач партийной ячейки в деревне, необходимо проводить так, чтобы не только абсолютное число выдвинутых, но и степень активности бедняцкой и батрацкой части выдвиженцев на много превышали активность других слоев.

Выдвигая деревенских коммунистов на учебу, необходимо сугубо относиться к их хозяйственному положению и хозяйственным связям, создавая условия для действительного выдвижения на учебу в первую очередь батрацких и бедняцких слоев партии.

Перед партийной организацией деревни стоит задача стать на деле авангардом развивающегося колхозного движения. Коммунисты деревни должны значительно опережать движение основных масс деревни в деле коллективизации. Выполнение решения XI партийного с'езда о том, что каждый коммунист обязан участвовать в сельскохозяйственных кооперативах и коллективах своего района и должен брать на себя «почин создания этих организаций»,—должно стать одной из основных задач каждой партийной ячейки. Внимание коммунистов деревни должно быть переключено от увеличения своего индивидуального хозяйства к созданию колхозов, к внесению большей организованности в колхозное строительство. Вопрос о направлении дальнейшего развития хозяйств коммунистов должен быть поставлен всеми деревенскими ячейками с достаточной четкостью.

Л. Мадьяр.

Куда идет Китай?

1. Китай и империализм.

Китай в настоящее время занимает уже важное место в системе мирового империализма в качестве рынка сбыта для товаров, источника сырья и хозяйственной территории для экспорта капиталов. Из всего экспорта Соединенных Штатов—2,7%, Японии—28%, Германии—1,5% и Англии—2,5% составляет вывоз товаров в Китай. В импорте в Соединенные Штаты—3,6, в Японию—17, в Германию—2 и в Англию 1% составляет импорт из Китая. В настоящее время ввозимый в Китай английский капитал не превышает 1,5—2 миллиардов рублей, но вся сумма английских «интересов» в Китае достигает 4—5 миллиардов рублей. Японские «интересы» в Китае равняются 2,5—3 миллиардам иен. Кроме того, Китай является чрезвычайно важным полем деятельности для крупнейших английских, японских, американских, французских и бельгийских колониальных банков и на ряду с Индией важнейшим поставщиком рабочих рук для колониального рынка труда. Китай каждый год вывозит в разные колонии и полуколонии империализма около полумиллиона рабочих, в том числе и десятки, и десятки тысяч контрактных рабочих, т.-е. полурабов. Борьба за Китай обостряется по мере того, как неравномерность развития капитализма обостряется в период империализма. Если в 1913 году доля Соединенных Штатов составляла во внешней торговле Китая 9,5%, в 1921 г.—17,3%, в 1926 г.—14,6% и в 1927 г.—14,8%, то доля Японии за соответствующие годы составляла 19,7%, 25%, 23,7% и 25,8%, доля Англии—11,4%, 11,8%, 7,4% и 6,8%. Но в так называемый третий период всеобщего кризиса капитализма вместе со всеми основными противоречиями империализма чрезвычайно обостряется и борьба за китайскую полуколонию империализма. САСШ наступают, и в 1928 г. заняли уже первое место в торговле с Китаем. Английский капитал делает отчаянные попытки, чтобы завоевать обратно свои утерянные позиции в Китае и в 1928 г. имел в этом отношении некоторые успехи за счет японского капитала. Япония упрямо отстаивает свои позиции на китайском рынке и в то же время необычайно резко наступает для того, чтобы овладеть важнейшими источниками сырья в Китае. Только Ю.-Манчжурская ж. д. вкладывает около 100 млн. иен в ближайшие два года в добычу угля, железной руды, нефти, чугуна и стали в Китае. В то же время японский капитал скупает акции горных предприятий в Шаньдуне и в долине Янь-Цзы. Теперь уже 95% добычи железной руды и выплавки чугуна находится под японским контролем. Характерный факт: в 1925 г. китайский капитал контролировал 46% добычи угля, а иностранный—54%, а в 1929 г. китайский капитал контролировал 28%, а иностранный капитал—уже 72% добычи угля. Другой не менее характерный факт: в 1925 г. китайский капитал контролировал 58% всех паровых ткацких станков в стране, а иностранный 42%, а в 1929 г. китайский капитал контролировал 44%, а иностранный капитал—56% всех паровых ткацких станков. В последние годы империализм расширяет свои экономические позиции в Китае.

Однако, значение Китая вовсе не исчерпывается в третий период послевоенного развития империализма теперешним удельным весом Китая в системе мирового империализма. Империалисты ищут рынков сбыта. А Китай все еще является крупнейшим потенциальным рынком сбыта. Ведь подушное участие каждого китайца во внешней торговле составляет 3,30 доллара, а подушное участие каждого жителя Филиппинских островов—21, Японии—34, САСШ—77, а Австралии—233 доллара. Если довести об'ем торговли Китая хотя бы до уровня Индии, это значит, чуть ли не утроить внешнюю торговлю Китая. При этом следует учесть, что ряд провинций Китая (Сычуань, Гуй-чжоу, Ганьсу, Шаньси, Сынцзян) еле-еле втянуты в международный товарооборот. А с точки зрения экспорта Китай представляет собой огромнейшие возможности. Сун Ят-сен мечтал о том, что международный капитал предоставит 10 миллиардов долларов для создания элементарнейших предпосылок для индустриального развития страны. Если это и является мечтой мелкобуржуазного революционера-фантазера, то теоретически и практически вполне возможно довести китайскую железнодорожную сеть (7.000 миль) до уровня Индии (40.000 миль), китайскую текстильную промышленность (3,5 млн. веретен и 29.700 ткацких станков) до уровня Индии (8,7 млн. веретен, 159.000 ткацких станков) и создать в Китае такие же оросительные сооружения, как в Индии. При этом следует иметь в виду, что борьба за сферы приложения капитала между империалистами в первые послевоенные годы не была особенно остра, ибо острейший недостаток капиталов чувствовался во всем мире, а за последние годы темп и размер экспорта капитала из решающих империалистических стран возрастает. (Вывоз капитала из Англии в 1925 г.—77,9, в 1926 г.—101,6, в 1927 г.—148 и в 1928 г.—149 млн. ф. ст. Вывоз капиталов из САСШ в 1926 г.—1.359, в 1927 г.—1.387 и в 1928 г.—1.575 млн. амер. долларов). Временный кредитный кризис в начале 1929 г., повышение учетной ставки во всех решающих странах навряд ли изменят основную тенденцию, заключающуюся в усилении вывоза капиталов не только из САСШ и Англии, но также из Франции, Голландии, Швейцарии и, может быть, из Германии. В обострении борьбы за китайскую сферу для экспорта капиталов некоторую роль играет, и немаловажную роль будет играть, повышение таможенных пошлин. Уже начиная с февраля 1929 г. Китай имеет так называемую «тарифную автономию», но именно так называемую и именно в кавычках. Вместо настоящей тарифной автономии в Китае введена семишкальная тарифная система, т.-е. все привозные товары распределены на семь категорий и разные категории обложены пошлинами от 7,5% до 27,5% по стоимости товаров. В Индии, где текстильные изделия облагаются пошлинами на 16% и ряд других товаров пошлинами в размере 25% по стоимости товаров, это обложение не оказалось достаточным для таможенной защиты, хотя, конечно, способствовало в некоторой мере процессу индустриализации страны. В Китае куцая таможенная автономия в теперешнем виде не достигает даже уровня таможенных ставок в Индии и оказывает весьма слабую защиту промышленности, находящейся на территории Китая. Чан Кай-ши сам признал, что тарифная автономия пока еще неполная, но он же обещал, что начиная с 1 февраля 1930 г. Китай будет иметь полную таможенную автономию. Насколько эта автономия будет «полна», это зависит от соотношения сил между разными империалистическими державами, от степени сопротивления со стороны разных империалистических стран и в первую очередь Японии, от силы нанкинского правительства и т. д. Но новое повышение таможенных пошлин в начале будущего года стимулирует ввоз капиталов в Китай. Один из руководителей крупнейшего японского концерна Мицуй г. Ясукава уже заявил, что на повышение таможенных пошлин японский капитал ответит увеличением числа японских фабрик в Китае.

Приближение нового повышения таможенных ставок обостряет борьбу за китайский рынок сбыта. А борьбу за Китай, как сферу приложения капиталов, обостряет весьма важное с этой точки зрения событие, а именно приближение срока истечения договора о международном консорциуме банков.

2. Международный консорциум банков и Китай.

Международный финансовый капитал делал уже неоднократно попытки подразделить Китай как сферу для экспорта капиталов, устранить конкуренцию между разными империалистическими странами и созданием единого фронта осуществить полную монополистическую диктатуру финансового капитала в Китае с устранением конкуренции. Первый консорциум международного финансового капитала был создан договором от 18 июня 1912 г., с участием крупнейших банков (Гонгконг-Шанхайский банк, Немецко-Азиатский банк, Индокитайский банк, Русско-Азиатский банк, Иокогама Спэши банк, Моргэн и К°, Кун, Лэб и К° и т. д.) шести крупнейших держав (Англия, Франция, Япония, Германия, Россия, САСШ).

Каутский, Гильфердинг и прочие теоретики II Интернационала тогда еще не сочли нужным провозглашать этот факт, как новую эру в истории человечества, как начало эры ультра-империализма, интернационализации мирового хозяйства и международного переплетения национальных капиталов. И на самом деле САСШ скоро вышли из консорциума, и прочие члены консорциума скоро постарались в мировой войне перерезать друг другу горло. Первый консорциум без САСШ успел лишь руками Юань Ши-кая задушить революцию 1911—1912 гг. и предоставить для этой цели заем в размере 25 млн. фунт. стерлингов. Договор о первом консорциуме предусматривал распределение всех правительственных и гарантированных правительством займов между банками, составившими консорциум. Промышленные займы не были включены в соглашение.

Чтобы положить конец наступлению японского капитала на Китай, после окончания мировой войны САСШ предложили заключить новый договор о консорциуме. После длительных переговоров договор о втором консорциуме был заключен 15 октября 1920 г. между Гонгконг-Шанхайским банком, Индокитайским банком, Иокогама Спэши банком и группой 31 американских банков с одобрения правительств Англии, САСШ, Японии и Франции. Договор этот предусматривал, что всякие правительственные, гарантированные правительством и промышленные займы, предназначенные для Китая, должны быть распределены в одинаковой мере между банками четырех стран. Договор этот был заключен на пять лет, но в 1925 г. продлен на дальнейшие пять лет. Итак, договор истекает 15 октября 1930 года.

Нанкинское правительство или вообще какое бы то ни было крупное предприятие в Китае могли бы получить до 15 октября 1930 г. заем только через консорциум четырех держав. Но и в данном случае международное соглашение между крупнейшими банковыми об'единениями является лишь передышкой для более обостренной борьбы. Формально договор о консорциуме еще соблюдается. Представитель банкирского дома Моргана, небезызвестный Ламонт заявил на собрании Американско-Китайского общества, что «консорциум ожидает предложений китайского правительства относительно создания крупных предприятий общественного значения в Китае, при чем в течение некоторого времени Китай должен еще благоразумной и умеренной политикой доказывать, что он заслужил доверие мировых инвесторов». И когда возникли первые слухи о намерении американской биржи предоставить железнодорожные займы Китаю, Чемберлен на заседании палаты общин от 8 марта заявляет:

«Железнодорожное строительство в Китае во всех случаях, когда дело касается выпуска новых займов, должно проводиться в соответствии с соглашением о консорциуме от 15 октября 1920 г. Банковые группы Англии, Франции, Японии и САСШ должны участвовать с совершенно одинаковыми правами».

Устами Чемберлена английский капитал здесь заявляет о своих «правах» на участие в китайской добыче. Но в то же время орган лондонской биржи «Файнаншел Таймс» неоднократно указывал на то, что против попыток САСШ монополизировать китайский рынок займов все европейские державы должны об'единиться и под фирмой Лиги Наций предложить свои «услуги» Китаю. И представитель Лиги Наций Авеноль, недавно побывавший в Китае, на банкете, устроенном в честь его нанкинским правительством, заявил, что «Лига Наций готова оказать моральную и материальную помощь старейшей цивилизованной стране». А Международная Торговая Палата на своем общем собрании в июле текущего года обсудит китайскую проблему.

С точки зрения международного финансового капитала вопрос обстоит именно таким образом: или делить Китай в смысле экспорта капитала—и тогда можно начать грабеж сейчас, или же выждать окончания договора о консорциуме и тогда начать борьбу за Китай.

3. САСШ наступают.

Мы считаем продление срока договора о консорциуме, т.-е. соглашение о совместной эксплоатации Китая, маловероятным. Все данные указывают на то, что финансовый капитал САСШ попытается монополизировать Китай. Дипломатия доллара наступает изо всех сил в Китае, чтобы оттеснить всех возможных конкурентов. САСШ признали изо всех империалистов впервые, хотя бы на словах, тарифную автономию Китая. Вашингтон признал впервые нанкинское правительство. Когда японская разведка организовала восстание Чжан Чун-чжана в Шаньдуне против нанкинского правительства, САСШ послали демонстративно крейсер в шаньдунские воды. На просьбу Нанкина начать переговоры об отмене экстерриториальности и консульской юрисдикции, Келлог, будучи еще руководителем внешней политика САСШ, дает положительный ответ заявляя, что «САСШ тем самым желают доказать, что они являются наилучшим другом Китая». «Американские советники» экспортируются уже в Китай в массовом масштабе. В Нанкине работает уже комиссия Кэммерера. Кэммерер сам участвовал в выработке планов финансового «оздоровления» Мексики, Гватемала, Колумбии, Польши, Южно-Африканского союза и был одним из главных экспертов комиссии Дауэса. Под его руководством работают весьма компетентные по своим делам эксперты по финансам, общественному кредиту, налоговому обложению, железнодорожным финансам, тарифам, бюджету, банковому и валютному делам и финансовому контролю. Американские эксперты должны строить железнодорожные мосты, перестроить город Нанкин, выстроить порт Вампу в Кантоне против Гонгконга. Наконец, Нанкин назначил американца Мантеля советником по железнодорожному строительству, и Гувер и новый статс-секретарь Стимсон демонстративно принимают Мантеля на прощальный визит. В то же время американский капитал нащупывает почву и непосредственно. Форд строит монтировочный завод в Шанхае. Форд предлагает выстроить шоссейную дорогу между Шанхаем и Кантоном (8.000 миль), если он получит право на беспошлинный ввоз автомобилей в Китай. Американская фирма строит радиостанции по всему Китаю. Американская фирма Куртис получает концессию на организацию авиосообщения по линиям Ханькоу—Нанкин—Шанхай, Нанкин—Пекин, Нанкин—Кантон. На случай войны на Тихом океане САСШ имеют уже радиостанции, авиобазы и воздушный флот в Китае. В то же время по всему Китаю довольно большим темпом идет дорожное строительство. В Гуаньдуне выстроили 6.000 миль, в Гуаньси—3.000 миль в течение одного года и почти во всех провинциях идет напряженным темпом строительство шоссейных дорог. А агенты Форда и Дженераль Моторс понимают, что это им будет хорошо. Вновь назначенный советник по железнодорожному строительству Мантель после приема у Гувера заявляет, что «САСШ должны снабжать рельсами, паровозами и железнодорожными материалами Китай». В тот же день распространяются газетные сообщения, что американский банкирский дон Кун, Лэб и К° подготовляют заем в размере 400—500 млн. долларов для Китая.

Все эти факты и вся международная обстановка указывают на то, что САСШ не желают делить китайскую добычу, а хотят превратить Китай в колонию американского капитала. Этому, разумеется, не противоречит, что по вопросам неравных дороговоров САСШ занимают среди империалистов наиболее «либеральную» позицию.

4. Англо-японское соглашение против наступления САСШ.

Другие империалистические державы не только не отступают без боя, а, наоборот, они не только отстаивают свои старые позиции, но стараются завоевать новые. Япония, несмотря на предстоящую военную эвакуацию Шаньдуна, попытается укрепить свои и без того сильные позиции на железных дорогах и в горной промышленности Шаньдуна. В долине Янь-цзы японский капитал также ищет железнодорожные и горные концессии, строит новые текстильные фабрики не говоря уже о Манчжурии. Для Англии 1928 г. был годом наступления. Образовался синдикат текстильных фабрик специально для завоевания обратно китайского рынка (Истерн Текстайл Синдикат). И если наступление САСШ на Западе привело к возобновлению англо-французского союза, то на Востоке, в ответ на наступление САСШ состоялось англо-японское сближение, что, конечно, не исключает резкой конкурентной борьбы на китайском рынке между Англией и Японией. Мы не знаем рамок и об'ема англо-японского соглашения, которое, повидимому, направлено и против СССР, и против Китая. Мы можем допустить, что формально даже прежний союз не восстановлен. Около 50% японского вывоза направляется в САСШ и около 80% этого вывоза состоит из шелка. Япония должна осторожно окружать САСШ, и кроме того, конечно, она пытается всякими шантажами набивать цену своего союза с Англией. Но империалистическая Япония не может терпеть под боком Китай, как американскую колонию. Она сама нуждается в китайской колонии. И если для САСШ Китай будет только одной из колоний, то для Японии Китай важнейшая полуколония. Не напрасно утверждал Ленин, что участие САСШ в мировой войне было своего рода подготовкой к войне против Японии. В то же время и для Англии не так-то просто возобновление японского союза. Важнейшие английские доминионы—Канада, Австралия—против японского союза. Но английский империализм подчиняет эти вопросы интересам борьбы против САСШ. Иные товарищи считают, что нет англо-японского сближения, что более вероятный вариант—сближение между САСШ и Японией. Подобный взгляд нам кажется ошибочным. Не случайно, что японские текстильные фабриканты ищут сближения с Ланкаширом, что какой-то английский принц как раз сейчас едет к японскому императору, что по целому ряду мелких вопросов в Китае английская, французская и японская дипломатия выступила единым фронтом.

Само собой разумеется, что по мере того, как американский капитал будет выступать все более открыто в Китае, по мере того, как он через

нанкинское правительство все более будет подчинять себе Китай, противоречия между САСШ, с одной стороны, и Англией и Японией, с другой,—будут обостряться. Война между гуансийцами и Нанкином была формой проявления обострения англо-американских противоречий в Китае. Когда Чан Кай-ши арестовал Ли Цзи-сина, то по сути дела, агент Гувера арестовал агента Чемберлена, и когда из Кантона «тихим переворотом» прогнали сторонников гуансийцев, то САСШ нанесли удар позициям английского капитала на Юге Китая.

Обострение противоречий между империалистами—вот та международная обстановка, в которой будут решаться судьбы Китая в ближайшее время. Но такова уже судьба полуколониального Китая, что обострение противоречий между империалистами обязательно усиливает остроту противоречий и внутри страны.

5. Экономическое положение в Китае или о степени „стабилизации".

Насколько обострение противоречий между империалистами будет влиять на внутреннее положение страны, это зависит от экономического положения в самом Китае и от соотношений классовых сил внутри страны.

Несомненно, что после глубочайшего кризиса 1925—1927 гг. на фоне поражения рабочего класса и на фоне острейшего товарного голода в стране, китайская промышленность заработала. Угольная промышленность и в первую очередь японские и английские предприятия увеличили добычу угля. Мучительно медленно восстанавливается работа на доменных печах. Ввоз железа возрос. Текстильная промышленность имела в 1928 г. и в начале 1929 г. хорошую кон'юнктуру, и ткацкая промышленность увеличила не только продукцию, но и свой производственный аппарат. Вывоз шелка-сырца фабричного производства возрос с 89 тыс. кип до 101 тыс. кип, и было создано около 10 новых фабрик. Заработали и ханькоуские заводы. В Манчжурии бурным темпом идет колонизация, и посевная площадь увеличилась на 10% за год. Промышленность Манчжурии развивается более быстрым темпом, чем в Собственном Китае. Мукден становится одним из важнейших пролетарских центров. Внешняя торговля восстановилась почти до уровня рекордного 1926 г. Несмотря на тяжелый кризис всего железнодорожного транспорта, грузооборот по целому ряду железнодорожных линий Центрального Китая и Шаньдуна удвоился. Начались работы по продлению Лунхайской ж. д. Дорожное строительство почти во всех провинциях делало значительные успехи. Были созданы банки для поощрения промышленности, выпущен заем для восстановления валюты. Всекитайская выставка в Шанхае была событием в экономической жизни страны. Английский бойкот улучшил кон'юнктуру для китайских фабрик, хотя он не мог помешать росту завоза японских товаров в Китай. Улучшились курсы китайских ценных бумаг на иностранных и китайских биржах, хотя в марте и апреле, когда намечалась перспектива войны между Нанкином и гуаньсийской группой, курсы ценных бумаг снова упали. Нанкин получил даже небольшой иностранный заем под обеспечение Лунхайской ж. д. в размере 5 млн. долларов. После многочисленных крахов провинциальных банков и обесценения бумажных денег даже финансово-валютный хаос проявился в менее острых формах. Было бы ошибочно не замечать этих явлений. Представители иностранных банков, работающих в Китае, остались довольными кон'юнктурой за последнее время.

Председатель «Chartered Bank of India, Australia and China («Привилегированного банка Индии, Австралии и Китая»), Тэрнер на общем собрании акционеров говорил: «В прошлом году (1928 г.) в Китае имело место заметное восстановление дел».

Председатель «Коммерческого банка для Индии» Райри заявил на общем собрании акционеров банка: «Условия торговли в Китае в прошлом году улучшились».

А наиболее компетентный в китайских делах председатель Гонгконг-Шанхайского банка, Комптон заявил: «Политическое положение заметно улучшилось. Китайские пошлины являются умеренными и благоразумными. В стране наблюдается возвращение к нормальным условиям, что и следует приветствовать».

Английский журнал «Экономист» от 3 марта считал, что даже война между Нанкином и гуаньсийцами не может значительно ухудшить положение, и экономический журнал, представляющий интересы иностранного капитала в Китае, «Фар Истерн Трэд энд Кэпитэл» заявляет: «В стране чувствуется прочность и устойчивость. Необходимо радикально снизить заработную плату рабочих».

Это, конечно, язык опьяневших от временной победы контрреволюции банкиров и дельцов. Почтенный председатель Гонгконг-Шанхайского банка, говоря о возвращении к «нормальным условиям», ни словом не обмолвился о том, что китайский национальный капитал оттесняется иностранным, что важнейшие китайские предприятия переходят в иностранные руки, что восстановление торговли сопровождается разорением сотен и сотен тысяч ремесленников, что рост Шанхая, Тяньцзина, Мукдена и Нанкина сопровождается катастрофическим упадком Пекина и ряда других городов, что дорожное строительство лишает хлеба сотни тысяч кули, что кули уже во многих местах сжигают автобусы, что миллионные армии милитаристов не демобилизованы. Повидимому, к возвращению к «нормальным условиям» следует отнести страшнейшее обострение кризиса сельского хозяйства, рост ввоза пищевых продуктов и ужасную массовую голодовку, которая в девяти разных провинциях охватывает не то 20, не то 30 миллионов человек. До нового урожая погибнет в Китае несколько миллионов человек с голоду! Глубочайший кризис сельского хозяйства отражается в росте бандитизма, в непрекращающихся крестьянских восстаниях, в продолжающейся партизанской войне, в росте эмиграции, в наплыве разорившихся крестьян в город. Голод в деревнях, недород вызвали вздорожание цен в городе, а вздорожание цен вызвало ряд рабочих стачек. И забастовки стали уже нормальным явлением не только в первоклассных промышленных центрах, как в Шанхае, Ханькоу, но также и в забитых промышленных центрах, как Таньшан, Пиннян, Цзин Дэ Чжен, и в городах с новой промышленностью как Суйчжоу, Ханьчжоу, Нантунчжоу. А если после всего этого спрашивают, есть ли стабилизация, хотя бы временная, шаткая, гнилая в Китае, то мы можем отвечать замечательно метким заявлением китайского министра торговли, промышленности и труда, Кун Сян-си: «Китай достиг той степени стабилизации, которая нужна для процветания иностранных фирм». Это сказано замечательно ясно и замечательно правильно. На самом же деле Китай не достиг той степени стабилизации, которая нужна для процветания национального капитализма. Наоборот, временная победа контрреволюции выявила полностью тот факт, что при буржуазной власти Китай все больше закабаляется империализму. Но временная победа контрреволюции создала предпосылки к укреплению и процветанию иностранного капитала в Китае. И в этом заключается и ближайшая перспектива экономического развития Китая. Если революционный взрыв не разорвет оковы, наложенные на самостоятельное развитие страны, то в ближайшее время Китай превратится из полуколонии все больше и больше в колонию международного капитала, вероятнее всего, в колонию американского финансового капитала. Позиции иностранного капитала все более укрепля-

ются в стране, и зависимость страны от иностранного капитала становится все более глубокой, пока взрыв революционной волны не сметет империализм с лица китайской земли.

6. Развал единого фронта контрреволюции и новые классовые сдвиги в стране.

Какие сдвиги происходили и происходят в соотношении классовых сил при данной международной обстановке и при тех экономических процессах, которые мы попытались вкратце характеризовать?

Борьба рабочего класса за гегемонию над крестьянством и за руководящую роль в буржуазно-демократической революции в 1927 г. привела к созданию единого контрреволюционного блока. Советское восстание в Кантоне завершило этот процесс и создало единый фронт национальной буржуазии, помещиков, компрадорской буржуазии и империалистов, при чем значительные слои городской мелкой буржуазии перешатнулись в лагерь контрреволюции. Гоминдан является весьма кривым зеркалом тех социально-политических сдвигов, которые происходят в Китае, но даже это кривое зеркало отражало постепенный отход мелкой буржуазии от единого лагеря контрреволюции, и V пленум ЦК Гоминдана (ноябрь 1928 года) знаменовал собою уже переход мелкой буржуазии в оппозицию и оформление блока между правыми и центром в первом правительстве сун'ятсеновского типа. В основном блок между помещиками и разными слоями буржуазии тогда еще сохранился. В то же время продолжалось оттеснение левого крыла Гоминдана и оттеснение Фын Юй-сяна, пытавшегося опереться на левое крыло, представляемое Чжен Гуй-по, Ван Цзин-вей, Сун Цзи-лин, Юй Жен-чжен и т. п. В этом отношении в Гоминдане повторялось историческое развитие Индийского Национального Конгресса. Национальный Конгресс из массовой политической организации мелкой буржуазии стал органом в руках крупной буржуазии. Ван Цзин-вей еще не решил полностью капитулировать перед Чан Кай-ши, как Ганди капитулировал перед Мотилал Нэру, но дело идет к этому. К III с'езду Гоминдана левые были уже так слабо представлены, что Чан Кай-ши мог даже пустить из милости их представителей в ЦК. А Фын Юй-сян был изолирован уже на конференции генералов по разоружению и на с'езде даже не присутствовал. Гоминдан, как он появился на своем III с'езде стал уже в основном партией крупной буржуазии, оставляя лишь из агитационных соображений некоторые мелкобуржуазные элементы в составе партии. В наиболее развитой промышленной провинции, в Цзянсу, Гоминдан имеет только 14.274 членов, при чем в крупнейших промышленных центрах провинции, как-то: в Шанхае он имеет 542, в Уси—392 и в Нантунчжоу—392 членов. Ясно, что эта партия об'единяет в себе отборных чиновников, высших офицеров армии, нескольких банкиров, крупных ростовщиков и представителей торговых палат.

Однако, оттеснением мелкобуржуазных элементов не исчерпываются те социальные сдвиги, которые происходили и происходят в нанкинском правительстве и в Гоминдане. В нанкинском правительстве все больше проявляются процессы буржуазного перерождения. Конечно, здесь нужна большая осторожность, чтобы не впасть в преувеличения. Китайская буржуазия сама землевладельческая, в ней количественно преобладает торговец, ростовщик и скупщик, ее связь с промышленностью сильнее по линии скупщика и раздатчика, чем через крупного фабриканта. *Но все же по мере восстановления торговых путей, внешней торговли и промышленной деятельности буржуазные элементы оказывают все больше давления на нанкинское правительство*, и представители этой буржуазии в правительстве—

министр путей сообщения Сун Фо, министр финансов Сун Цзе-вен, министр торговли и промышленности Кун Сян-си—начинают играть все более видную роль. Буржуазия все громче требует сокращения армии, демобилизации, об'единения финансов, отмены внутренних пошлин, отмены системы отдачи налогов на откуп, создания бюджета, введения всекитайской валюты, введения единой системы мер и весов,—словом, минимума буржуазных преобразований для создания национального рынка. Эта буржуазия чувствует поддержку нью-йоркской биржи, и ее тон становится все более крепким по отношению к Нанкину. Гуаньсийцы, опираясь на английскую поддержку, противопоставляли себя ряду буржуазных требований насчет об'единения финансов, сокращения армии, собирания пошлин и введения налогов. В этой группе влияние помещика, деревенского джентри и чиновника, влияние английского компрадора и ростовщика преобладало. И Нанкин победил гуаньсийскую группу почти без единого выстрела не только потому, что генералы перебежали к Чан Кай-ши, что в финансовом и экономическом отношении Нанкин был сильней, а потому, что в долине Янь-цзы, и в особенности в Ханькоу, буржуазия заняла позицию против гуаньсийцев. И надо сказать, что Нанкин старается всячески подчеркивать свою буржуазную сущность. Он отменяет старый китайский календарь и, оружием подавляя местные восстания против этой меры, силой запрещает празднование китайского нового года. Деревенские кумирни превращаются во многих местах в лекционные пункты. Проводится регистрация монастырей, а местами конфискация помещений монастырей. Нанкинское правительство работало в дни старого китайского нового года. Гоминдан подстрекает к разрушению старых городских стен. В Чжецзяне делается попытка создавать в деревнях «комитеты самоуправления», которые по замыслу Гоминдана должны постепенно втягиваться в дело управления деревни. Из Хубея и Цзянсу имеются сведения о борьбе в уездах и деревнях между гоминдановскими комитетами и между джентри, тухао, откупщиками налогов, словом, старой верхушкой деревни.

В борьбе между Нанкином и гуаньсийской группой обнаружился развал единого контрреволюционного фронта. Борьба шла не вокруг основных проблем революции, как принципиальное отношение к аграрному вопросу или империализму. В этом отношении принципиальных разногласий не было, если не считать, что Нанкин ориентируется на САСШ, а гуаньсийская группа на Англию. А борьба шла за гегемонию в лагере контрреволюции. *И в результате борьбы крупная буржуазия сделала значительный шаг к овладению гегемонией*. Может быть, даже весьма вероятно, уже в ближайшее время будет новая война между Нанкином и Фын Юй-сяном. Может быть, английскому империализму удастся взорвать нанкинское правительство изнутри. Англия же имеет свою ячейку в нанкинском правительстве (Ху Хан-мин). Возможен раскол даже в ядре нанкинского правительства. Но в основном весенний поход 1929 г. и III с'езд Гоминдана обозначают собой, что буржуазия не только крадется, но, хотя и медленно, шагает к власти.

7. Весенний поход 1929 года и об'единение страны.

Но у буржуазии еще нет власти, и нанкинское правительство еще вовсе не об'единило Китай. После взятия войсками Чан Кай-ши Ханькоу, английская газета «Таймс», весьма скептически относящаяся к нанкинскому правительству, все же заговорила о том, что об'единение Южного Китая под властью Нанкина стало реальной возможностью. Нам кажется, что и это утверждение является преувеличением. Власть Нанкина распространяется в настоящее время весьма условно и ограниченно на восемь провин-

ций Южного Китая. Гуаньси, Юнань, Гуйчжоу и Сычуань даже формально не подчинены Нанкину. А на севере Китая пока Фын Юй-сян и Ян Си-шан делят власть, и в Манчжурии властвует мукденская группировка. Нанкин об'единил восемь капиталистически наиболее развитых провинций Юга под своей властью. И чем дальше, тем труднее будет процесс настоящего об'единения страны. Нанкин опирался на капиталистически наиболее развитые приморские провинции (Цзяньсу, Чжецзян) и, опираясь на них, завоевал Хубей, Хунань и по сути дела и Гуаньдун, где буржуазия относительно довольно сильна. Но в самом Китае капитализм в отдельных провинциях страны развивался чрезвычайно неравномерно. В отсталых провинциях помещик, ремесленная мелкая буржуазия, мелкий купец и ростовщик несравненно сильнее и современная промышленная буржуазия несравненно слабее, чем в передовых приморских провинциях. Не случайно, что социальное содержание власти в провинциях Чан Кай-ши, Фын Юй-сяна, Ян Си-шана, Чжан Сюэ-ляна и т. д. отличается соответственно хозяйственно-социальному развитию этих провинций. Власть каждого генерала отражает более или менее соотношение классовых сил в провинциях данного генерала. Само собой разумеется, что Нанкин, опираясь на Шанхай, Нанкин, Ханькоу, Ханьчжоу и т. д., располагает экономическими командными постами в стране. Резуметеся, стихийный ход развития, железнодорожное и дорожное строительство, возникновение или развитие промышленности могут относительно быстро изменить характер отдельных провинций. Но в ближайшее время процесс об'единения будет тем более затруднительным, чем менее капиталистически развиты незавоеванные еще провинции.

В этом отношении значительные осложнения может вызвать национальный вопрос. Мусульманское восстание в Гансу уже показало все значение этого вопроса. Но несомненно, что нанкинское правительство размышляет о контрреволюционной интервенции в Монгольскую Народную Республику либо под своим собственным знаменем, либо под ширмой монгольских князей во Внутренней Монголии. Нанкин, вероятно, попытается восстановить власть китайских ростовщиков, земельных спекулянтов и монгольских князей и лам в революционной Монгольской Народной Республике. Несомненно, что предстоит попытка снова приобщить к хозяйственной территории китайского торгово-ростовщического капитала и Тибет. А подобные авантюры могут вовлечь страну в опаснейшие кризисы.

8. Гоминдан и аграрный вопрос.

Для разрешения аграрного вопроса Гоминдан не имеет серьезной программы. Но под давлением крестьянских выступлений Гоминдан вынужден искать пути к разрешению аграрного вопроса. В прошлом году в провинции Чжецзян имели место массовые крестьянские выступления. Провинциальное правительство издало декрет под давлением крестьянского движения о снижении арендной платы на 20%. Оказывается, декрет это был проведен в жизнь в ряде округов, и его проведение привело к временному успокоению крестьянства. Но помещики весной 1929 г. уже восстановили арендную плату до прежнего уровня. Провинциальное правительство в Цзянсу издало декрет о том, что ростовщический процент не должен превышать 0,8% за месяц, т.-е. 9,6% годовых. Владельцы ломбардов резко опротестовали этот декрет, и провинциальное правительство согласилось на увеличение ростовщического процента до 2% за месяц. У нас нет данных, проводится ли этот декрет в жизнь. Но у нас имеются сведения о том, что «учреждения для на-

ставления арендаторов», т.-е. тюрьмы для арендаторов, не уплативших арендную плату, переполнены. В Гуаньдуне провинциальные власти распорядились о собирании налоговых недоимок с 1916 г., при чем за недоимки после 1920 г. взимается пеня в размере 25%. В то же время провинциальная конференция Гоминдана в Цзянсу вынесла постановление о том, что поземельный налог не должен превышать 1% стоимости земли в год и местные добавочные налоги не должны превышать 20% основного налога, а все остальные сборы с землевладельцев должны быть отменены. В Чжецзяне учреждается Кооперативно-Кредитный банк с основным капиталом в 500.000 долларов, а в Цзянсу делались попытки разрешить арендаторские конфликты путем арбитража.

В период контрреволюции, когда помещики, купцы, ростовщики и джентри организовали вооруженные отряды против революционного крестьянства, кулак местами активно перешел в лагерь контрреволюции и помог душить крестьянские выступления. В стихийных крестьянских восстаниях типа Союза Красных Пик кулак часто проводит реакционнейшее влияние джентри и тухао. Китайские товарищи сообщают нам о случаях, когда кулак шел с крестьянским движением пока основным лозунгом была борьба против налогов, и повернулся против крестьянского движения, когда выдвигался лозунг о борьбе с ростовщиком. В тех областях, где создавались временные советские очаги, как в Хайфыне, сначала как-будто удалось нейтрализовать кулака, но по мере того, как основная масса крестьянства выдвинула лозунг уравнительного передела земли, усиливалось и сопротивление кулака. В китайских условиях кулак является и ростовщиком, часто сдает и землю в аренду, и поэтому несомненно, что он повернется против революции, хотя в качестве налогоплательщика и арендатора помещичьих земель его можно некоторое время нейтрализовать. Несомненно, что лозунг союза с кулаком, выдвинутый некоторыми китайскими товарищами, глубоко ошибочен и по существу является оппортунистическим лозунгом, ибо замазывает классовую борьбу. Несомненно, что глубоко ошибочна и установка на то, чтобы не заострять борьбу против кулака. Но в то же время прямо-таки смехотворным является утверждение Л. Троцкого о том, что кулак является главным врагом китайского крестьянства и поэтому социально-экономическое содержание китайской революции есть социалистическая, пролетарская революция. В стране, где 60—70% всей земли находится в руках помещиков, где подавляющая масса крестьянства состоит из голодных арендаторов-испольщиков, где капиталистическая предпринимательская аренда слабо развита, где основной метод эксплоатации в деревне идет по линии выжимания ренты, а не по линии эксплоатации наемного труда батрака, где над батраком еще довлеют общекрестьянские бедствия, об'явить кулака главным врагом крестьянства это значит замазывать один из основных вопросов революции, вопрос о помещике.

Этот вопрос о помещике не могла и не сможет поставить партия китайской буржуазии, Гоминдан. Основным методом разрешения аграрного вопроса являются для Гоминдана карательные экспедиции против революционной деревни. Мы уже указали на то, что были отдельные попытки к подходу к крестьянскому вопросу и «реформистским» путем.

Но это были именно местные попытки к улучшению или ухудшению положения крестьянства. Но руководящие круги Гоминдана в настоящее время вырабатывают план для «разрешения аграрного вопроса» во всекитайском масштабе. Речь идет об «осуществлении» плана Сун Ят-сена. В чем этот план заключается? Мечтатель и фантазер Сун Ят-сен слыхал кое-что о Генри Джордже и о том, что Генри Джордж в нетрудовом увеличении дохода с земли искал источник всяких бедствий. И Сун Ят-сен предложил

налоговой политикой отнять от помещиков это нетрудовое увеличение дохода с земли в пользу государства. Сун предложил, что помещики сами должны указать цену на свою землю, и если они укажут цену очень высокую, то государство должно их обложить по высокой оценке, а если они укажут цену слишком низкую, то государство должно выкупить их землю по низкой оценке. На основании этой наивной мечты под руководством Ху Хан-Мина вырабатывается какая-то реформа земельного обложения. Суть этой реформы—на основании сведений, имеющихся в нашем распоряжении,—заключается в следующем:

1) Проводится новая перепись всех земель и на основании нового кадастра устанавливается поземельный налог в размере 1% цены земли.

2) В случае купли и продажи земли и в случае перехода земли по наследству будет взиматься налог с нетрудового увеличения дохода с земли.

Даже предполагая, что эти реформы будут проведены архиправильно (чего нельзя предполагать при нынешнем состоянии государственного аппарата), даже предполагая, что безобразия с обложением крестьянства и с системой отдачи налогов на откуп прекратятся, и то эти «реформы» нисколько не разрешают аграрного вопроса. Эти реформы нельзя назвать даже карикатурой на столыпинщину. Агрономические улучшения, насаждение кооперативного движения и тому подобные меры проводятся в Индии уже два десятка лет, а аграрный вопрос только обострился. Китайские земельные отношения и соотношения классовых сил в Китае исключают сколько-нибудь серьезную попытку к разрешению аграрного вопроса в духе Столыпина. Снижение арендной платы, снижение ростовщического процента, упорядочение налоговой системы, даже все вместе взятые, не могли бы заменить столыпинщину в условиях Китая. Столыпинские реформы все же привели к тому, что из помещичьего земельного фонда около 6 млн. десятин земли перешло в руки кулака. В Китае это невозможно. А опыт четырехлетней борьбы показывает, что даже снижение арендной платы и ростовщического процента и уменьшение налога тоже не проводится в жизнь, даже если декрет сверху об'являет эти мероприятия. Все данные указывают на то, что китайская буржуазия не выступит даже с карикатурой на столыпинщину.

А кризис сельского хозяйства все больше углубляется. И на фоне разорения деревни не прекращаются крестьянские выступления. На Юге Цзянси и Фуцзяни героические партизаны под руководством коммунистов Мао Цзе-Дуна и Чу Дэ окружены сочувствием крестьянских масс. На Юге Хунани революционер Хо Лун руководит партизанами. Они не могли бы удерживаться, если бы не поддержка крестьянских масс. На Северо-Западе в Гансу все еще продолжается мусульманское восстание. В провинции Цзянсу под Шанхаем уволенные шанхайские рабочие руководят крестьянской борьбой. И эти восстания в Цзянсу происходят под лозунгом компартии, под лозунгом «тройного отрицания», т.-е. не платить арендную плату, не платить долг ростовщику, не платить налога. В то же время крестьянские организации типа Красных Пик, Малых Ножей и т. д., очевидно, также находятся в оппозиции против гоминдановских порядков. Деревня бурлит, несмотря на карательные экспедиции, на купеческие отряды самообороны, на рост числа мынтуаней и несмотря на то, что местами даже кулак поддерживает гоминдановскую контрреволюцию. Китайская деревня остается пороховым погребом.

9. Рабочее движение и Гоминдан.

Однако, крестьянство может победить лишь в том случае, если рабочий класс возглавляет крестьянство как гегемон революции. А после поражения революции 1925—27 гг. на рабочий класс обрушились удары белого террора, физическое истребление части коммунистического авангарда, уничтожение профсоюзного актива, массовые увольнения и вообще все, что может обескровить пролетариат. Компартия в глубочайшем подполье. Партия сама пережила тяжелые кризисы. За последнее время оживляется работа партии, чувствуется новый приток сил. Но Гоминдан в течение почти двух лет все же успел создать и развивать, опираясь на свою власть, на монополию легальности и временную слабость компартии, свои желтые зубатовские профсоюзы. И гоминдановские профсоюзы научились кое-чему из опыта китайской революции и европейского реформизма и фашизма. Гоминдан применяет для подавления революционного рабочего движения самые жестокие методы белого террора, но не только методы белого террора. Ведь китайская зубатовщина осуществляется после того, как пролетариат прошел школу революции. Поэтому желтые гоминдановские профсоюзы применяют не только полицейский арбитраж, пропаганду сотрудничества между трудом и капиталом и тому подобные мало привлекательные учения, но они возглавляют стихийные стачки для того, чтобы обезглавить их; они иногда призывают к забастовке, чтобы помешать стихийным взрывам, они руководят петиционными кампаниями к Гоминдану, они возглавляют рабочие делегации к правительству, к с'езду Гоминдана и т. д. Они даже социальным законодательством пытаются втирать очки рабочим. В Шанхае издан декрет, запрещающий детский труд младше 12-летнего возраста и предписывающий, что до 16 лет дети могут выполнять лишь легкую работу. Беременным женщинам полагается шестинедельный платный отпуск. Фабрикант обязан содержать школу для детей рабочих. На случай увечия и болезни предприятие обязано оказывать врачебную помощь, и социальное бюро Гоминдана имеет право рассматривать случаи увольнения рабочих. Не трудно предсказать, что из этого декрета осуществится немногое. Не трудно предсказать, что демагогическое обещание о предоставлении пенсии, если рабочему исполнилось 50 лет, а приказчику 60 лет, не будет претворено в жизнь. Но эти факты указывают на то, что Гоминдан в крупных промышленных центрах на крупных промышленных предприятиях старается удержать рабочее движение в рамках гоминдановской легальности. За последнее время чувствуется уже работа коммунистов в гоминдановских союзах. Забастовки стали более упорными. Гоминдану становится более трудным возглавлять рабочее движение, чтобы обезглавить его. Труднее становится втиснуть рабочее движение в рамки гоминдановской легальности. Положение рабочих ухудшается в результате вздорожания продуктов. На шанхайских фабриках проводится также известная реорганизация и рационализация, и ткачей, например, заставляют работать вместо прежних двух на трех станках. Снижается заработная плата. Завоевания революционного периода отняты у рабочих.

Ленин неоднократно указывал, что рабочее движение в России быстро перерастет зубатовские рамки, и он же отметил, что подготовка 9 января 1905 г. началась как раз в одном из зубатовских союзов. В Китае уже чувствуется, как рабочее движение все сильнее давит на гоминдановские рамки. Гоминдан все чаще должен итти на довольно крупные маневры в роде того, что он призывал к прекращению работ 1 мая. Крупного прорыва еще нет. Но революционное рабочее движение как будто уже перешло через самый глубокий пункт нисходящей волны, последовавшей после поражения революции. Рабочие массы переваривают опыт генеральной репетиции 1925—27 гг. Неизвестно, когда последует новый взрыв, но рабочий класс и его коммунистическая партия

будут другими, чем в 1925 г. Пролетариат закаляется, и коммунистическая партия зреет, растет, крепнет внутренне.

10. Возможна ли „кэммэрэризация“ Китая?

Вот, в основных чертах, позиции борющихся классов в Китае.

Каковы же ближайшие перспективы? Перед Китаем два пути развития на ближайшее время: путь рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса, путь революции, путь революционного об'единения страны, свержения империализма и плебейского разрешения аграрного вопроса. Другой путь, путь буржуазии, идет через превращение страны из полуколонии империализма экономически в колонию империализма. Этот путь развития может быть осуществлен либо через раздел страны между крупнейшими группами банков или же через подчинение решающих областей страны американскому финансовому капиталу. Американец Кэммэрэр является теперь официально советником Нанкинского правительства. Если осуществится подчинение Китая американскому капиталу, то Кэммэрэр станет диктатором Китая. Это не будет «дауэсизация» Китая. Германия сама была империалистической страной, имеет гигантски развитый производственный аппарат, прекрасную технику, т.-е. целый ряд предпосылок для того, чтобы вырваться из закабаления. Это будет «кэммэрэризация» Китая, т.-е. в смысле экономическом наиболее жестокая колониальная эксплоатация китайских рабочих и крестьян, при чем китайская буржуазия выполняет ту же роль, как надсмотрщик на шанхайских фабриках. Это вовсе не исключает некоторые уступки в области неравных договоров. Но зато вся экономика страны будет отдана финансовому капиталу на откуп.

Многие данные указывают на то, что Нанкинское правительство и финансовый капитал С.-А. С. Ш. вступят на путь осуществления «кэммэрэризации» Китая. Может быть, С.-А. С. Ш. в порядке маневра с целью расшатывания англо-японского соглашения предложат кое-какие крохи Японии. Но в основном американский финансовый капитал хочет сохранить за собой весь Китай в качестве колонии.

Осуществим ли этот путь на более или менее длительный исторический период?

Россия была империалистической страной, и после 1905—6 гг. все же понадобились иностранные займы, столыпинщина и более или менее «спокойная» международная обстановка (спокойная в смысле внешних потрясений), чтобы отвоевать некоторую передышку для победившей контрреволюции. Китай—полуколониальная страна. Столыпинские попытки в Китае маловероятны. Таким образом, остается ускорение накопления китайского капитала путем усиления эксплоатации рабочих и крестьян (если вообще возможно повышение нормы эксплоатации в Китае) и ускорение капиталистического развития страны путем ввоза иностранного капитала. Этот путь обозначал бы собой разорение, острое, быстрое, резкое вытеснение десятков миллионов ремесленников из производственного процесса. Это обозначало бы собой полное вытеснение, острое, быстрое, резкое вытеснение десятков миллионов кули из сферы производства и транспорта. Это обозначало бы собой чрезвычайно острое ускорение процесса разложения крестьянства, разорение и пауперизацию десятков и десятков миллионов крестьян. При этом лишь весьма небольшая часть ремесленников, кули и крестьян могла бы устроиться в промышленности в качестве пролетариев. Этот путь обозначал бы собой воспроизводство противоречий между самостоятельным развитием страны и между империалистическим закабалением на более высокой ступени развития. Гильфердинг в 1909 г. в своей работе

«Финансовый Капитал» провозгласил не только «деколонизацию» Китая, но предсказал даже попытки колониальной экспансии со стороны Китая. Но жизнь показала, что этому предсказанию грош цена.

И все эти процессы происходили бы в сопровождении острейшей борьбы между империалистами. Попытка раздела Китая на сферы влияния точно так же трудно осуществима без новой мировой войны, как попытка монопольного овладения Китаем со стороны С.-А. С. Ш. Все эти процессы происходили бы в стране, где рабочий класс и крестьянство уже проделали генеральную репетицию революции, где вспыхивают рабочие выступления, где уже сейчас бурлит деревня. Все эти процессы происходили бы и отчасти уже происходят в период, когда СССР уже существует, когда Коминтерн уже существует, когда революционная борьба на Западе и национально-революционная борьба на Востоке обостряется, когда, например, в Индии усиливается революционное брожение. И если китайская революция ускорила под'ем новой революционной волны в Индии, то под'ем новой волны в Индии может значительно ускорить новый под'ем в Китае. Поэтому мы считаем, что попытка «кэммэрэризации» Китая может дать лишь весьма краткосрочную передышку контрреволюции.

Кэммэрэризация не может разрешить основные проблемы, поставленные ходом исторического развития перед Китаем.

Эти проблемы разрешит революция рабочих и крестьян под руководством рабочих.

С. Новиков.

Антисоветская военная программа германской соц.-демократии [1]).

4. Мнение Каутского.

Но если Штампфер и К° старательно прячут срамоту своей агрессивной, антисоветской военной программы под различнейшими фиговыми листками, то Каутский не стесняясь обнажает все срамные места. Он открыто заявляет, что версальские нормы ниже минимума, необходимого для защиты отечества. Он с неподражаемым цинизмом говорит, что Интернационал не должен брать на себя безусловное обязательство ответить на об'явление войны такими революционными актами, как всеобщая забастовка в военной промышленности, ибо это осуществимо не в начале войны, а лишь в конце ее, когда измученные массы жаждут мира. Гарантию действительной борьбы с опасностью новых войн он видит в сотрудничестве двух инструментов и ангелов мира—II Интернационала и Лиги Наций. Они-то и призваны бороться с главными военными опасностями: 1) с национализмом балканизированной Восточной Европы и колониального Востока, 2) с фашистскими диктатурами (в России (sic!), Италии, Польше и Венгрии) и 3) с конкуренцией вооружений.

Для старого, изолгавшегося софиста Каутского очень характерно, как он протаскивает СССР в список фашистских диктатур. Он не смеет прямо утверждать, что в СССР—фашистская диктатура. Он «только» начинает свой обзор фашистских диктатур с... СССР. Прямого утверждения, что СССР фашистская страна с фашистской диктатурой как будто и нет, но все же оно есть. Каутский не утверждает, что советская власть фашистская диктатура, он только намекает, что советская власть, первая среди фашистских диктатур. Каутский настолько «об'ективен», что главную военную опасность он видит даже не в СССР, а в фашистских режимах Италии, Венгрии и Польши: нашу мирную политику он об'ясняет разрухой всего народного хозяйства в Советском Союзе и вытекающей отсюда неспособностью СССР вести какую-бы то ни было войну, ни оборонительную, ни наступательную. СССР хотел бы, но не может воевать» [2]).

С национализмом колониальных народов Каутский советует правительствам и социалистам Англии, Франции и Голландии бороться заменой военной экспансии цивилизаторской, мирно-экономической и культуртрегерской колониальной политикой по примеру Германии и С.-А. Соед. Штатов в Китае. Против конкуренции вооружений он проповедует пацифистское воздержание (постепенное разоружение и интернационально нормированное вооружение). Для борьбы с самой главной военной опасностью, с диктатурами—Каутский, имея в виду СССР, уполномочивает Лигу Наций наказать ослуш-

[1]) Окончание. Начало ст. см. в предыд. номере.
[2]) K. Kautsky, «Wehrfrage und Sozialdemokratie», SS. 30—32.

ников ее воли к миру внешней интервенцией и внутренней гражданской войной. Зато, предупреждает он, было бы преступлением апеллировать к оружию в демократических странах как в классовой борьбе, так и в междугосударственных конфликтах.

Старый доносчик жалуется, что большевизм хочет противопоставить Лиге Наций и ее борьбе за мир всемирную революцию и всемирную войну: вторую для развязки первой. Как «знаток» ленинизма, он раз'ясняет, что под мировой революцией большевики понимают «не развитие в направлении к социализму, т.-е. необходимо постепенный процесс, а одновременное (?!), неожиданное (??!) свержение всех существующих в мире правительств, за исключением русского, которое таким образом пришло бы к мировому господству и сумело бы продиктовать всем порабощенным народам свои условия мира» [1]). Для развязки мировой революции большевики проповедуют мировую войну, а для развязки мировой войны они разжигают во всем мире национальные противоречия и конфликты. «Мировую революцию, которая должна заменить Лигу Наций, они рассматривают не как средство для изгнания войны, наоборот, они нуждаются в войне, как прологе революции» [2]).

Мы не станем унижать читателя полемикой с этими поистине сумасшедшими пустяками, которые в такой нелепой форме могли зародиться только в голове пережившего себя ренегата, потерявшего давным-давно стыд, совесть и разум. Но в этом безумии есть своя логика! Это—логика О. Бауэра и всей К° II Интернационала, болтающих о «защите» СССР и одновременно подготовляющих антисоветскую войну распространением гнусной легенды о советском империализме и смакованием софизма о спекуляциях СССР и Коминтерна на мировую войну для развязки мировой революции. Бауэр и левая с.-демократия делают это более тонко, чем Каутский и правая соц.-демократия, но это делают все, каждый по силе и способности, каждый в своем стиле: Бауэр в форме тончайшей дипломатии, Каутский—в форме топоумных острот (напр., о мировой революции, как одновременном и неожиданном свержении всех существующих в мире правительств, кроме русского...).

Когда апостол демократической постепенности и мира для капиталистических стран, когда проповедник интервенции и гражданской войны для СССР К. Каутский болтает и лает, что мы готовим всемирную войну для развязки всемирной революции, он разоблачает не только себя, но и весь II Интернационал, что они готовят антисоветскую войну, для развязки контрреволюции в СССР. Военная программа германской социал-демократии, меморандум Гренера, антисоветский военный пасквиль Каутского, передовицы Штампфера и брюссельский манифест О. Бауэра, — все это документы из одной и той же серии фальшивок, которые международная буржуазия и ее с.-д. агентура фабрикуют для идеологической подготовки интервенции в СССР.

Когда К. Каутский говорит, что СССР хотел бы воевать, но, благодаря разрухе всего народного хозяйства, он теперь неспособен к наступательной и даже к оборонительной войне [3]), то во всем антисоветском контексте его пасквиля это местечко звучит, как обнадеживание будущих интервентов, что война с СССР не сопряжена для них с особыми опасностями. Сделав такое допущение, Каутский и его хозяева просчитаются: они могут быть уверены, что пролетарии Советского Союза и всех стран соединятся для обороны первого в мире социалистического отечества. И мы победим, потому что это единственное отечество, которое международный прелетариат обязан и будет защищать.

[1]) Там же, 26.
[2]) Там же, 27.
[3]) Там же, 31—32.

Защиту буржуазного отечества в будущей антисоветской или вообще империалистической войне Каутский заранее оправдывает двоякого рода софизмами: новыми и старыми. Во-первых, во всей военной брошюре Каутского пасквиль на СССР является побочным продуктом апологии послевоенной Германии: ее демократического и республиканского устройства, ее техники и культуры, ее науки и морали, ее международной политики, основанной «на моральных, интеллектуальных и экономических ценностях», ее мирно-цивилизаторской экспансии и торговли, ее исторической разоружительной миссии и ее высокого положения в концерте держав.

Для славословия германского неоимпериализма Каутский находит в своей обычно тусклой палитре необычайно яркие краски: «Германия вводит в историю новый тип государства, новый род политики». «10 лет существует великое государство... в сердце Европы, в центре мировых сношений, граничa с вооруженными до зубов государствами. Вопреки всему этому, оно в такой ситуации, без достойной упоминания армии удержалось, утвердило свою независимость и из глубочайшего унижения даже поднялось к относительному благосостоянию и высокому положению: это великое государство—Германия!». «Ее купцам, напр., в Китае, отдают предпочтение... Ее научные достижения пользуются всеобщим признанием. Германия снова занимает выдающееся место в совете народов». «Мир может спастись, если он последует примеру, который демократическая, резоруженная Германия дает остальным народам» [1]).

Этот лакейский панегирик германскому неоимпериализму показывает, как прав был Ленин, когда он еще в 1915 г. писал, что «Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контрреволюционную теорию, в самую грязную поповщину», что «Каутский довел марксизм до неслыханного проституирования и превратился в настоящего попа». «Поп уговаривает капиталистов перейти к мирной демократии»... «Поп утешает угнетенные массы»... «Поп должен рисовать им перспективы смягчения бедствий при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать революционное настроение, разрушить их революционную решительность» [2]). Каутский делал это с большим искусством в годы империалистической войны и послевоенные годы, он делает это и сейчас и будет делать с еще большим усердием, если не с большим искусством, в случае новой войны. Со свойственной ему, по выражению Ленина, «цивилизованной манерой ползать на брюхе», он славословит демократическую республику Гинденбурга, чтобы вплотную подвести германских рабочих к убеждению, что такое благословенное, примерное, образцовое и любезное отечество нельзя не защищать в будущей войне с недемократическими, фашистскими государствами, среди которых на первом плане у Каутского фигурирует .. СССР.

К этим новым софизмам Каутский двигает на подмогу свои старые софизмы, пущенные им в ход для оправдания защиты отечества еще во время империалистической войны 1914—18 гг. Каутский утверждает, что империалистские войны между европейскими державами почти невозможны. По его мнению, «из империализма до сих пор произошли только многие колониальные войны, но ни одна война между европейскими державами [3]). Даже мировая война не была непосредственно (direkt) империалистической» [4]). В феврале 1915 г. он писал, что война «все же такая (империалистическая), но в последнем счете» [1]). В мае того же года он утверждал, что она «не чисто империалистская», что она еще и национальная [2]). Теперь же он уверяет, что она «не была непосредственно - империалистской». Каутский тогда увиливал от прямого и ясного ответа на вопрос о конкретном характере данной войны общими «диалектическими» ссылками на бесконечно - разнообразную действительность, на национальные настроения народных и пролетарских масс и империалистские тенденции господствующих классов [3]). Теперь же он тщится доказать, что империалистские войны между европейскими державами вообще не бывали и не будут (колониальные войны этот слащавый поп за войны не считает!).

Если в 1914—15 гг. он осторожно допускал возможность мирного, разоруженного ультра - империализма, хотя и не ручался за его осуществимость, то теперь он считает эту возможность осуществившейся действительностью. «Мы уже вступили в период интернациональных картелей и интернациональных трестов, интернациональных организаций финансового капитала», которые для своего преуспеяния нуждаются в мире. Одним словом, «мы» уже вступили в эпоху мирного ультраимпериализма. Поэтому, «со времени мировой войны угроза миру империализмом еще более уменьшилась» (по сравнению с 1915 г.). К тому же «колониальный мир поделен и все более подымается против европейских господствующих наций» [4]). Европейские державы не станут воевать теперь друг с другом из-за колоний, ибо риск и издержки такой войны больше возможного выигрыша в случае победы. Они предпочитают разрешать свои империалистические конфликты мирным образом на конференциях.

Итак, империалистские войны (между европейскими державами) маловероятны или даже невозможны. Однако, страницей раньше Каутский утверждает, что «империализм не оттесняет других причин войны, но присоединяется к ним, как новая «причина». Вопрос о характере каждой отдельной войны не упрощается им, а усложняется [5]). «Как и прежде, каждая война остается сложным явлением, которое мы обязаны исследовать» [6]). Подменяя диалектику самой подлой и низменной софистикой и эклектикой, Каутский ставит рядом два несколько противоречивых и сбивчих решения одного и того же вопроса о характере империалистской войны 1914—18 гг. и будущих империалистических войн. Он нагромождает один на другой ряд софизмов, чтобы скрыть империалистический характер прошлой и будущей мировой войны, чтобы оправдать таким образом защиту буржуазно - демократического отечества. Война «все же в последнем счете империалистская» (одно решение); война «не чисто империалистическая» (другое решение); война не была «непосредственно - империалистической» (третье решение); «из империализма до сих пор между европейскими державами не произошла ни одна война», стало быть, война 1914—18 гг. не была империалистской ни непосредственно, ни косвенно (четвертое решение); империализм присоединяется к старым причинам, как новая причина (стало быть, война в некоторой степени империалистская (пятое решение). В конечном счете он склоняется к решению, что «угроза миру со стороны империализма ничтожна» [7]). Последний вывод из всей этой электической каши: «война—сложное явление

[1]) Там же, 60, 61, 62.
[2]) Ленин, «Крах II Интернационала», гл. V (т. XIII, изд. 1924, стр. 156).
[3]) Курсив наш. *С. Н.*
[4]) Kautsky, «Wehrfrage und Sozialdemokratie», 27, 17.

[1]) Kautsky, «Nationalstaat etc.», S. 64.
[2]) Его же, Nochmals unsere Illusionen, «Neue Zeit» № 9 28/V 1915, II B., S. 274.
[3]) Там же, 273.
[4]) «Wehrfrage und Sozialdemokratie», S. 17.
[5]) Там же, 16.
[6]) Там же, 17.
[7]) Там же, 37.

которое мы обязаны обстоятельно исследовать», чтобы... как-нибудь оправдать защиту отечества.

Каутский пространно цитирует о характере войны свою брошюру о «Национальном государстве» и подтверждает свое старое утверждение, что глубочайшей причиной войны была конкуренция вооружений и порождаемая ею атмосфера взаимного страха и недоверия. В этой брошюре он писал, что война в последнем счете империалистская. «Империализм постольку виноват в военной катастрофе, поскольку он был движущей силой конкуренции вооружений» [1]). Теперь он готов внести поправку: «империализм был одной, но не единственной движущей силой этих вооружений» [2]). Каутский не смеет отрицать, что эта одна, хотя и не единственная причина была, есть и будет самой главной причиной, экономическим основанием прошлой и будущей мировых войн, но он всячески старается подсунуть читателю именно такое убеждение, что империализм одна из многих, но отнюдь не главная причина этих войн: «Он ни в коем случае не образует самую значительную из причин войны» [3]).

«Воображали, что дают материалистическое, марксистское об'яснение противоречий между Англией и Германией в течение последних десятилетий перед мировой войной, когда сводили эти противоречия к промышленному соревнованию, к возмущению англичан ростом германской индустрии» [4]). По Каутскому такое об'яснение противоречит историческим фактам: несмотря на промышленную конкуренцию, Англия не относилась враждебно к С.-А. С. Ш. до и во время войны, а теперь она враждует не с Германией, а с С.-А. С. Ш. Дело не в промышленном соревновании, а в конкуренции вооружений, в соотношении флотов: Англия до войны опасалась не американского, а германского флота, а теперь наоборот. Каутскому не приходит в голову задать себе вопрос: а чем же вызывается конкуренция вооружений? Или в лучшем случае он на этот вопрос ответит: многими, разными, сложными причинами, империализм среди них одна, но не единственная причина и т. д. и т. п. Скорее всего он готов ответить: конкуренция вооружений и военные соглашения вызываются взаимным страхом и недоверием. А взаимный страх и недоверие? Конкуренцией вооружений и военными соглашениями [5]). Киты на воде, вода на земле, земля на китах...

Итак, империализм почти или совсем никакой роли не играет, как движущая сила прошлой и будущей мировых войн. Каутский имеет более «материалистическое» об'яснение: все дело в конкуренции вооружений, в военных соглашениях и атмосфере взаимного недоверия и страха. Скатившись, таким образом, к непроходимо эклектической и идеалистической позиции, согласно которой глубочайшая причина прошлой и будущей мировых войн коренится не в экономических противоречиях империализма, а в политико-психологических антагонизмах и переживаниях современных государств и их правительств, Каутский приступает к исполнению своих прямых социальных функций... попа: «Это будет самая страшная, распространенная и бессмысленная из всех войн, и притом самая неизбежная, если не удастся приостановить политику вооружений» [6]). «Нет сомнения, что теперешние государственные мужи нигде этого не хотят. Все честно хотят мира». [7]). «Указать народам путь к спасению— самая возвышенная, всемирно-историческая задача международной социал-

[1]) Там же, стр. 37.
[2]) Kautsky, «Nationalstaat», S. 64.
[3]) Его же, «Wehrfrage und Sozialdemokratie». 16.
[4]) Там же, стр. 40.
[5]) Там же, 37.
[6]) Там же, 41.
[7]) Там же, 40.

демократии [1]). Поп славословит своих хозяев за их мирные и честные намерения. Поп на крайний случай пугает их страшным судом — война «будет самая страшная» и т. д. Поп, наконец, утешает народные массы софизмом: «нет ничего ошибочней утверждения, что длительный мир может наступить лишь, когда будет завоеван социализм», что «пока господствует капиталистический способ производства, войны время от времени неизбежны». Не только пролетариат, но и другие классы и слои народа нуждаются в мире и демократии, как необходимых условиях своего освобождения. Отсюда, говорит Каутский,—необходимость коалиции для совместной борьбы за мир и демократию. «Они (мир и демократия) предвестники» социализма, «и их достижение и сохранение порою гораздо более принадлежит к нашим непосредственным практическим задачам, чем преодоление капитализма, хотя мы уже теперь должны также подготовлять и преодоление капитализма социально-политическими мероприятиями там, где для этого существует возможность» [2]) Поп уговаривает пролетарские народные массы: вечный мир возможен и при капитализме, «преодоление» капитализма мы будем по возможности подготовлять соц.-политическими реформами, пока же нужна коалиция с буржуазией для борьбы за мир и демократию. А хозяевам поп говорит: мы обязуемся защищать отечество и докажем свою коалиционоспособность.

Такова «одна» из причин, хотя и не «единственная», но безусловно главная причина, побудившая Каутского написать свою военную брошюру с отвратительным пасквилем на СССР и подлейшей апологией германского неоимпериализма. Теоретическое обоснование и принципиальная часть проекта соц.-империалистской военной программы германской социал-демократии принадлежат прежде всего К. Каутскому, апостолу интервенции в СССР и мира капитализму. Каутский выполнил социальный заказ своих хозяев. Он всегда готов к услугам, как «Mädchen für alle». Эта суровая характеристика Каутского, принадлежащая перу Р. Люксембург и Ф. Меринга, теперь более верна, чем когда бы то ни было.

5. Поправочки О. Бауэра.

В своих старых военных писаниях, направленных против открытых соц.-империалистов Кунова, Ленча и Давида, и в многочисленных антисоветских пасквилях Каутский проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в проституировании марксизма. До Марсельского конгресса он был главным поставщиком центристских теорий для оправдания контрреволюционной, соц.-реформистской и соц.-империалистской, и в частности антисоветской, политики международной соц.-демократии. С Марсельского конгресса эта роль перешла к О. Бауэру. За 10 лет проституирования марксизма, от начала мировой войны до Марселя, Mädchen für alle Каутский настолько износился, что он перестал удовлетворять II Интернационал. Его некогда тонкая софистика выродилась в самую грубую и низменную пошлятину, нашедшую свое высшее выражение в его знаменитом Марсельском доносе II Интернационалу о Советской России. После Марселя Каутский - политик вышел в тираж. Вслед за Куновым он ушел из большой политики в «науку». Политически Каутский занял место Кунова, а Бауэр место Каутского. Теперь так называемый «марксистский центр» и, стало быть, проституирование марксизма персонифицируется О. Бауэром, теперь уже не Каутский, а Бауэр должен нести высокое звание Mädchen für alle... для всех социал-империалистов II Интернационала. И надо сказать, что своим ремеслом священной австро-марксистской проституции О. Бауэр занимается с таким достоинством

[1]) Там же, 41.
[2]) Там же, 19.

и виртуозностью, на которые одряхлевшая Mädchen für alle № 1—старушка Каутский — уже неспособен.

Будучи первым лицом во II Интернационале, Бауэр в военную дискуссию германской соц.-демократии публично вступает последним, чтобы сказать свое веское слово и подвести итоги к сведению и руководству спорящих сторон правого большинства и левого меньшинства [1]). Он прежде всего констатирует, что между большинством и меньшинством нет разногласий по вопросу о всеобщем разоружении, о всемирно-исторической миссии Германии в деле разоружения и в практических требованиях по демократизации и республиканизации рейхсвера и введению парламентского контроля над военным ведомством. Остается лишь одно разногласие: большинство стоит за сохранение вооруженной силы для защиты нейтралитета Германии и самоопределения ее народа, меньшинство за устранение этой вооруженной силы еще до всеобщего разоружения, считая, что при капитализме всякая война носит всегда характер господствующего империализма и что поэтому социал-демократия должна быть против всякой войны, даже оборонительной или войны для защиты нейтралитета. О. Бауэр принимает всерьез «революционный» (а на самом деле чисто-словесный) пацифизм левых. Он просто не замечает кричащего противоречия между словесным радикализмом принципиальной части левой программы и весьма позитивным, реформистским характером левой «программы действия» в военном вопросе, хотя он сам же утверждает, что в существенном — в практических вопросах — между правым большинством и левым меньшинством нет разногласий. Итак, существует коренное принципиальное противоречие, которое он, О. Бауэр, и призван разрешить в высшем синтезе, примирив крайности реформистского большинства и «революционного» меньшинства.

О. Бауэр решительно высказывается за сохранение вооруженной силы германской республики по целому ряду соображений исторических, политических и стратегических:

1) Германская социал-демократия до войны боролась с немецким милитаризмом под лозунгом: «Этой системе ни одного солдата, ни одного гроша». Но никогда социал-демократия не требовала устранения всякой вооруженной силы в капиталистическом государстве, а лишь замены постоянного войска милицией. Как истый софист, О. Бауэр незаметно протаскивает своей исторической справочкой скрытый тезис, что германская соц.-демократия всегда — и до войны — стояла за защиту отечества при всяких условиях. Простак Зеверинг говорит такие вещи совершенно открыто [2]), со ссылками на Бебеля, а дипломат Бауэр делает то же самое, но почти незаметно. Бауэру совершенно не приходит в голову сказать своим читателям, что в отличие от довоенной соц.-демократии, не только правое большинство, но и левое меньшинство расквитались со старомодным лозунгом: «Этой системе ни солдата, ни гроша», правые без всяких стеснений, а левые с жеманством: в принципиальной части они «отнимают» у буржуазии все средства вооружения, чтобы в «программе действия», т.-е. на практике, «вернуть» их той же буржуазии, голосуя «за снижение расходов по военному бюджету», а не против всяких военных кредитов [3]). Дипломатическое умолчание Бауэра об'ясняется очень просто— он сам стоит за военные кредиты своему настоящему отечеству — демократической республике Зейпеля. Как же он откажет в таких кредитах своему

---

[1]) O. Bauer, «Wehrfrage und Sozialdemorkatie», «Kampf», 1929, № 3.
[2]) Severing, «Randbemerkungen zu den Richtlinien», «Gesellschaft», 1929 г., III, SS. 199—201.
[3]) **Vorschläge für Programmformulierungen zum Wehrproblem, «Klassenkampf», Sonderheft «Sozialdemokratie und Wehrproblem», S. 3—4.**

будущему отечеству, демократической республике Гинденбурга — Гильфердинга?

2) Полное разоружение Германии до всеобщего разоружения изменило бы не только соотношение сил немецкой буржуазии и немецкого пролетариата, но и все соотношение сил между европейскими государствами в пользу держав-победительниц против Германии и СССР. Бауэр, в отличие от нас грешных считает маловероятной интервенцию в СССР, но «если советский режим будет потрясен тяжелыми хозяйственными кризисами, такая война станет вероятной» [1]). В случае такой войны разоруженная Германия могла бы стать проходной зоной для интервентов. Международный и немецкий пролетариат не может желать, чтобы контрреволюционная война против Советского Союза и нарушение немецкого нейтралитета были облегчены разоружением Германии. По этим политико-стратегическим соображениям Бауэр считает, что требование левых о разоружении Германии и их отрицательное отношение к вооруженной защите германского нейтралитета было бы равносильно «дружественному приглашению тяжело вооруженных держав, чтобы они не стеснялись использовать немецкую территорию, как этап и проходную зону, когда она им понадобится для контрреволюционной войны» против СССР [2]). О. Бауэр не чета какому-нибудь Каутскому, он против интервенции в СССР, он еще в Брюсселе «защищал» СССР, говоря, что Коминтерн и Советский Союз готовят всемирную войну для развязки мировой революции; он и теперь «защищает» СССР, очень осторожно предупреждая мировую буржуазию, что интервенция в СССР станет вероятной (и с вероятным успехом? *С. Н.*), «когда советский режим будет потрясен хозяйственными кризисами».

Этот ход мыслей Бауэр изложил еще в своем мнении, представленном военно-программной комиссии. «Соцвестник» понял Бауэра таким образом, будто он за то, чтобы Германия нарушению ее нейтралитета в случае франко-польской войны против Советского Союза «противопоставила вооруженное сопротивление». Бауэр спешит раз'яснить, что это ошибка. Он-де не настолько глуп, чтобы заранее писать рецепты для поведения в таких ситуациях, относительно которых он не может знать, как они сложатся конкретно. Он не хотел сказать и не сказал больше, чем выше изложено (что разоружение Германии было бы поощрением интервенции в СССР и нарушения германского нейтралитета). Бауэр совершенно прав, герои «Соцвестника» не поняли своего героя — О. Бауэра. В самом деле, он хотел сказать, что интервенция в СССР станет вероятной и с вероятным успехом в случае потрясения советского режима хозяйственными кризисами, а его поняли, что он за вооруженное сопротивление нарушению германского нейтралитета «вероятными» интервентами.

С софистами часто так бывает: не они господствуют над своей софистикой, а софистика господствует над ними и ведет их к саморазоблачению. Германии нужна вооруженная сила для защиты своего нейтралитета в случае контрреволюционной войны против СССР! — лгут все софисты, начиная со Штампфера и кончая Бауэром, но как раз тончайший из всех софистов, О. Бауэр, пробалтывается, что вооруженное сопротивление нарушению германского нейтралитета в случае интервенции СССР маловероятно: «Будет ли государство в этом случае в состоянии отразить вооруженной силой ворвавшихся на его территорию и выступит ли германская соц.-демократия за то, чтобы государство это сделало, зависит от конкретных исторических обстоятельств, которых нельзя предвидеть». Разумеется, что диалектика требует приспособления политики к конкретной ситуации. Но только

---

[1]) Bauer, «Wehrfrage und Sozialdemokratie», «Klassenkampf», 1929, № 3, S. 111.
[2]) Там же, стр. 112.

подлый софист может на этом основании требовать сохранения вооруженной силы Германии для защиты ее нейтралитета в случае контрреволюционной войны против СССР и одновременно заранее отрекаться от вооруженной защиты этого нейтралитета. Изолгавшийся и запутавшийся софист О. Бауэр сказал больше, чем он хотел. «Соцвестник» его не понял, зато мы его понимаем. Его гнусная истинно-каутскианская болтовня о потрясении советского режима тяжелыми хозяйственными кризисами, его предупреждение, что с.-демократия вряд ли будет за вооруженное сопротивление нарушению германского нейтралитета в случае интервенции в СССР есть не что иное, как плохо замаскированное, но весьма «дружественное приглашение тяжело вооруженных держав, чтобы они не стеснялись использовать немецкую территорию, как этап и проходную зону, когда она им понадобится для контрреволюционной войны» против СССР!

Итак, Бауэр за сохранение вооруженной силы Германии, поэтому он против контрпроекта левых. Он за проект комиссии форштанда, но вносит три поправочки:

1) Следовало бы сильнее подчеркнуть готовность Германии в частичному разоружению, не дожидаясь всеобщего разоружения; его (как и Тони Зендер) не удовлетворяет отрицательная формулировка, в которой проект отмежевывается от распространенной в Германии и германской соц.-демократии теории исчерпания версальских норм вооружения (Ausschöpfungstheorie).

2) Проект высказывается за сохранение вооруженной силы для защиты нейтралитета Германии и «самоопределения ее народа». Бауэр предпочел бы выбросить опасное слово «самоопределение», которое может быть истолковано, что Германии нужна армия для того, чтобы в случае европейской войны «самоопределиться» в пользу одной из воюющих сторон. Он предпочел бы сказать так: «Германии нужна армия, чтобы в случае войны с другими державами организовать защиту своей границы для соблюдения своего нейтралитета». Одним словом, приближаясь к «левому» Кюнстлеру, Бауэр хочет защиты государственных границ, тогда как откровенные «защитники отечества», по остроумному раз'яснению правого Лебера, хотят защиты границ государства.

3) Проект требует сохранения армии, пока опасности войны в Европе «не могут быть устранены социалистическими правительствами, по меньшей мере в главнейших странах». Бауэр говорит, что он бы не дожидался образования социалистических правительств в соседних странах и он бы иначе поставил вопрос о разоружении Германии при изменении отношений западных держав к Советскому Союзу, а это мыслимо и при буржуазных правительствах во Франции и Польше. Стало-быть, О. Бауэр готов частично разоружить свое будущее отечество, как только реакционные режимы Пуанкаре и Пилсудского сменятся более демократическими режимами. Он бы предпочел сказать, что «Германии нужна армия до тех пор для защиты своего нейтралитета, пока существует опасность, что капиталистические и империалистические державы могут злоупотребить ее территорией, как этапом и проходной зоной в империалистических и контрреволюционных войнах». В основе этой поправочки лежит каутскианская теорийка ультраимпериализма и надежда филистера, что «демократический» капитализм снимает опасность империалистских и контрреволюционных войн. Во всяком случае, при образовании более демократических кабинетов в Польше, Франции и Англии О. Бауэр, очевидно, готов частично разоружить Германию, чтобы... германская соц.-демократия с легким сердцем могла отказаться от вооруженного сопротивления нарушению нейтралитета Германии в случае «демократической» интервенции западных держав в недемократический СССР.

Но О. Бауэр не был бы самим собою, если бы он не обставил своей полемики с обоими крыльями соц.-демократии существенными оговорочками, которые должны примирить крайности и выставить в наилучшем свете возможный синтез военных позиций правого большинства и левого меньшинства. Он говорит, что левые имеют некоторое право на основании опыта 1914—18 гг. опасаться, что программа большинства при военных осложнениях в Европе может быть использована для повторения ошибок «социализма большинства (Mehrheitssozialismus) военного времени» (т.-е. «ошибок» соц.-империализма). Но... так как проект форштанда воспринял из брюссельской резолюции о разоружении готовность оказать «возможно сильнейшее давление»... «даже революционными средствами»... «на всякое правительство», которое будет зачинщиком войны, то для софиста О. Бауэра этих пустых словечек совершенно достаточно, чтобы утверждать, будто этот проект означает для немецких соц.-демократов не обязанность и право «защиты отечества», а лишь обязанность и право совершить революцию против виновного правительства; обязанность и право защиты отечества возникли бы только в том случае, если бы Германия подверглась нападению. Коротко говоря, по Бауэру, проект форштанда дает немецкой соц.-демократии право на революцию в случае наступательной войны и право на защиту отечества в случае оборонительной войны со стороны Германии, как будто в империалистической войне 1914—18 гг. соц.-империалистические негодяи всех стран не прикрывали свою защиту отечества отговоркой, что их отечество ведет оборонительную войну!

После всего сказанного О. Бауэру остается сделать еще один шаг и открыть нужный синтез: к праву на революцию в одном случае и на защиту отечества в другом случае он предлагает добавить в проекте право на революционную защиту отечества в случае оборонительной войны. Будущая война будет индустриальной войной. Успех такой войны будет зависеть от напряжения сил рабочего класса, а пролетариат будет работать и драться только для защиты своего отечества. Поэтому О. Бауэр для превращения проекта форштанда в образец совершенства предлагает дополнить идею защиты отечества в оборонительной войне идеей защиты отечества даже в такой войне лишь под руководством пролетариата, т.-е. идеей революционной, якобинской защиты отечества в духе Маркса, Энгельса и Розы Люксембург. (В скобках надо заметить, что все эти идейки О. Бауэр позаимствовал у П. Леви и из военных программ левой соц.-демократии, особенно из лейпцигского проекта) [1]).

Итак, синтез правой и левой программы открыт О. Бауэром на 3 месяце дискуссии. Штампфер и Леви об'единены в высшем синтезе революционной, якобинской защиты отечества. Профессиональные жирондисты Штампфер, Леви, Бауэр (с Каутским в придачу) в роли якобинцев XX века! Можно ли придумать более злую карикатуру? О Бауэр, оказывается, не только блестящий дипломат, но и авто-карикатурист. Если бы военная программа О. Бауэра осуществилась, мы были бы свидетелями такой всемирно-исторической картины: Австрия присоединяется к Германии. О. Бауэр становится министром иностранных дел, а П. Леви военным министром Великой Германии, Каутский придворным историком, а Штампфер шеф-редактором правительственного лейб-органа. Квартет этих революционных оборонцев-якобинцев «разоружает» великогерманскую армию по рецепту «нормированного вооружения», чтобы удержать германский пролетариат от вооруженного сопротивления нарушению германского нейтралитета в случае интервенции западных держав в СССР. С.-д. программа защиты германского «нейтрали-

---

[1]) Ср. P. Levi, «Wehrhaftigkeit und Sozialdemokratie», особенно предпол. по 2-му изд. «Unser Wherprogramm». «Leipziger Volkszeitung», 28/I—1929.

тета» и «защиты» СССР была бы выполнена до конца. Но... за конец мы еще поборемся с господами жирондистами II Интернационала. Будущее принадлежит международной коммунистической партии—III Интернационалу, об'единяющему в своих рядах подлинных якобинцев XX века—коммунистов всего мира. Будущее принадлежит Международному Союзу Советских Республик и его предтече—СССР.

Рабочий философ Иосиф Дицген, самостоятельно открывший диалектический материализм, любил говорить, что в философии и политике партия середины самая гнусная партия. О. Бауэр видит призвание австро-марксизма и всего т. н. «марксистского (т.-е. лжемарксистского) центра» в стоянии между реформизмом и большевизмом. В военном вопросе О. Бауэр стоит посредине между ренегатом Каутским и ренегатом Леви. Военная позиция О. Бауэра самая гнусная, ибо она самая лицемерная; это гнусность К. Каутского, помноженная на гнусность П. Леви.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

Х. Баскаев.

О вопросах, которые для марксистов должны быть бесспорными [1]).

(По поводу статьи тт. Греблиса, Коровая и Степанова) [2]).

Дискуссия, вызванная выходом в свет книги И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса», продолжается уже несколько лет. Разногласия, порожденные этой работой, давно уже вышли за пределы теории стоимости и распространяются ныне на все основные проблемы марксовой экономической теории. Глубина и степень этих разногласий уже не позволяет более считать их частными расхождениями между отдельными экономистами. Если и нельзя согласиться с утверждением тт. Греблиса, Коровая и Степанова о «наличии размежовки на два направления», то только в том отношении, что фактически наметилось уже не два, а три более или менее оформившихся направления: 1) идеалистическое (Рубин со своей группой), 2) физиологическое (Шабс, Дашковский и др.) и 3) последовательно-марксистское. В основном же мысль о том, что мы имеем дело не со случайными единичными разногласиями, а с различными системами взглядов, несомненно, верна. С появлением в свет 3-го издания «Очерков», эта полемика не только не прекратилась, но еще более «обогатилась» новыми более сложными проблемами, переходя в дальнейшую стадию своего развития. Если раньше полемика разгорелась вокруг спорных вопросов теории стоимости, абстрактного труда и т. д., то в настоящее время центр тяжести ее переносится главным образом в область методологии марксовой теоретической экономии. В третьем издании «Очерков» И. Рубин под ударами критики тов. А. Кона, С. Бессонова и др. вынужден был отказаться от ряда антимарксистских положений, развиваемых им в предыдущих изданиях. Если раньше на протяжении многих страниц своих «Очерков» автор в поте лица своего доказывал, что «абстрактный труд появляется только в действительном акте рыночного обмена»; «он рождается в акте рыночного обмена»; без акта обмена не существует абстрактного труда и т. д., то теперь он признает, правда, с оговоркой, что, «конечно, труд приобретает (предварительно и идеально) характер абстрактного труда до акта обмена, но лишь через посредство обмена, поскольку уже в фазе производства предвосхищается обмен и продукт приравнивается известной сумме денег» (стр. 327); «до акта обмена» характеристика труда как общественного и абстрактного является

---

[1]) В виду того, что статья была написана нами до дискуссии в Институте Красной Профессуры, в ней не затрагивается ряд проблем, выдвинутых этой дискуссией. *Х. Б.*

[2]) См. «Большевик» № 3 за 1929 г., ст. «К спорным вопросам теории стоимости».

лишь предварительной, «идеальной», «скрытой», потенциальной характеристикой (стр. 323).

Далее, если раньше И. Рубиным, как правильно отмечают его комментаторы, содержание стоимости отождествлялось с материально-техническим процессом производства, а не выступал абстрактный труд, то в 3-м издании он коренным образом исправил точку зрения на содержание стоимости, исправил это уязвимое место его концепции, совершенно правильно отмечавшееся рядом экономистов (74), имена коих авторы почему-то умалчивают.

Наконец, Рубин отказался от прямого утверждения, что труд, занятый в сфере обращения, создает стоимость и прибавочную стоимость (см. предисловие к 3-му изд. «Очерков»).

Таковы в общих чертах те изменения, исправления «формулировок» и «замечаний», которые сделаны И. Рубиным в новом издании его «Очерков».

В рамках настоящей статьи нет возможности полностью подвести итоги прошлой дискуссии, важно подчеркнуть, что автор, несмотря на ряд отступлений, не в формулировках, а по существу остался в основном на старых позициях. Теперь после появления 3-го издания «Очерков», становится совершенно очевидным даже тем, кто ошибки И. Рубина считал случайными, что речь шла не об ошибочных формулировках, а о системе взглядов, о немарксистской концепции, от которой автор не только не отказался, но еще больше ее завуалировал утонченной марксистской фразеологией.

Для того, чтобы выяснить сущность этой концепции, нам придется вкратце остановиться на основных методологических принципах марксовой экономической теории.

Прежде всего о предмете политической экономии. Свое знаменитое «Введение к критике» Маркс начинает со следующей фразы:

«Предмет исследования это—прежде всего материальное производство». «Если речь идет о производстве,—говорит он далее,—то всегда о производстве на определенной общественной ступени развития—о производстве индивидов, живущих в обществе... мы имеем дело с определенной исторической эпохой с современным буржуазным производством, которое собственно является нашей темой (стр. 2). «Предмет моего исследования,—пишет он в предисл. к I т. «К»—является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена».

Отношения непосредственного процесса производства, Маркс исследует в I т. «Капитала». «В первой книге,—говорит он,—были исследованы те явления, которые представляют капиталистический процесс производства, взятый сам по себе, как непосредственный процесс производства. Но этим непосредственным процессом производства,—продолжает он,—еще не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется процессом обращения, который составляет предмет исследования второй книги». («К», III, ч. I, стр. 1).

Наконец, задача третьей книги заключается в том, чтобы «найти и описать те конкретные формы, которые возникают из рассматриваемого как целое процесса движения капитала». (Там же). Здесь, капитал «из своей внутренней органической жизни вступает в отношения внешней жизни. Действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения, порождает все новые образования, в которых все более утрачивается нить внутренней связи, отношения производства приобретают взаимно-самостоятельное существование, и составные части стоимости фиксируются в самостоятельных одна по отношении к другой формах». («К.», III, ч. 2, стр. 298).

Мы привели так много цитат из работ Маркса для того, чтобы не оставить никакого сомнения в том, что предметом экономической теории является материальное производство в его буржуазной (капиталистической) форме. Это не значит, конечно, что политическая экономия изучает процесс материального производства, как технологический процесс. Марксистская политическая экономия изучает исторически-ограниченную исторически-определенную форму общественного производства, капиталистический способ производства, или капиталистический общественный строй производства в его возникновении, развитии и упадке (Ленин). И столь вульгарным и нелепым является утверждение, что политическая экономия изучает не буржуазную форму производства, как форму заполненную живым материальным содержанием, а только социальную форму без материального производства.

Итак, повторяем, политической экономии, как науке социальной, нет дела до технологических процессов материального производства: это — область технологии и товароведения. Маркс, высмеивая г. Прудона в «письме к Анненкову», писал, что машина представляет экономическую категорию не в большей мере, чем бык, который тащит плуг... Но способ пользоваться машиной есть нечто совершенно отличное от самих машин» («Нищета философии»).

В своей теории капиталистического хозяйства Маркс дал лучший образчик диалектического исследования. Он применил диалектику Гегеля в ее развитой форме к политической экономии (Ленин) и блестяще показал, как в реальной действительности процесс количественного изменения производительных сил капиталистического общества вызывает качественные изменения и появление новых категорий.

Рассматривая процесс капиталистического производства, как единство противоположностей, материального процесса производства и его общественной формы, Маркс не ставил вопроса в метафизической плоскости: или материальный процесс производства служит об'ектом политической экономии, или его общественная форма. «Капиталистический процесс производства,—пишет он,—есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства, а следовательно, и носителей этого процесса—материальных условий их существования и взаимных их отношений, т.-е. определенной общественно-экономической формы последних, потому что совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, отношений при которых они производят, эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» («К.», III, 290).

Таким образом, под экономической структурой, об'ектом экономического исследования, Маркс понимает не производительные силы и даже не производственные отношения сами по себе. (Производственные отношения взятые вне своего материального содержания, вообще перестают быть производственными отношениями), а более богатое определение, вытекающее из реального процесса взаимодействия тех и других факторов материального воспроизводства, из диалектической связи и противоречия между ними.

Метафизический рассудок не в состоянии понять приведенное место из III т. «Капитала». Ему (метафизику) представляется, что последняя часть этой цитаты противоречит «социальному» методу Маркса. Он приходит

к заключению, будто здесь Маркс в понятие экономической структуры включает технику как таковую. Этим в сущности и об'ясняется, что И. Рубин, в своем стремлении «уберечь марксизм от искажения» скрыл конец этой цитаты от читателя, что, цитируя Маркса, он оборвал цитату как раз на том месте, где начинается эта сакраментальная мысль, «противоречащая всему духу марксизма».

Однако, едва ли кто-нибудь из марксистов согласится, что этим умолчанием Марксу его комментатором оказана услуга. Наоборот, для всякого непредубежденного марксиста станет совершенно очевидным, что между Марксом и И. Рубиным здесь намечается глубокая трещина, именно в понимании экономической структуры. В то время как Маркс под экономической структурой буржуазного общества понимает реальный процесс производства, который «производит не только материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит те производственные отношения, в которых эти продукты производятся» («Капитал», III т., стр. 339), И. Рубин под совокупностью производственных отношений, как мы увидим дальше, понимает общественную форму материального производства, взятую вне самого процесса производства.

Для понимания этого противоречия между Марксом и И. Рубиным необходимо выяснить хотя бы в кратких чертах многообразие взглядов последного на предмет теоретической экономии.

В согласии со всеми марксистами, во введении к своим «Очеркам», автор отмечает идейное родство теории исторического материализма и экономической теории Маркса. «Предмет изучения у них обоих—один и тот же: изменения производственных отношений людей в зависимости от развития производительных сил» (стр. 10). Экономическая теория,—продолжает автор,—«изучает производственные отношения людей в капиталистическом обществе, процесс их изменения в зависимости от изменения производительных сил» (стр. 11). Это—совершенно правильное марксистское определение предмета теоретической экономии. Однако оно понадобилось автору с самого начала для того, чтобы сейчас же незаметно, со свойственной ему «тонкостью» мысли перейти к дальнейшим более сложным определениям «подлинного» предмета нашей науки.

Приведем еще несколько определений для того, чтобы читатель мог убедиться, какой исключительной способностью обладает автор, с каким мастерством он может подменить метод исторического материализма Маркса, рубинским «социологическим» методом. На той же самой странице, где дано марксистское определение, мы находим следующую несколько измененную формулировку: «Политическая экономия изучает не материально-техническую сторону капиталистического процесса производства, а его социальную форму, т.-е. совокупность производственных отношений людей, образующих «экономическую структуру» капитализма. Техника производства и производительные силы входят в область исследования экономической теории только как предпосылка, как исходный пункт, который привлекается постольку, поскольку он необходим для об'яснения подлинного предмета нашего изучения, а именно производственных отношений людей» (11).

Но автор и на этом не останавливается. На стр. 48 «Очерков» имеем определение политической экономии, «которая изучает ряд усложняющихся» экономических форм, вещей или «определенностей формы» (Formbestimmtheit), соответствующих ряду усложняющихся производственных отношений людей. Еще дальше—на стр. 51—политическая экономия определяется как наука, которая изучает производственные отношения людей, т.-е. социальные формы производства в отличие от его материально-технической стороны. И, наконец, на стр. 53—«Марксова экономическая теория,—пишет

И. Рубин,—изучает именно различия форм (социально-экономических форм) производственных отношений». Таким образом, политическая экономия из науки, изучающей свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества (10), процесс изменения производственных отношений в зависимости от изменения производительных сил и нарастающих между ними противоречий (11), с какой-то волшебной быстротой превращается в науку, которая изучает социальные формы, «экономические формы», «определенности форм» и прочие «формы» в кавычках. Как видит читатель, в обработке Рубина от подлинного предмета марксовой экономической теории остались «рожки да ножки». Логика нашего почтенного автора примерно такова: сначала для отвода глаз предметом теоретической экономии признаются производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами, затем производительные силы из фактора взаимодействия превращаются в предпосылку, исходный пункт постольку, поскольку вместе с тем экономическая структура, без кавычек у Маркса, включается у его комментатора в кавычки. Наконец, материальное производство, как реальный об'ект исследования, совершенно исчезает, и на его месте остаются одни чистые социальные формы вещей.

И вот в защиту этой ревизионистской концепции выступили в поход тт. Греблис, Коровай и Степанов в третьем номере «Большевика», в статье «К спорным вопросам теории стоимости».

«Прежде всего,—читаем мы там,—И. Рубин, строго и последовательно устанавливает об'ект или предмет теоретической экономии. Он определяет последнюю, в полном соответствии с традиционно-марксистской постановкой вопроса, как науку, которая имеет предметом своего изучения свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества (10)». Авторы настолько некритически отнеслись (как это свойственно ученикам) к своему учителю, что даже не делают попыток проследить, как «развивает» он это определение на дальнейших страницах своей книги. Они не желают замечать того, что это «первоначальное» определение служит Рубину лишь в качестве «отправного пункта» на пути развития его собственных далеко не марксистских взглядов, что оно служит ему лишь ширмой для прикрытия собственных его взглядов, для придания им квази-марксистской видимости.

Вслед за Рубиным его ученики повторяют совершенно не марксистское положение, согласно которому допустимо разрывать процесс производства в его общественной форме на две самостоятельных стороны: процесс производства и общественная форма его, из которых каждая сторона представляет об'ект особой науки. Они не желают понять, что проводить различие внутри единства—вовсе не значит разрывать это единство. Общественная форма производства получает свою характеристику только в единстве и посредством него, и рассматривать эту форму вне единства, отрывая ее от материального процесса производства,—значит изменять характеристику самой этой формы. Если производственные отношения, рассматриваются как одна из сторон единства, они выступают как форма с определенным материальным содержанием, как материальные отношения. Но если, те же самые отношения рассматриваются изолированно от единства, они выступают, как пустые формы и перестают быть производственными отношениями. Такие «производственные отношения» ничем не отличаются по своему типу и по своему содержанию от тех социальных отношений, которыми оперирует социально-органическая школа.

Не даром самый метод рассечения единого об'екта на разные части, на разные «стороны», которым Рубин и его последователи подменяют

марксово установление различных точек зрения на единый об'ект, позаимствовано ими из арсенала той же социально-органической школы.

Вот как излагает этот метод один из вождей социально-органической школы—Альфред Амонн.

«Логически овладевая эмпирическим об'ектом, научное мышление,—пишет он,—в состоянии усматривать в нем лишь различные отдельные «стороны», закрывая глаза на все остальные, чтобы последние не служили помехой в предпринимаемом изолированном исследовании». «Из непосредственно данного в опыте многообразия выделяется элемент или ряд одинаковых и связанных между собой для определенного мышления элементов, будучи выделены из связи, в которой они только и могут быть даны в опыте, становятся сами по себе предметом. Начиная с этого пункта, научное мышление имеет дело уже не с эмпирическим об'ектом, не с непосредственно данной сложной действительностью, но с целесобразно созданным им об'ектом познания». Как видно из всего изложенного, Рубин и его сторонники следуют именно по этому пути построения «об'екта познания» отличного от «об'екта опыта».

И после этого торжественно заявляют, что это основное положение И. Рубина «следует признать правильным и строго-марксистским». Почему, спрашивается, «следует признать строго-марксистским» определение политической экономии как науки, которая изучает социальные формы вещей, а не материальные общественные отношения людей,—социальную форму материального производства, а не материальное производство в его общественной форме? С каких пор стало «бесспорным традиционно-марксистским» определение политической экономии, которая изучает экономическую структуру капитализма в кавычках, когда Маркс без всяких кавычек пишет, что «совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, отношений, при которых они производят, эта совокупность как раз есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» («Капитал», т. III, стр. 290)? Здесь ссылки на Ленина не помогут, дорогие друзья! Различие между материальным процессом производства и его социальной формой, «проведенное Марксом в своем экономическом учении,—утверждаете вы,—поставило политическую экономию на строго научную почву» (65), в то время как Ленин совершенно ясно пишет, что «анализ материальных общественных отношений сразу дал... возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений, к строго научному анализу их» и что «только сведение общественных отношений к производственным, а этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления общественных формаций естественно-историческим процессом. А понятно само собой, что без такого воззрения не может быть общественной науки (Ленин, т. I, стр. 62, 3-е изд.). Приводя известную цитату из Ленина о том, что предметом политической экономии является «вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это предмет технологии), а общественные отношения людей по производству» (т. II, стр. 64, изд. 3-е), авторы заявляют: что, «следовательно, можно видеть у Ленина строгое проведение различия между материально-техническим процессом производства («производство материальных ценностей»), как об'ектом «технологии», и «производством, т.-е. общественными производственными отношениями между людьми, как предметом политической экономии» («Большевик», стр. 65). Поистине, только рубинцы, которые материальное производство рассматривают только как технический процесс создания материальных ценностей, следовательно, как об'ект технологии, могут подобным образом искажать совершенно правильную мысль Ленина. Всякий, кто внимательно прочитает соответствующие места в II и III т.т. его сочинений, легко убедится в том, что он под производством материальных ценностей понимал производство потребительных ценностей и, конечно, в этом смысле он прав, говоря, что это предмет технологии. Ленин в полном согласии со взглядами Маркса утверждает, что политическая экономия занимается вовсе не «производством» (понимая последнее как производство потребительных стоимостей. *Х. Б.*), а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства (т. III, стр. 34, изд. 3-е).

Из этих определений Ленина, вовсе не вытекает противопоставление пустой общественной формы материальному процессу производства, как пытаются изобразить рубинцы, а вытекает необходимость противопоставления процесса материального производства, рассматриваемого с точки зрения его общественной формы, тому же самому процессу производства, рассматриваемому в качестве технического процесса.

Они не желают понять, что противопоставление материального (а не технического) [1]) процесса производства его общественной форме предполагает представление о форме, как оторванной от производства, бессодержательной форме, и представление о материальном процессе производства, как только техническом процессе. Подобное противопоставление свойственно не Ленину, а Струве, не Марксу, а представителям социального направления буржуазной политической экономии: Штольцману, Амонну, Петри и др. Напрасно Рубин и его последователи полагают, что «совершенно новая методологическая постановка экономических проблем, которая составляет великую заслугу Маркса и отличает его учение от теории его предшественников («Очерки», стр. 53), заключается в том, что он «провел точное различие между материально-техническим процессом производства и его общественной формой» («Очерки», стр. 82).

Маркс, конечно, различает материально-технический процесс производства и его общественную форму, производительные силы и производственные отношения. Он рассматривает капиталистическое хозяйство как противоречивое диалектическое единство материального процесса производства и его общественной формы, производительных сил и производственных отношений. Но проводя различие внутри этого единства, он в то же время не мыслил себе их раздельного существования. С точки зрения Ленина основное в диалектике—«охватить противоположности в их единстве» (IX, стр. 51). Рубин и его последователи не в состоянии охватить противоположности в их единстве и свою слабость в области диалектической логики приписывают Марксу.

Совершенно справедливо указывает тов. А. Кон, что «Маркс всегда рассматривает материальное производство в определенной общественной форме. Для него поэтому вся система буржуазного производства и отдельные звенья этой системы одновременно являются категориями и материальными и социальными. Для Рубина же, изгоняющего всю совокупность общественных отношений в область обмена, производство представляется только техническим процессом, производственные же отношения только социальным, но не материальным явлением. Производственные отношения представляются ему не имманентной формой производства, но самостоятельным явлением, которое лишь связано с производством, как с технической предпосылкой, но не является определенной стороной производственного процесса. (А. Кон. Курс полит. эконом. 2-е изд., стр. 72).

Поскольку в концепции И. Рубина все материальное об'является несоциальным, и обратно все социальное—нематериальным, постольку он проводит не различие внутри единства, а рассекает это единство на две противоположные стороны.

[1]) Рубинцы отождествляют материальное производство с производительными силами (стр. 66).

Если А. Богданов не в состоянии был связать материальный процесс производства с его общественной формой и рассматривал производство вне общественной формы, то И. Рубин, как раз впадает в другую крайность, рассматривая общественную форму производства вне самого материального производства. «Догматизм (т.-е. метафизика) всегда допускает только одно из двух противоположных определений... Истинная спекулятивная (т.-е. диалектическая. *Х. Б.)* мысль не имеет только одностороннего определения и не исчерпывается им; она цельна и совмещает те определения, которые догматизм признает законченными и истинными в их раздельности» (Гегель, «Энциклопедия», § 32, приб. 1). Но при чем же здесь И. Рубин, который рассматривает производственные отношения и производительные силы в их взаимодействии?—говорят рубинцы. На это мы им отвечаем, что признание взаимодействия между элементами единого целого еще не означает правильного представления об единстве. «Недостаток в применении отношения взаимодействия заключается в том, что это отношение, вместо того, чтобы быть эквивалентом понятия, само должно быть понято. Для этого не должно оставлять обе стороны отношения как непосредственные... и х д о л ж н о п р и з н а т ь м о м е н т а м и т р е т ь е г о, б о л е е в ы с о к о г о о п р е д е л е н и я». (Гегель).

Приводя эту цитату из «Науки Логики», Ленин тут же замечает, что «только взаимодействие—пустота» (IX, стр. 169). И. Рубин ограничился констатированием взаимодействия в такой пустой, бессодержательной форме и в дальнейшем метафизически рассекает единое отношение взаимодействия на две различные стороны, материальное производство и его общественную форму, из коих, по его мнению, непосредственно каждая имеет свою логику, свою науку. И. Рубин и его последователи не желают понять того, что капиталистический процесс прозводства Маркс рассматривал не только как технический процесс производства материальных условий существования, но одновременно и как процесс производства общественных отношений, в которые вступают люди в процессе материального производства. «Как те условия, так и эти отношения,—говорит он,—являются, с одной стороны, предпосылками, с другой стороны, результатами и продуктами капиталистического процесса производства; они производятся и воспроизводятся последними». («Капитал», т. III, стр. 290). Эту тесную связь между материальным процессом производства и общественными отношениями Маркс неоднократно подчеркивает и в «Критике», и в «Капитале», и в др. своих работах. Он критикует г. Прудона за то, что последний «очень хорошо понял, что люди выделывают сукно, полотно, шелковые ткани и проч. при определенных отношениях производства. Но он не понял того, что эти общественные отношения так же точно произведены людьми, как полотно, лен и т. д. Производительные силы тесно связаны с производственными отношениями. («Нищета философии», стр. 92).

Оставаясь на точке зрения метафизической логики, И. Рубин и его последователи не могут понять этой тесной связи между материальным процессом производства и его общественной формой, производительными силами и производственными отношениями. Но позвольте, заявляют рубинцы, «провести различие между этими двумя сторонами общественного производства—вовсе не означает сделать разрыв между ними. Критики И. Рубина особенно напирают на то, что различие у него означает отрыв социального от материального» (стр. 66)... «Что означает отрыв социальной формы от материального процесса производства?—спрашивают они. «О т к а з р а с с м а т р и в а т ь п р о и з в о д и т е л ь н ы е с и л ы, к а к д в и ж у щ у ю п р и ч и н у р а з в и т и я п р о и з в о д с т в е н н ы х о т н о ш е н и й». (Там же). Помилуйте, разве И. Рубин, не говорит о тесной связи и взаимодействии между производительными силами и производственными отношениями, разве он не утверждает, что «движущий т о л ч о к к изменению всей системы стоимостей исходит из материально-технического процесса производства»? («Очерки», стр. 78). «Но такая точка зрения, продолжают авторы, обязывает провести различие между материально-техническим процессом производства и его социальной формой». (Там же).

Подобной аргументацией рубинцы думают отвести всякие упреки критиков, которые пытаются «сблизить» И. Рубина с социальным направлением буржуазной политической экономии, «основной порок которого, по их мнению, состоит в том, что они якобы отказываются поставить в причинную связь социальные или более непосредственно определяемые экономические явления с материальным производством» (66).

Здесь авторы обнаруживают незнакомство с подлинными взглядами представителей социально-органической школы в буржуазной политической экономии, в чем они с видом «ученых» мужей, упрекают критиков И. Рубина. Не кто иной как Франц Петри в известной своей работе «Социальное содержание теории ценности Маркса» утверждает, что «техника остается последним определяющим фактором, с развитием которой связано развитие общества и развитие общественных отношений производства... Однако, следует строго отличать самые производственные отношения, как определенные формы общественной жизни, от их технической основы». (Стр. 34 русск. перев. указ. работы).

Читатель видит, что попытка комментаторов И. Рубина отгородить своего учителя от социального направления буржуазной политической экономии болтовней о причинной обусловленности, взаимодействии и пр. не удалась. Достаточно приведенной цитаты, чтобы показать не только сближение, но и полное совпадение взглядов И. Рубина со взглядами Петри. Впрочем стоит ли об этом долго распространяться, когда сами последователи И. Рубина утверждают, что «у Штольцмана, Петри и др. встречаются иногда правильные замечания, подчеркивающие социальное содержание категорий политической экономии» (66).

Мы должны констатировать, что И. Рубин в своих критических «Очерках», посвященных «современным экономистам на Западе», делает неудачную попытку отмежеваться от Штольцмана, Петри, Амонна и др., отделываясь указанием на то, что последние рассматривают производственные отношения в идеалистическом смысле и разрывают тесную связь, существующую между производственными отношениями людей и развитием материальных производительных сил. («Совр. экономисты на Западе», стр. 230). С другой стороны, он признает «огромную бесспорную заслугу Штольцмана» в том, что его определения «подчас особенно с внешней стороны (если особенно с внешней, стало быть, также и с внутренней! *Х. Б.)* совершенно совпадают с точкой зрения Маркса» (там же, стр. 109), а также восхваляет Амонна, поскольку он «приходит к правильному положению, что политическая экономия есть наука о социальных отношениях» (172).

Одно из двух: либо Штольцман, Амонн и др.—идеалисты, кантианцы, — тогда они не могут давать правильных определений, совпадающих с точкой зрения Маркса, либо дают правильные определения предмета политической экономии—и тогда они не идеалисты. Здесь концы с концами у И. Рубина не связаны.

Но как можно обвинят И. Рубина в отрыве социального от материального, с возмущением еще раз спрашивают рубинцы, «когда вся его задача, которую он блестяще (!?) решил, состояла в том, чтобы показать эту связь»? (стр. 67). Повидимому, чувствуя это «уязвимое» место концепции своего учителя, они на протяжении нескольких страниц повторяют, что И. Рубину лучше, чем кому бы то ни было из комментаторов Маркса, удалось у в я з а т ь стоимость с материально-техническим процессом производства (66).

и потому удивляются «научной» смелости тех, кто приписывает ему отрыв социального от материального. Подумайте, что стоит, например, следующий классический образчик этой рубинской «увязки»: «Маркс не только постарался развить грандиозную систему связанных друг с другом экономических форм,—пишет Рубин,—но и постарался всю эту систему *прикрепить* (дословно!—*Х. Б.*), к лежащей в их основе материально-технической базе, к процессу производства». («Абстр. труд и стоимость», стр. 87). Это ли не стопроцентная марксистская ортодоксия! Как же после этого можно, иметь научную смелость приписывать И. Рубину отрыв социальной формы от материального производства?

Однако, вопреки категорическим предостережениям авторов мы полагаем, что, несмотря на неоднократные указания в работах И. Рубина о «связи», «увязке», «прикреплении» между материальным производством и его социальной формой, по существу его концепция является насквозь идеалистической. Достаточно приведенных двух цитат, где связь между материальным процессом производства и его общественной формой, с одной стороны, понимается как «толчок» («Очерки», стр. 78), с другой стороны, как «прикрепление», чтобы показать идеалистическую сущность этой концепции. Это метафизическое понимание единства материального производства и его общественной формы ничего общего не имеет со взглядами Маркса. Не механические «толчки» от производительных сил к производственным отношениям, не метафизическое «прикрепление» их друг к другу, а диалектическое противоречивое единство, их тесная связь, как различных моментов внутри этого единства—вот что характеризует подлинные взгляды Маркса. Именно такая трактовка проблемы отличает его как от классиков, которые это единство сводили к формальному тождеству, так и от современного социального направления в политической экономии, которое единство материального процесса производства и его социальной формы понимает по Канту, а не по Гегелю. Согласно метафизической логике И. Рубина «Маркс сначала построил систему между собою связанных экономических форм, а потом «*прикрепил*» к материальному производству. Спрашивается, откуда взялись эти экономические формы и каким образом они связаны между собою до их прикрепления к материально-техническому процессу производства?

И. Рубин и его последователи не в состоянии решить эту задачу, поскольку они остаются в плену у метафизической концепции Петри, Амонна и др. Основной закон диалектического мышления, закон единства противоположностей, для них является книгой за семью печатями. «О том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, при каких условиях они бывают тождественными, превращаясь друг в друга, почему ум человеческий не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» (Ленин, т. IX, стр. 69),—на эти вопросы концепция И. Рубина не может дать ответа. Разумеется, не следует понимать эту замечательную интерпретацию основного закона диалектики, в том универсальном смысле, в каком понимает его формальная логика. Ленин там же говорит, что «всесторонняя гибкость понятия, гибкость, доходящая до тождества, вот в чем суть. Эта гибкость, примененная суб'ективно, равна эклектике и софистике. Гибкость, примененная об'ективно, т.-е. *отражающая всесторонность материального процесса, есть диалектика*» (стр. 7).

Маркс, исходя из реального процесса производства, как единства производительных сил и производственных отношений, выводит более богатое определение экономической структуры капиталистического общества. Понятие экономической структуры или общественного строя производства—более

гибкое понятие, чем непосредственно материально-технический процесс производства или общественные отношения, коими раздельно оперируют Рубин и его последователи.

Они решают этот вопрос метафизическим «или—или».

Известно, как Маркс высмеивал г. Прудона за то, что последний не мог примирить в экономических категориях их противоположные стороны—«дурную и хорошую»... «Г. Прудон,—писал он,—заимствовал из диалектики Гегеля только язык». Эти слова в известном смысле применимы и к Рубину, который в политической экономии не может «примирить» производительные силы и производственные отношения и устраняет «дурную сторону», т.-е. производительные силы. И. Рубин и его последователи не желают понять, что только существование взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние «в новую категорию» составляют сущность диалектического движения. В концепции И. Рубин, где производительные силы оказались за бортом политической экономии, нет этого движения, поскольку устраняется (в голове Рубина, конечно, а не в действительности) основное противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

«Противоречие капиталистического способа производства заключается именно в его тенденции к абсолютному развитию производительных сил, которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими условиями производства, в которых движется и может двигаться капитал» («Капитал», т. II, стр. 239). Тот, кто, при изучении капиталистического способа производства будет игнорировать это основное противоречие между безграничным развитием общественных производительных сил и ограниченной целью капитала, тот ничего не поймет в экономической системе Маркса.

Рубинская политическая экономия, изучающая социальные формы вещей вне связи с материальными производительными силами, не в состоянии раскрыть механизм движения нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли, как процессов связанных с изменением органического состава капитала. Она не может также решить проблемы расширенного воспроизводства, а следовательно, и накопления, проблему кризисов и ряд других кардинальнейших проблем марксовой политической экономии. Нечего и говорить, что политическая экономия, которая изучает только социальные формы, не дает возможности понять внутреннее противоречивое движение, совокупный процесс капиталистического воспроизводства и потому лишена того революционного содержания, которое свойственно учению Маркса. Рубин сознательно или бессознательно отбрасывает это революционное содержание экономической теории Маркса, заявляя, что «задача исследования взаимодействия между производительными силами и производственными отношениями людей должна быть выполнена марксистами-социологами, а не *экономистами*»[1]).

Излишне доказывать, что такая политическая экономия не может показать, каким образом, «*достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма совлекается и уступает место более высокой*», *когда приобретают особенную широту и глубину противоречие и противоположность между распределительными отношениями, а следовательно, и исторически определенной формой соответствующих им отношений производства, с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов,—с другой стороны*; и, *наконец*, как «*разражается конфликт между материальным развитием производства*

---

[1]) Рубин. «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса», стр. 87.

и его общественной формой». (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 343).

За недостатком места, мы не можем остановиться на дальнейших рассуждениях последователей Рубина. Совершенно ясно, что неправильное, немарксистское определение предмета политической экономии логически приводит к неправильному пониманию всей экономической системы Маркса. Необходимо подчеркнуть, что вопреки утверждению Маркса о том, что «действительная наука современной экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 32), Рубин переносит центр тяжести экономического исследования от процесса производства к процессу обмена, от материального производства к его социальной форме. Поэтому его концепция не может проникнуть в сущность экономических явлений. Оставаясь на поверхности явлений, эта концепция бессильна об'яснить то специфическое, что отличает одну общественную формацию от другой,—именно способ материального производства. Тем самым она превращается в удобное оружие в руках с.-д. критиков нашего хозяйства, которое по форме пока сохраняет черты менового хозяйства, по существу же принципиально и глубоко отличается от товарно-капиталистического хозяйства. Равным образом эта концепция может служить оружием для всех тех, кто подобно К. Реннеру признает основой социализации не отношения внутри материального производства, а отношения обмена [1]).

Таким образом, ревизия учения Маркса под знаком его защиты представляет гораздо большую опасность, нежели открытая ревизия Ф. Петри, Струве и др.: внешняя марксистская окраска идеалистической концепции Рубина ослепляюще действует на неискушенного читателя, она может свернуть с правильного пути даже некоторых марксистов, как это и случилось с нашими красными профессорами тт. Греблисом, Короваем, Степановым с их единомышленниками.

---

[1]) К. Реннер. «Теория капиталистического хозяйства и проблема социализма».

А. Леонтьев.

Об одной теоретической дискуссии и ее уроках.

Мы полагаем, что за последнее время дискуссия в области теоретической экономии приняла такие формы, что крайне необходимо передать ее на суд партийного общественного мнения. Нынешняя фаза этой дискуссии [1]) властно требует вмешательства общественного мнения хотя бы для того, чтобы фаза эта поскорее закончилась и отошла в область прошлого.

1. Кое-что из области истории.

Иногда историю этой дискуссии начинают с момента появления первых критических отзывов на рубинские «Очерки по теории ценности Маркса», вышедшие первым изданием в 1923 г. В этом отношении некоторые товарищи проявляют более чем странную «забывчивость», которая об'ясняется отнюдь не случайными причинами. «Забывается» при этом одно маленькое обстоятельство. Новые слои учащейся молодежи, лишь сейчас приступающие к углубленной работе над теоретической экономией, могут, естественно, не знать, что первое издание «Очерков» И. И. Рубина вышло в тот период, когда происходила борьба за преодоление богдановщины в области политической экономии. Связь рубинских «Очерков» с этой борьбой отнюдь не ограничивается совпадением хронологических дат.

Напомним в двух словах тогдашнюю обстановку. Как известно, в годы гражданской войны, когда на первом месте стояла самая насущная и элементарная пропаганда против вооруженной контрреволюции, партия не имела времени и возможности в достаточной мере заниматься более тонкими идеологическими проблемами. Ряд бесспорно вульгаризаторских течений в области высоко-надстроечного порядка не получал иногда достаточного отпора.

Политическую экономию мы все тогда проходили (и других обучали) по Богданову, или же по полному «Курсу» Богданова и Степанова. Все отлично помнят, что именно эти книги, ныне исчезнувшие из наших учебных заведений, печатались тогда многотысячными тиражами. Популярные учебники Богданова («Краткий курс» и «Начальный курс») выдерживали десятки изданий, перепечатывались на самой разноцветной бумаге того времени в провинции, на фронтах и применялись в партшколах, кружках и т. д.

Лишь с окончанием гражданской войны, с переходом значительных кадров к учебе назрела необходимость и появилась возможность переоценки ряда идеологических ценностей в более высоких областях идеологии. Вредное влияние богдановской теории — прежде всего в области философии—стало обнаруживаться довольно явственно. Нелегальная группа богдановцев, присвоившая себе название «Рабочей Правды», пыталась играть

---

[1]) Настоящая статья написана в феврале с. г.; автор исходит в ней из того состояния дискуссии, какое сложилось к тому времени.

роль меньшевистской агентуры в наших рядах. Естественно, что о теоретической беспечности в отношении богдановщины тогда не могло быть и речи. Сугубая настороженность ко всему, что родственно общетеоретической концепции Богданова, диктовалась тогда непосредственно политической обстановкой.

Наступает время и для переоценки богдановской экономической системы с ее общими специфическими особенностями: «расширительной» трактовкой предмета политической экономии, внеисторической характеристикой основных экономических категорий, подменой марксовой диалектики вульгарным механизмом, принижением значения абстрактно-теоретического анализа и т. д. О производных отклонениях богдановской экономической концепции от марксизма мы уж и не говорим; достаточно вспомнить немарксистскую теорию ренты Богданова, его представления о переходном строе и т. п.

Преодоление богдановщины в области экономической теории прошло, в основном, чрезвычайно быстро и дружно. Этой быстроте следовало бы, пожалуй удивляться, если принять во внимание распространенность богдановских произведений в тогдашнюю пору. Та легкость, с которой богдановщина в политической экономии преодолевалась и изгонялась, находит себе об'яснение на наш взгляд и в том обстоятельстве, что тогда ясно обнаружился враждебный нам политический характер богдановской концепции. Это само по себе неприятное явление имело, однако, то положительное следствие, что открытая проповедь богдановщины в политической экономии, как и в философии, исчезла почти совершенно. Однако, в области философии мы имеем ряд лет после исчезновения богдановщины с идеологической арены многочисленные попытки частичного протаскивания ее отдельных элементов. Борьба сторонников диалектического материализма с механистами продолжается до сих пор, хотя широким партийным слоям уже совершенно ясно, какая из двух сторон представляет собою марксизм и какая носит, напротив, явный ревизионистский характер. Несравненно сложнее дело обстоит в области теоретической экономии. Естественно, однако, что и тут отдельные рецидивы богдановщины наблюдаются много лет спустя после генерального преодоления богдановской системы в целом. Почва для подобных рецидивов, вообще говоря, имеется. Не удивительно также, что эти рецидивы столь же отличаются от прежних изданий богдановской теории, как современный механизм отличается от старых эмпириомонизма и тектологии.

Кстати, легкость преодоления богдановщины не следует понимать чересчур буквально. Достаточно упомянуть, что еще в 1924 г. имело место выступление тов. Гожанского [1]), собравшего вокруг себя одно время не малое количество сторонников. Вокруг выпущенной им книжки, представлявшей собою отказ от марксизма в ряде важнейших пунктов, разгорелась довольно страстная полемика на страницах «Правды». Далее, официальным концом богдановщины в теоретической экономии можно считать, пожалуй, лишь дискуссию Коммунистической Академии в 1925 г. по вопросу о предмете и методе политической экономии [2]).

Основной раздел экономической теории, где преодоление богдановщины было насущнее всего, составляли, естественно, проблемы предмета и метода, с одной стороны, и проблемы теории ценности, с другой. Как каждому совершенно ясно, эти области экономической теории чрезвычайно тесно связаны и переплетены между собой.

[1]) См. С. Гожанский. Политическая экономия, вып. I—Заработная плата, изд. «Кр. Новь», М. 1924.

[2]) См. «Вестник Комм. Академии» № 11.

Каков был арсенал средств в этой борьбе против вульгаризации и искажений марксизма? Здесь колоссальную услугу оказала та углубленная разработка проблем теории ценности и методологии теоретической экономии, которая была начата в довоенные годы Гильфердингом (в ряде статей в «Neue Zeit») [1]) и продолжена т. Бухариным (см. «Политическую экономию рантье», «Экономику переходного периода»,—страницы, посвященные вопросам предмета и метода теоретической экономии, а также отдельные статьи). Тщательное изучение экономических работ Ленина давало, разумеется, неоценимо много для правильного понимания марксистского метода в теоретической экономии. Вышедшая в 1923 г. работа И. И. Рубина (ее основные положения были еще раньше известны довольно широкому кругу товарищей, работавших под руководством И. И. Рубина над изучением проблем теоретической экономии) была воспринята как попытка дальнейшей разработки основных проблем экономической теории Маркса в том же направлении. В обстановке, когда на первом плане стояла борьба с богдановщиной, внимание читателя привлекли, разумеется, прежде всего те стороны рубинского произведения, которые имели непосредственное отношение к спорным проблемам и которые могли быть использованы в процессе этой борьбы. Под этим углом зрения подходило к работе И. И. Рубина большинство читателей в тот период. Смешно было бы ставить вопрос: хорош такой подход или плох? Совершенно ясно, что этот подход тогда был весьма естественен.

Что же нашел читатель в работе И. И. Рубина под этим углом зрения? Прежде всего чрезвычайно резкое подчеркивание исторически-преходящего характера экономических категорий; это решительно порывало с богдановской трактовкой ценности и проч., как вечных категорий, логически присущих каждой хозяйственной формации. Далее, с этим непосредственно связано понимание теоретической экономии, как науки о законах товарно-капиталистической формы хозяйства в ее возникновении, развитии и гибели, в противовес богдановско-степановскому «расширительному» пониманию предмета нашей дисциплины. Вместо поверхностной «популяризации» и явного искажения марксовой теории товарного фетишизма у Богданова мы здесь встретили попытку восстановления того истинно глубокого смысла, который эта теория имеет у Маркса. Наконец, мы здесь видели искреннее желание применить к области теоретической экономии марксову диалектику, изгнанную из нашей науки Богдановым, считающим диалектику ненужным пережитком средневековой схоластики. Все остальные затронутые в работе И. И. Рубина вопросы, в том числе и ныне «знаменитый» вопрос об абстрактном труде, далее — проблемы производительного труда, общественно-необходимого труда, вопрос о форме ценности—тогда представлялись подчиненными частями концепции, центр тяжести которой усматривался в перечисленных выше коренных и узловых пунктах. А в этих решающих пунктах, повторяем, работа Рубина являлась непосредственным продолжением той антибогдановской (и антикаутскианской—можно было бы прибавить) разработки основных вопросов экономической теории Маркса, которая связана с прежними работами по методологии и теории ценности Гильфердинга и Бухарина в первую очередь.

Этот исторический экскурс совершенно необходим, думается нам, для того, чтобы уберечь от ошибок тех товарищей, у которых иногда неожиданно отшибает память в самых нужных случаях.

Теоретические произведения И. И. Рубина чрезвычайно быстро завоевали себе выдающееся место в нашей научной экономической литературе.

[1]) См. сборник «Основные проблемы полит. экономии», под ред. Ш. Дволайцкого и И. Рубина, Гиз. 1922.

Причины этой популярности не скрывают в себе ничего мистического. Совершенно естественно также, что по мере роста интереса к произведениям И. И. Рубина усиливалось и критическое к ним отношение. Рубин проявил почин в деле детальной углубленной разработки ряда чрезвычайно абстрактных и уже по одному этому весьма сложных категорий марксовой экономической теории. Перед такого рода работой всегда стоит весьма серьезная опасность сползания в область бесплодной схоластики. Однако, необходимость разработки ряда частичных сторон, некоторых определений, многих логических связей, относящихся к марксовой теории ценности—этой самой основной, самой важной и в то же время предельно-абстрактной части марксовой экономической системы—диктовалась в известном смысле жизнью. Вульгаризация как раз этой наиболее абстрактной части марксовой экономической теории со стороны Богданова и его теоретических единомышленников, а также, в менее яркой форме, со стороны ряда других теоретиков (достаточно назвать Каутского) поставила эту задачу во весь рост. Ясно, однако, что успешное выполнение этой задачи предполагает оживленный критический обмен мнений среди марксистов, берущихся за ее разрешение.

По мере того, как произведения Рубина все больше читались и штудировались, росло и количество критических выступлений вокруг поднятых и поставленных в этих произведениях проблем. Появилось некоторое количество журнальных статей; был устроен ряд публичных диспутов (в Институте экономики, в Институте народного хозяйства, в Институте красной профессуры в 1928 г.). В этих дискуссиях, естественно, проявилась довольно пестрая гамма настроений и отношений к рубинской интерпретации марксовой теории ценности. Обычно спор вертелся вокруг отдельных формулировок Рубина; даже критики, утверждавшие о непригодности всей работы Рубина в целом, ссылались, естественно, для доказательства своей правоты, на отдельные принадлежавшие ему формулировки. Вопрос о пригодности или непригодности рубинской работы в целом, вопрос о положительной или отрицательной ее оценке, короче—вопрос о марксистском или немарксистском (и, стало-быть, антимарксистском) ее характере неизбежно свелся в этих условиях к вопросу об оценке отдельных формулировок. Дело сводится, стало-быть, к тому, являются ли вызывающие сомнение или прямое отрицание формулировки более или менее частичными неудачами, всегда возможными в такой большой и серьезной работе (вряд ли кто-нибудь станет отрицать наличие т а к о г о рода недостатков в работе Рубина); или эти неприемлемые утверждения характеризуют всю работу в целом, раскрывают перед нами ее антимарксистское нутро, которое автор сознательно или бессознательно скрывает за марксистской внешностью.

Сразу ответить на этот коренной, кардинальный вопрос, когда мы имеем дело со столь сложной абстрактно-теоретической областью, весьма нелегко. Однако, как подойти к решению этого вопроса?

По нашему мнению, следует прежде всего характеризовать в общих чертах те формулировки в рубинских произведениях, которые сделались и были (по крайней мере до сих пор) центральными мишенями критических атак более или менее немилосердного свойства. Во-вторых, после того, как эти пункты будут установлены, следует взглянуть, что именно предлагается со стороны критиков на место отвергаемых ими взглядов и изложения Рубина. Следует поставить, выражаясь чуть-чуть вульгарно, иной раз несколько щекотливый, но в интересах дела абсолютно неизбежный вопрос: «а судьи кто?». Этот вопрос должен быть понят, разумеется, не буквально. Чрезвычайно интересно, что предлагается критиками взамен отвергаемой ими концепции. Этот вопрос менее всего является личным вопросом каждого критика. Напротив, этот вопрос стоит в самой непосредственной связи с оценкой самой критики. Пусть посему не посетуют на нас критики Рубина, если мы в статье, посвященной дискуссии вокруг произведений последнего, никак не сможем обойтись без самой краткой хотя бы характеристики собственных взглядов части критиков. Речь идет, естественно, как раз о той части критиков, которая начисто отвергает концепцию Рубина, называя ее антимарксистской. Серьезность сего утверждения дает нам полное право полюбопытствовать насчет собственной амуниции этой части критики.

Мы считаем возможным избавить читателя от приведения текста тех формулировок Рубина, которые вызвали наиболее дружный натиск критики. Интересующийся найдет эти формулировки в бесчисленных повторениях во всей литературе этой дискуссии. Здесь важно лишь выделить решающие пункты, которые большинству критиков представлялись наиболее уязвимыми. Чрезвычайно многочисленные возражения, основанные на более или менее очевидных и элементарных недоразумениях, мы считаем возможным оставить в стороне и с самого начала исключить из нашего поля зрения, дабы не осложнять картины. (Заметим в скобках, что как раз этот сорт возражений подвержен действию своеобразной разновидности закона Вебера—Фехнера: степень их распространенности обычно равняется квадрату их нелепости). Повторяем: читатель, желающий насладиться всей панорамой дискуссии, в ее, так сказать, натуральном виде, легко найдет этот сорт идеологического творчества в соответствующей литературе.

Мы не претендуем на роль историка освещаемой нами дискуссии. Задача, которая встала бы перед этаким историком, будет не из легких. Отделение немногочисленных зерен пшеницы от обильных масс плевел потребовало бы не мало труда.

Повторяем, мы не беремся за выполнение этой задачи. Наша задача гораздо скромнее: путем небольшого введения мы стремились дать читателю ту историческую перспективу, которая необходима для правильного подхода к интересующей нас дискуссии.

2. Кое-что из области теории.

Итак, если от явных недоразумений отвлечься, тогда можно было бы основные более серьезные критические замечания и возражения свести к д в у м решающим п у н к т а м. Это, во-первых, вопрос о социальном и материальном; во-вторых—вопрос о производстве и обмене. Мы обязаны оговориться, что сама формулировка пунктов менее всего претендует на какую-либо точность. Формулируя эти пункты, мы хотим дать читателю лишь примерное представление о том к р у г е вопросов, который оказывается в центре дискуссии. Этот-то круг вопросов, на наш взгляд, группируется в основном вокруг названных выше пунктов.

Попытаемся дать общую характеристику этих двух проблем, менее всего претендующую на полноту. Прежде всего, вопрос о характеристике социального явления. Маркс различает, с одной стороны, бытие, с другой стороны, сознание; с одной стороны, материю, с другой стороны, дух; с одной стороны, об'ективный реальный мир, с другой стороны, идею. Маркс различает далее, с одной стороны, общественное бытие, с другой—общественное сознание. Возникает вопрос: куда относится социальное явление, если понимать под ним общественное отношение людей? В такой общей форме вопрос разрешается довольно легко. Общественные отношения людей относятся, очевидно, к области общественного бытия; в области общественного сознания, напротив, пребывают всевозможные о т р а ж е н и я общественных людских отношений. Стало быть, общественное отношение людей относится к области общественного бытия; но общественное бытие есть лишь часть бытия вообще, часть реального, об'ективно существующего, материального мира. Мир материи, мир бытия может быть разделен на две большие

группы явлений. Мы имеем в виду: 1) природу и 2) общество. Исторический материализм рассматривает общество так же, как и природу, лишь как составную часть материального мира. В этом—общее между обществом и природой; в этом отношении общество и природа сходны, едины. Исторический материализм, однако, выделяет область общественного бытия, отделяет его в качестве об'екта изучения от остального мира явлений, от природы. В этом отношении общество противопоставляется природе; в этом—противоположность, различие между обществом и природой.

Отсюда ясно, что для марксиста не может быть и речи о противопоставлении социального явления (если под этим понимать не общественное сознание, а реальные общественные отношения между людьми)—материальному. Но социальное явление может и должно противопоставляться натуральному явлению. Социальное и натуральное представляют собою в свою очередь две части, две стороны материального мира; между этими областями налицо диалектическая взаимосвязь.

В такой общей постановке разрешение вопроса представляется довольно несложным. Главные трудности, однако, выступают перед нами, когда мы от этих общих и довольно тощих положений переходим к характеристике основных категорий политической экономии вообще, к разрешению проблем теории ценности в частности и в особенности. Здесь дело чрезвычайно усложняется. Если вышеизложенные общие положения и тут остаются, на наш взляд, бесспорными, то они в то же время становятся явно недостаточными. В теории ценности мы имеем дело с овеществлением общественных отношений. Получается, таким образом, своеобразное переплетение социальных отношений людей и вещественных, натуральных элементов производства. Социальное явление выступает в виде вещной категории. Общее принципиальное разграничение социального и натурального, оставаясь и здесь необходимым, становится в то же время явно недостаточным. Следует конкретно и детально исследовать взаимозависимость и взаимоотношения этих переплетающихся между собою кругов. В этом вся задача, в этом и вся трудность. Применительно к характеристике отдельных детальных категорий теории ценности можно в самом деле сказать, что здесь истина становится острее лезвия ножа. Требуется достаточно последовательное применение диалектического метода, чтобы с этого лезвия не свихнуться в какую-либо сторону. Отказ от диалектики, замена диалектического подхода к явлениям формально логическим, механистическим неизбежно приведет либо к скатыванию в об'ятия идеализма, либо к сползанию в сторону вульгарно-фетишистического натурализма.

Вторая группа спорных вопросов теории ценности Маркса вращается вокруг отношений между производством и обменом. Здесь мы наблюдаем такую же картину, как и в первой группе проблем. Легче всего дать общую характеристику этого соотношения. Эта общая характеристика сводится для каждого марксиста, разумеется, к безоговорочному признанию примата производства. В то же время примат производства, как это ясно для каждого диалектика не исключает, а предполагает взаимодействие между производством и обменом, если речь идет, как в данном случае очевидно, о хозяйстве менового типа. Эти положения вряд ли могут вызвать хоть малейшие сомнения.

Дело, однако, весьма усложняется, когда мы от общего положения перейдем к попытке разрешения конкретных и детальных проблем, встающих перед исследователем марксовой теории ценности. Этот исследователь, если он хочет оставаться диалектиком, должен последовательно проводить принцип историчности. Категория ценности относится не к производству вообще, а к определенной исторически-преходящей форме общественного производ-

ства. Стало-быть, речь идет не о последней абстракции производства, а о таком производстве, которое в «противоположности своих определений охватывает как само себя, так и остальные моменты» (Маркс). Под остальными моментами Маркс здесь, как известно, подразумевает распределение, обмен и потребление. Именно в этом смысле Маркс в том же месте говорит, что «обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве или определяется этим последним».

И в этом отношении, при переходе к углубленному анализу проблемы, истина представляется подчас тоньше, чем острие бритвы. И тут всякая неточность, всякий формализм, всякое забвение диалектики легко ведет к серьезнейшим недоразумениям. Если же на неточности настаивать, то легко очутиться за пределами марксизма. Встающие здесь две опасности совершенно ясны. С одной стороны, ошибочными являются формулировки, могущие возбудить сомнение в примате производства. С другой стороны, исключение обмена из характеристики ряда важнейших категорий теории ценности может означать отказ от историчности, рассмотрение этих категорий как вечных логических категорий всякого хозяйства вообще.

Стало быть, и в отношении второй группы вопросов требуется весьма последовательный диалектический подход к углубленной разработке проблемы.

Чрезвычайно характерно, что этого довольно простого обстоятельства совершенно не понимал покойный А. А. Богданов. Если не ошибаемся, он первый выступил с аргументацией, которая впоследствии несравненно менее ярко и последовательно повторяется всеми решительными уничтожателями теоретической работы Рубина. Именно Богданову первому принадлежит обвинение Рубина в умерщвлении (ныне говорят еще о выхолащивании) Маркса. Богданов же совершенно справедливо отмечал связь работы Рубина с теми произведениями марксистов-экономистов, которые использовывались как раз для преодоления богдановщины. Всю эту работу Богданов чрезвычайно презрительно именовал «хроническим семинарием по Марксу, который десятки лет ведется». С другой стороны, Богданов также справедливо ставил работы этого «семинария», куда он относил и Рубина, в непосредственную связь с работами «философского семинария», под которым естественно подразумевается школа диалектического материализма, ведущая решительную борьбу со всякими извращениями революционного учения Маркса, в том числе и с богдановской философией и ее менее последовательными рецидивами.

Поэтому крайне любопытно, что свое основное обвинение по адресу Рубина Богданов формулировал примерно таким образом. У Рубина, дескать, филигранная работа, он мастерски производит работу ювелира, между тем как Маркс был не ювелиром, а кузнецом, и работа Маркса была вообще грубовата. Привыкший грубо-механистически истолковывать Маркса, издевавшийся над диалектическим методом как над пережитком средневековой схоластики, Богданов, естественно, не замечал и не воспринимал тех сторон марксовой теории, которые по самому своему характеру носили чрезвычайно тонкий, отнюдь не грубый характер. Тонкое диалектическое различие отдельных категорий, установление весьма сложных взаимосвязей и взаимозависимости,—все это Богданов считал ненужной филигранной работой, приводящей к превращению Маркса в схоласта-попа.

Совершенно естественно, что критика рубинских произведений обнаружила целый ряд отдельных дефектов в формулировках, в различных детальных определениях и т. п. При сложности проблем, с одной стороны, при попытке их столь глубокой и детальной проработки с другой,—это представляется абсолютно неизбежным. Критика побудила Рубина отказаться от ряда формули-

группы явлений. Мы имеем в виду: 1) природу и 2) общество. Исторический материализм рассматривает общество так же, как и природу, лишь как составную часть материального мира. В этом—общее между обществом и природой; в этом отношении общество и природа сходны, едины. Исторический материализм, однако, выделяет область общественного бытия, отделяет его в качестве об'екта изучения от остального мира явлений, от природы. В этом отношении общество противопоставляется природе; в этом—противоположность, различие между обществом и природой.

Отсюда ясно, что для марксиста не может быть и речи о противопоставлении социального явления (если под этим понимать не общественное сознание, а реальные общественные отношения между людьми)—материальному. Но социальное явление может и должно противопоставляться натуральному явлению. Социальное и натуральное представляют собою в свою очередь две части, две стороны материального мира; между этими областями налицо диалектическая взаимосвязь.

В такой общей постановке разрешение вопроса представляется довольно несложным. Главные трудности, однако, выступают перед нами, когда мы от этих общих и довольно тощих положений переходим к характеристике основных категорий политической экономии вообще, к разрешению проблем теории ценности в частности и в особенности. Здесь дело чрезвычайно усложняется. Если вышеизложенные общие положения и тут остаются, на наш взляд, бесспорными, то они в то же время становятся явно недостаточными. В теории ценности мы имеем дело с овеществлением общественных отношений. Получается, таким образом, своеобразное переплетение социальных отношений людей и вещественных, натуральных элементов производства. Социальное явление выступает в виде вещной категории. Общее принципиальное разграничение социального и натурального, оставаясь и здесь необходимым, становится в то же время явно недостаточным. Следует конкретно и детально исследовать взаимозависимость и взаимоотношения этих переплетающихся между собою кругов. В этом вся задача, в этом и вся трудность. Применительно к характеристике отдельных детальных категорий теории ценности можно в самом деле сказать, что здесь истина становится острее лезвия ножа. Требуется достаточно последовательное применение диалектического метода, чтобы с этого лезвия не свихнуться в какую-либо сторону. Отказ от диалектики, замена диалектического подхода к явлениям формально логическим, механистическим неизбежно приведет либо к скатыванию в об'ятия идеализма, либо к сползанию в сторону вульгарно-фетишистического натурализма.

Вторая группа спорных вопросов теории ценности Маркса вращается вокруг отношений между производством и обменом. Здесь мы наблюдаем такую же картину, как и в первой группе проблем. Легче всего дать общую характеристику этого соотношения. Эта общая характеристика сводится для каждого марксиста, разумеется, к безоговорочному признанию примата производства. В то же время примат производства, как это ясно для каждого диалектика не исключает, а предполагает взаимодействие между производством и обменом, если речь идет, как в данном случае очевидно, о хозяйстве менового типа. Эти положения вряд ли могут вызвать хоть малейшие сомнения.

Дело, однако, весьма усложняется, когда мы от общего положения перейдем к попытке разрешения конкретных и детальных проблем, встающих перед исследователем марксовой теории ценности. Этот исследователь, если он хочет оставаться диалектиком, должен последовательно проводить принцип историчности. Категория ценности относится не к производству вообще, а к определенной исторически-преходящей форме общественного производства. Стало-быть, речь идет не о последней абстракции производства, а о таком производстве, которое в «противоположности своих определений охватывает как само себя, так и остальные моменты» (Маркс). Под остальными моментами Маркс здесь, как известно, подразумевает распределение, обмен и потребление. Именно в этом смысле Маркс в том же месте говорит, что «обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве или определяется этим последним».

И в этом отношении, при переходе к углубленному анализу проблемы, истина представляется подчас тоньше, чем острие бритвы. И тут всякая неточность, всякий формализм, всякое забвение диалектики легко ведет к серьезнейшим недоразумениям. Если же на неточности настаивать, то легко очутиться за пределами марксизма. Встающие здесь две опасности совершенно ясны. С одной стороны, ошибочными являются формулировки, могущие возбудить сомнение в примате производства. С другой стороны, исключение обмена из характеристики ряда важнейших категорий теории ценности может означать отказ от историчности, рассмотрение этих категорий как вечных логических категорий всякого хозяйства вообще.

Стало быть, и в отношении второй группы вопросов требуется весьма последовательный диалектический подход к углубленной разработке проблемы.

Чрезвычайно характерно, что этого довольно простого обстоятельства совершенно не понимал покойный А. А. Богданов. Если не ошибаемся, он первый выступил с аргументацией, которая впоследствии несравненно менее ярко и последовательно повторяется всеми решительными уничтожателями теоретической работы Рубина. Именно Богданову первому принадлежит обвинение Рубина в умерщвлении (ныне говорят еще о выхолащивании) Маркса. Богданов же совершенно справедливо отмечал связь работы Рубина с теми произведениями марксистов-экономистов, которые использовывались как раз для преодоления богдановщины. Всю эту работу Богданов чрезвычайно презрительно именовал «хроническим семинарием по Марксу, который десятки лет ведется». С другой стороны, Богданов также справедливо ставил работы этого «семинария», куда он относил и Рубина, в непосредственную связь с работами «философского семинария», под которым естественно подразумевается школа диалектического материализма, ведущая решительную борьбу со всякими извращениями революционного учения Маркса, в том числе и с богдановской философией и ее менее последовательными рецидивами.

Поэтому крайне любопытно, что свое основное обвинение по адресу Рубина Богданов формулировал примерно таким образом. У Рубина, дескать, филигранная работа, он мастерски производит работу ювелира, между тем как Маркс был не ювелиром, а кузнецом, и работа Маркса была вообще грубовата. Привыкший грубо-механистически истолковывать Маркса, издевавшийся над диалектическим методом как над пережитком средневековой схоластики, Богданов, естественно, не замечал и не воспринимал тех сторон марксовой теории, которые по самому своему характеру носили чрезвычайно тонкий, отнюдь не грубый характер. Тонкое диалектическое различие отдельных категорий, установление весьма сложных взаимосвязей и взаимозависимости,—все это Богданов считал ненужной филигранной работой, приводящей к превращению Маркса в схоласта-попа.

Совершенно естественно, что критика рубинских произведений обнаружила целый ряд отдельных дефектов в формулировках, в различных детальных определениях и т. п. При сложности проблем, с одной стороны, при попытке их столь глубокой и детальной проработки с другой,—это представляется абсолютно неизбежным. Критика побудила Рубина отказаться от ряда формули-

ровок, которые давали повод к недоразумениям. В предисловии к третьему изданию своих «Очерков» автор по сему поводу замечает, что им «устранены формулировки, которые давали нашим критикам повод приписывать нам мысли, ни в малейшей мере нами не разделявшиеся, например, о примате обмена над производством, о перенесении абстрактного труда в фазу обмена и т. п.». В отличие от некоторых чрезвычайно рьяных критиков мы не считаем самый факт отказа Рубина от тех или иных своих прежних неудачных формулировок большим преступлением. Попытка «утилизации» этого отказа для доказательства отхода Рубина от марксизма, должна представиться, по меньшей мере, весьма странной; такая попытка могла бы свидетельствовать лишь о чрезвычайно некультурном подходе к вопросам научной работы и о полном непонимании принципа коллективности, который уж среди марксистов должен в области научной работы применяться во всяком случае. Прав не тот, кто не делает ошибок; прав тот, кто умеет свои ошибки во время исправить, кто на них не настаивает, кто их не углубляет.

Мы не думаем, чтобы в настоящем своем виде работы Рубина были абсолютно безупречны. Можно сказать, заранее не сомневаясь, что внимательная и добросовестная критика может обнаружить еще ряд подлежащих исправлению формулировок, еще немало подающих повод к недоразумениям определений. В этом можно не сомневаться, ибо самый предмет исследования чрезвычайно сложен, и исследование носит притом весьма тонкий, детальный и углубленный характер.

Как, однако, следует оценивать эти отдельные погрешности? Являются ли они частичными ошибками, почти неизбежными в работе такого характера, или же они свидетельствуют о порочности всей работы в целом, о предпринимаемом в этой работе «умерщвлении Маркса», выражаясь словами Богданова? На этот вопрос следует попытаться ответить. Мы полагаем, что нынешняя стадия дискуссии предоставляет уже возможность ответить на этот вопрос в том или ином смысле.

Следует заметить, что на первых стадиях этой дискуссии вопрос в сущности ставился только в первом смысле. Шла речь об отдельных формулировках, подлежащих устранению. Нападали,—иногда чрезвычайно ожесточенно,—на те или иные отдельные положения рубинской работы. Ныне мы являемся свидетелями далеко не божественной комедии. Как раз тогда, когда Рубин демонстрирует свою готовность устранить формулировки, подающие повод к недоразумению, на сцену выступает уже иной метод критики, пытающийся перевести спор от отдельных частностей к осуждению всей работы в целом, как немарксистской и антимарксистской.

Непосвященному человеку нелегко разгадать смысл сей загадки. Нам представляется, что получить некоторую ясность в этом отношении, поднять завесу над этим на первый взгляд абсолютно непонятным явлением можно лишь одним путем. А именно: следует на минуту оставить Рубина в покое и полюбопытствовать насчет того оружия, с которым выступает против него эта в данном случае нас интересующая часть критики.

Повторяем: выражаясь словами крыловской басни, следует поставить несколько щекотливый вопрос: «а вы, что сделали такое?» Менее всего этот вопрос может считаться праздным. При отрицании всей работы Рубина в целом вовсе не безразлично, *чем* предлагается заменить эту разработку. Марксистская теория ценности исследуется, популяризируется и разрабатывается уже не первый год. Если рубинская интерпретация, основанная на работе ряда других марксистов, отвергается, как негодная, то естественно, встает вопрос, какую разработку—старую или новую—предлагают взамен. Это вопрос в значительной степени решающий для судьбы занимающей нас в данной связи части критиков рубинских произведений. Короче говоря: следует полюбопытствовать, как выглядит тот марксистский «Рим», который наши уважаемые «гуси» собираются спасти от Рубина.

Если по содержанию дискуссия ведется,—возможно, что это не вполне ясно даже для части ее активных участников,—вокруг упомянутых нами двух групп проблем, то по форме атаки направляются до сих пор главным образом (если не исключительно) против рубинских определений абстрактного труда [1]). Поэтому наилучшей лакмусовой бумажкой для определения марксистской выдержанности рубинской критики (мы имеем в виду лишь упомянутую ее часть, разумеется) являются ее собственные представления насчет абстрактного труда.

Можно считать, что в этом отношении мы имеем все необходимое и достаточное для того, чтобы характеризовать взгляды того, пока еще не оформившегося направления, которое на нынешней стадии дискуссии заслуживает вообще самого пристального внимания.

В дискуссии в Институте экономики тов. Кону во время его выступления был задан с места вопрос: «является ли абстрактный труд исторической категорией?»—Тов. Кон ответил на этот простой и ясный вопрос следующим образом: «На вопрос о том, является ли абстрактный труд исторической категорией, я отвечу так: труд, создающий ценности, является исторической категорией, однако, не потому, что это есть абстрактный труд, а потому, что этот абстрактный труд общественно организован определенным образом» [2]).

Если эту формулировку можно было бы еще до известной степени считать уклончивой, то в первом томе «Малой Советской Энциклопедии», проредактированном по экономическому разделу тем же тов. Коном, мы находим гораздо более ясную формулировку в специальной заметке об «абстрактном труде». В этой статейке мы читаем следующее: «...из того, что в товарном обществе происходит сведение конкретного труда к абстрактному, совершенно не следует, что абстрактный труд является исключительно категорией товарного хозяйства». И далее: «При капитализме абстрактный труд находит свое выражение в ценности, выступает как товарная ценность, а в организованном общественном хозяйстве, каким явится коммунистическое, он выступит, так сказать, открыто, при подсчете всей рабочей силы общества и ее распределении по разным отраслям производства» [3]).

Здесь мы имеем утверждение, смысл которого совершенно ясен. Эта формулировка не оставляет места для каких-либо сомнений. И также несомненно, что данная точка зрения весьма существенно отличается от взглядов Маркса.

Как известно, Маркс писал однажды: «Самое лучшее в моей книге («Капитале»): *в первой* же главе подчеркнутая особенность *двойственного характера труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой ценности». И Маркс добавлял к этому: «На этой теории о двойственном характере труда покоится *все* понимание фактов» [4]).

То, что Маркс подчеркивал, как самое лучшее в «Капитале», не пользуется никакой популярностью у некоторых товарищей. Ведь, в самом деле, об'явить абстрактный труд внеисторической, логической категорией хозяйства, значит свести на смарку все учение Маркса о двойственном характере труда.

[1]) Статья написана, повторяем, в феврале с. г.; с тех пор состоялся ряд печатных (статьи тов. Бессонова) и устных (дискуссия в ИКП) выступлений, которые продвинули нас далеко «вперед» по части превращения абсолютно бесспорных элементарных положений марксистской теории, в «проблематичные» и «спорные».

[2]) И. *Рубин*. Абстрактный труд и пр., дискуссия в Институте экономики, стр. 57.

[3]) Малая Советская Энциклопедия, т. I, стр. 40—41.

[4]) *Маркс и Энгельс*. Письма, изд. Адоратским, стр. 144.

Абстрактный труд, по совершенно очевидному мнению Маркса, имеет смысл лишь в своей связи и противопоставлении труду конкретному. Противоположность между абстрактным и конкретным трудом, предполагающая, разумеется, их единство, выступает у Маркса в «Капитале» не только в первой главе, но и на всем протяжении работы. Эта противоположность появляется каждый раз, когда характеризуются важнейшие противоречия капиталистического хозяйства. Эта противоположность составляет необходимую основу («на этой теории... покоится **все** понимание фактов») при анализе каждого из этих противоречий, влекущих капитализм к гибели.

Об'явить абстрактный труд логической категорией,—значит считать внеисторическим явлением противоположность между абстрактным и конкретным трудом. Повторяем, никакого иного смысла это утверждение не имеет, ибо для Маркса абстрактный труд,—это вовсе не какое-либо понятие «вообще», не пустая игра воображения, а лишь категория, получающая свое основное определение в своей противоположности труду конкретному. Вне теории относительно двойственного характера труда нет и понятия абстрактного труда. Стало быть, внеисторичность категории абстрактного труда означает внеисторичность двойственного характера труда.

Но как Маркс определяет то, что по его словам составляет самое лучшее в «Капитале»?—Он говорит о «двойственном характере труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой ценности». Маркс, таким образом, с неподдающейся никаким лжетолкованиям ясностью считает двойственный характер труда **непосредственно связанным** с формой ценности. Впрочем, это совершенно ясно для каждого, кто прочтет первые главы «Капитала».

Двойственный характер труда неразрывно связан с формой ценности. Противопоставление, противоположность между абстрактным и конкретным трудом неразрывно связаны с противоречием между потребительной и меновой ценностью. Признание внеисторичности абстрактного труда означает признание внеисторичности двойственного характера труда. А признание внеисторичности двойственного характера труда означает трактовку категории ценности, как логической категории всякого хозяйства.

Не даром цитированная выше статейка об абстрактном труде, как две капли воды напоминает рассуждения Богданова и Каутского насчет судьбы категории ценности в социалистическом хозяйстве. То, что автор статейки говорит об абстрактном труде, Каутский, например, утверждает насчет ценности. В социалистическом, мол, хозяйстве ценность будет действовать в еще большей степени («открыто», выражаясь в духе приведенной выше цитаты), нежели при капитализме; ценность будет действовать прямо, без всяких отклонений и т. п. [1]). В таком же духе высказывается и А. Богданов.

Малейшая уступка в вопросе об исторически-преходящем характере категории абстрактного труда ведет, если быть последовательным, к весьма серьезным следствиям. Также ясна вся слабость формулировки тов. Кона, сводящейся к тому, что труд, создающий ценность, есть историческая категория, а абстрактный труд сам по себе—категория логическая. Здесь уж поистине следует выбирать цвета, как говорят немцы. Либо исторической категорией является тот и другой труд, либо то и другое понятие следует рассматривать внеисторически. Иначе получается разрыв, непроходимая пропасть между абстрактным трудом и трудом, создающим ценность. Менее всего на свете этот разрыв соответствует духу марксовой теории ценности. Этот разрыв лишает марксову категорию абстрактного труда ее исторической определенности. Этот разрыв превращает противоречие между абстрактным и конкретным трудом в невинную игру ума. Реальная противоположность этих двух сторон труда превращается в пустую логическую конструкцию, оторванную от экономической действительности. Диалектическое противоречие, вскрываемое учением о двойственном характере ценностеобразующего труда, чудесным образом превращается в формально-логическое различие точек зрения исследователя. Если, мол, наблюдаем одну сторону, то перед нами конкретный труд; если нас интересует другая сторона, то мы получим абстрактный труд. Специфически-исторический смысл и значение учения о двойственном характере ценностеобразующего труда довольно грубо подменяется абстрактно-логической конструкцией, пригодной для всех времен и народов. Революционная марксова диалектика в этом теоретически весьма важном пункте уступает место механистическому, формально - логическому подходу.

[1]) К. **Каутский**, Пролетарская революция и ее программа, изд. «Волна», Берлин, 1922.

Сторонники внеисторического понимания категории абстрактного труда находятся, таким образом, между Сциллой отрыва абстрактного труда от ценностеобразующего труда, отрыва, полностью ликвидирующего марксово учение о двойственном характере труда, и Харибдой открытого скатывания к тому, чтобы признать внеисторический характер за категорией ценности. Последний путь—явный путь Богданова, Каутского и др. Первый путь, однако, не многим лучше. Относительно этих двух зол можно уж поистине сказать, что «оба хуже».

Маркс дал нам теорию о двойственном характере труда, на которой покоится все понимание фактов, в том числе коренных противоречий капитализма, ведущих к его гибели. Теперь нам предлагают отказаться от самого сокровенного смысла этой теории. Маркс дал прожектор, освещающий невероятно сильным светом основные противоречия капитализма: ныне, ad majorem gloriam марксизма, предлагается этот прожектор выключить.

3 Кое-что из области публицистики.

Мы видим таким образом, что часть рубинской критики, и притом наиболее решительно настроенная, предлагает со своей стороны разрешение основного спорного вопроса, которое по меньшей мере должно быть признано абсолютно неудовлетворительным. Уж это обстоятельство само по себе показывает, что нынешняя дискуссия по спорным вопросам марксовой теории ценности менее всего может быть признана приближающейся к благополучному концу, победному для решительных уничтожателей работы Рубина. К сожалению, некоторые из числа последних как будто до сих пор не понимают этого простого обстоятельства, несмотря на наличие ряда чрезвычайно убедительных признаков.

К числу этих признаков следует прежде всего отнести ответ Рубина критикам, данный в виде приложения к третьему изданию его «Очерков». Как бы ни относиться к отдельным положительным формулировкам Рубина, следует признать, что его ответ критикам носит весьма уничтожающий характер. Это обстоятельство вынуждены признать многие, относящиеся безо всякой симпатии к собственным построениям Рубина. В особенности легко и изящно Рубин разделывается с критическими попытками и построениями тов. Кона. Последний интересует нас в данной связи лишь потому, что он в отличие от других критиков Рубина (Дашковский, Шабс), успел уже высказаться печатно после появления третьего издания работы Рубина.

После того как мы ознакомились со способом положительного разрешения основного спорного пункта со стороны тов. Кона, нас менее всего должна удивлять легкость, с которой Рубин опрокидывает критические конструкции этого автора. В чрезвычайно сдержанной форме, все более выходящей ныне, к сожалению, из моды в абстрактно-теоретических дискуссиях,

без малейшего крика и визга, Рубин вскрывает неприглядную картину того, как тов. Кон заблудился меж трех сосен, как он дает три противоречивых ответа на один простой сравнительно вопрос («Очерки», стр. 354) и т. д.

Можно было ожидать, что после столь явной неудачи своей уничтожительной попытки тов. Кон попытается всерьез заняться самокритикой в какой-либо форме и степени, что он попробует критически подойти к своим собственным определениям и утверждениям. Этого, к сожалению, не случилось. На выход нового издания «Очерков» тов. Кон откликнулся в пространной рецензии в «Правде» (№ от 25 января 1929 г.).

Другая рецензия, посвященная тому же третьему изданию «Очерков», принадлежит тов. С. Бессонову («Известия» от 30 ноября 1928 г.), который впервые печатно выступает в этой дискуссии. Авторы обеих рецензий сочувственно ссылаются друг на друга. Во многих случаях их аргументация совпадает, кое-где даже способ выражения одинаков; сходны также своеобразные методы полемики, заключающиеся главным образом в том, что положения критикуемого автора «излагаются» своими словами, при чем дело не обходится без ряда, мягко выражаясь, «неточностей». Этой своеобразной «методологией» полемики отличается в особенности рецензия тов. С. Бессонова, вследствие чего мы на ней подробнее останавливаться не будем.

Напрасно мы стали бы искать в рецензии т. Кона стремления выправить недостатки своего положительного разрешения вопроса. Напротив, старая ошибка здесь повторяется в подчеркнутом виде. Тов. Кон утверждает, будто Маркс под абстрактным трудом понимает «простейшую абстракцию всякого труда», т.-е. труда при любой структуре общества. Внеисторичность категории абстрактного труда здесь, таким образом, еще раз подчеркивается.

Зато тов. Кон чересчур буквально понимает тактический прием, сводящийся к тому, что лучшим средством обороны является наступление. Притом методы, при помощи которых это наступление осуществляется, заслуживают того, чтобы на них несколько задержаться.

Тов. Кон заявляет: «Рубин, конечно, не материалист. Вместо того, чтобы вслед за Марксом исследовать мир реально существующих производственных отношений, он удаляется в царство теней». Обвинение, как видим, не из числа легких. Читатель в праве ожидать, что и аргументация будет обладать достаточным весом. В виду важности вопроса проследим ход доказательства шаг за шагом.

Свое доказательство ухода Рубина от материализма в царство теней тов. Кон начинает следующим образом: «Поклявшись уже на первых страницах своей работы, что и для него, как для Маркса, производство представляет собою единство материальных и социальных элементов («материально-технического процесса производства и его общественной формы, т.-е. совокупности производственных отношений людей»), Рубин немедленно рассекает это единство на две части, две «стороны». Одну из этих «сторон»—материальную (или «материально-техническую», как называет ее теперь Рубин)—он отдает в ведение технологии, политической же экономии предоставляет изучать лишь социальную форму производства, взятую без самого производства».

Здесь перед нами образец настолько своеобразного метода полемики, что представляется настоятельно необходимым оценить его по достоинству.

Прежде всего оказывается, что Рубин в согласии с Марксом толкует о единстве «материально-технического процесса производства и его общественной формы, т.-е. совокупности производственных отношений людей». Против этого тов. Кон, насколько можно судить, не возражает. Преступление Рубина начинается с того, что он рассекает это единство на две стороны, распределяемые между политической экономией и технологией.

Итак, можно говорить о единстве, но никак нельзя это единство «рассекать». Тут с первого же взгляда бросается в глаза недиалектический, чисто механистический подход. Для диалектика взятое единство является в то же время источником противоположностей, различий. Иначе рассуждает наш автор: раз единство, то никакого «рассечения»! Мы сейчас увидим, куда такой подход приводит.

Всякий грамотный читатель должен понять даже из текста рецензии тов. Кона (стало быть, даже в том случае, если он книги Рубина не читал), что на долю технологии приходится при «рассечении» «материально-технический процесс производства», в то время как на долю политической экономии Рубин, повидимому, отдает «общественную форму производства, т.-е. совокупность производственных отношений людей». Поняв это, читатель будет поражен и попытается, следуя прутковскому завету, «не верить глазам своим». Прочитав текст рецензии еще раз, он вынужден будет—увы!—поверить тому, что ему сначала показалось совершенно невероятным.

Читатель не может не вспомнить, что он где-то такое уже встречал попытку «рассечения» данного «единства» между политической экономией и технологией. Можно вспомнить, например, такое место: «Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно, и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений» [1]). В другом месте тот же автор говорит: «Производство всегда представляет собой особую отрасль производства или некоторую совокупность их: земледелие, скотоводство, мануфактура и т. д. Однако, политическая экономия — не технология»... [2]). Этот неисправимый «нематериалист» продолжает еще в одном месте: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обращения» [3]). Наконец, тот же автор понимает «способ производства» следующим образом: «Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества» [4]). Другой не менее злостный «нематериалист» следующим образом пытается «скрыться в царство теней»: «Ее (политической экономии. *А. Л.*) предмет вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это—предмет технологии), а общественные отношения людей по производству» [5]).

Выражаясь словами скверного анекдота, получается—«невероятно, но факт»! В своем полемическом пылу тов. Кон, сам того не подозревая, свирепо разделался с Марксом и Лениным. В качестве смертного греха Рубину вменяется формулировка, дословно повторяющая Маркса и Ленина.

Теперь читатель может по достоинству оценить утверждение тов. Кона, будто Рубин предоставляет политической экономии изучать «лишь социальную форму производства, взятую без самого производства». Казалось бы, формулируя столь тяжкое обвинение, надо было потрудиться привести собственные слова критикуемого автора. Тов. Кон «забыл» это сделать... Вместо доказательства—голая «словесность». Нам остается предполагать, что именно повторенную Рубиным (и приведенную в рецензии) марксову формулировку насчет «совокупности производственных отношений людей» тов. Кон презрительно величает «социальной формой про-

---

[1]) K. Marx, «Das Kapital», Volksausgabe, B. I, 1923, S. 317; русск. пер., ГИЗ. М. 1928, стр. 281.

[2]) «К критике полит. экономии», введение.

[3]) «Das Kapital», B. I. S. XXXVII; русск. перевод, стр. XXXII.

[4]) «Zur Kritik usw.», Dietz 1922, S. LV.

[5]) Ленин, т. II, изд. 1923 г., стр. 220; это место совершенно справедливо приводят в своей статье тт. Греблис, Коровай и Степанов, см. «Большевик» № 3, за 1929 г.

изводства, взятой без самого производства». Таков печальный исход первого критического «тура».

Еще больше облегчает себе задачу тов. С. Бессонов, выставляющий в своей рецензии на рубинские «Очерки» аналогичное обвинение. Рубин пишет черным по белому: «Хотя политическая экономия изучает производственные отношения людей, но она всегда предполагает неразрывную связь их с материльано-техническим процессом производства» (стр. 10; подчеркнуто нами). Эта мысль повторяется неоднократно. Тов. С. Бессонов «излагает» и «популяризирует» взгляды Рубина на сей предмет следующим образом: Рубин «отрывает социальное от материального», Рубин «органически не понимает значения и роли материального производства», «Рубин никак не может найти мостика от материального к социальному». Все эти утверждения не сопровождаются ни одним подлинным утверждением Рубина; имеются лишь ссылки на страницы «Очерков», где самый предубежденный читатель не найдет ничего похожего; точнее—найдет нечто совершенно противоположное, как мы видели выше.

Далее, по мнению тов. Кона, оказывается, что «наибольшей резкости это противопоставление социального материальному достигает в вопросе об абстрактном труде. Рубин пишет: «Абстрактный труд, образующий ценность, должен быть понимаем как категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи. Одно из двух: если абстрактный труд представляет затрату человеческой энергии в физиологическом смысле, то и ценность имеет вещественно-материальный характер. Или же ценность есть явление общественное, и тогда абстрактный труд тоже должен быть понимаем как явление социальное, связанное с определенной общественной формой производства».

Последняя часть рубинской фразы так понравилась тов. Кону, что он ее выделил курсивом. Именно на этом основании делается в категорической форме весьма серьезное заявление о том, что «у Рубина материальное не социально, а социальное не материально». Легко заметить, что вышеприведенная цитата, с каким бы пристрастием к ней ни отнестись, во всяком разе не дает достаточных оснований для этого вывода.

В самом деле, прежде всего Рубину инкриминируется утверждение о том, что абстрактный труд есть категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи. Эта фраза принадлежит к числу излюбленных об'ектов критики Рубина. По нашему мнению, это происходит потому, что в такой форме это утверждение действительно может подать повод к недоразумениям. Как известно, Рубин при этом ссылается на одно место из первой главы «Капитала», где Маркс утверждает: «Im geraden Gegenteil zur sinnlich groben Gegenständlichkeit der Warenkörper geht kein Atom Naturstoff in ihre Wertgegenständlichkeit ein» («Das Kapital», B. I, S. 14). Рубин переводит: Kein Atom Naturstoff—ни одного атома материи. Нам представляется, что во избежание всяческих недоразумений следовало бы в данном случае придерживаться более точного буквального перевода: ни одного атома природного (или естественного) вещества; именно так переведено это место в наиболее распространенном базаровско-степановском переводе (см. ГИЗ., 1920 и ГИЗ. 1928). При этаком способе перевода каждому даже не очень догадливому критику сразу станет ясно, что об отрыве социального от материального нет речи, что речь идет лишь о противоположности между социальным и натуральным, о различии между общественным и природным, естественным.

Однако, контекст, в котором т. Кон приводит эту фразу Рубина, не оставляет сомнений насчет того, что именно в этом смысле здесь дается противопоставление. В следующей же фразе Рубина подчеркивается, что в случае физиологической трактовки понятия абстрактного труда, «ценность имеет вещественно-материальный характер». В противовес этому далее говорится, что абстрактный труд есть явление социальное. Таким образом, каждому, даже не особенно догадливому человеку, должно быть совершенно ясно, что социальное здесь противопоставляется и отделяется не от материального вообще, а от вещественно-материального, т.-е. от области натурального, естественного, природного. Но в этом случае мы имеем не что иное, как дословное повторение азбучных положений марксистской теории. Так, например, Маркс видит «двойственный характер» товаров в том, что «они одновременно и предметы потребления и носители ценности». По поводу потребительных ценностей он говорит, что «это их (товаров) доморощенная натуральная форма», в то время как «субстанция их ценности имеет... чисто общественный характер».

Таким образом, и во втором своем критическом «туре» тов. Кон, целясь в Рубина, попадает, к сожалению, гораздо дальше.

«Рубин оказывается совершенно неспособным также правильно поставить вопрос о соотношении формы и содержания»,—продолжает тов. Кон. К счастью для судеб марксизма, он пытается дать тут же классический образец правильной постановки этого вопроса. Этот образец стоит привести полностью. Вот что он пишет по сему поводу.

«Вещная, т.-е. товарная форма проявления производительных [1]) отношений об'емлет собою, как известно, целых три эпохи—простое товарное хозяйство, капиталистическое хозяйство, советское хозяйство. Если мы скажем вслед за Рубиным, что суть марксизма заключается в подчеркивании «социальных форм вещей», то мы легко придем (как уже указывалось тов. Бессоновым и др.) к затушевыванию различий между этими экономическими формациями во имя их формального сходства. Подобное затушевывание, хочет или не хочет Рубин, целиком роднит его с современными буржуазными и социал-демократическими критиками советской хозяйственной системы. Концепция Рубина есть, на наш взгляд, теоретическая база для отрицания социалистического характера советской системы хозяйства, раз отношения в ней принимают, как и в капитализме, вещный характер». Это место со всех точек зрения заслуживает того, чтобы на нем несколько задержаться. Здесь сформулировано, в сущности, обвинение, чрезвычайно резкое по своему содержанию. Рубина можно в данном случае оставить в покое. Получается, однако, что каждый коммунист, несогласный со способом «разноса» Рубина со стороны тов. Кона и его единомышленников, попадает в прямое родство «с современными буржуазными и социал-демократическими критиками советской хозяйственной системы». Таким образом, если не сила теоретической аргументации, то, во всяком случае, тяжесть обвинения, выставленного к тому в высоко авторитетном месте, заставляет нас внимательнейшим образом разобрать это положение.

Прежде всего внимательный читатель обратит внимание на следующее обстоятельство. Тов. Кон говорит о «социалистическом характере советской системы хозяйства». Мы до сих пор полагали, что в советскую систему хозяйства входят «предприятия последовательно социалистического типа», составляющие в своей совокупности обобществленный, социалистический сектор, существующий наряду с сектором необобществленным. Поэтому, что касается «советской системы хозяйства» в целом, то она носит не «социалистический характер», а переходный к социализму. Разница между переходным и социалистическим характером хозяйственной системы в целом совершенно очевидна. Одно определение в сущности исключает другое. В самом деле, если система хозяйства носит

[1]) Очевидно, должно быть: производственных.

«социалистический характер», то ее уже нельзя назвать переходной; переход, очевидно, уже завершился. С другой стороны, переходный характер хозяйственной системы означает, что элементы социализма в ней существуют на-ряду и бок-о-бок с несоциалистическими, что вся система в целом еще не носит вполне социалистического характера.

Утверждение насчет «социалистического характера советской системы хозяйства» *затушевывает* элементы противоречий и борьбы, в частности, — особые формы классовой борьбы, присущие советской системе хозяйства, как переходной. Известна та разновидность правого оппортунистического уклона, которая утверждает, будто у нас «кругом социализм», и на этом базисе строит свои практические оппортунистические предложения. Эта разновидность, очевидно, известна и тов. Кону; мы полагали, что он никаких симпатий к этой концепции не питает. И если он, тем не менее, допускает столь скользкую оговорку, то дело здесь, очевидно, далеко не случайно. Тов. Кон слишком опытный литератор, чтобы не понимать, какая разница между переходным и социалистическим характером советской системы хозяйства, или между социалистическим характером обобществленного сектора и советской системы хозяйства в целом.

Ларчик здесь довольно просто открывается. Выше мы уже привели удивительное утверждение, делаемое тов. Коном с поражающей скромностью. По его словам оказывается, что «товарная форма... об'емлет собою, как известно, целых три эпохи—простое товарное хозяйство, капиталистическое хозяйство, советское хозяйство». Сейчас мы увидим, *кому*, собственно, такие вещи известны. Так как тов. Кон далее говорит о «социалистическом характере советской системы хозяйства», то на проверку выходит, что «товарная форма об'емлет собою целых три эпохи»: простое товарное хозяйство, капитализм и социализм.

Нельзя сказать, что подобное положение является абсолютно новым. Некоторое время назад мы могли у одного автора читать: «Может быть, в порядке классификационном не следует говорить, что товарно-капиталистическое хозяйство есть последняя форма товарного хозяйства, а следует поставить вслед за ней (выделив в ней монополистический подвид) товарно-социалистическую форму» [1])...

Таким образом, новейшие достижения теоретической мысли тов. Кона на проверку оказываются лишь перефразировкой положения, выставленного три года назад антимарксистом профессором Юровским. Разница лишь в том, что профессор Юровский не брался при этом оберегать чистоту марксизма от Рубина и не выступал против «современных буржуазных и социал-демократических критиков советской хозяйственной системы». Напротив, мы до настоящего времени считали (и не без основания) проф. Юровского одним из значительнейших и теоретически наиболее интересных представителей этой критики.

Попробуем поставить вопрос, почему с тов. Коном постоянно происходят неприятности: когда он возражает, то его критические стрелы попадают в Маркса и Ленина, а когда он пытается дать что-либо положительное, то он лишь повторяет проф. Юровского? На наш взгляд это происходит из чрезвычайного пренебрежения к элементарнейшим требованиям диалектики. На разбираемом нами здесь примере это выступает особенно отчетливо.

Оказывается, «вещная, т.-е. товарная форма проявления производственных отношений об'емлет собою три эпохи», в том числе и советское хозяйство, понимаемое как социализм. Если даже отбросить последнюю по-

¹) «Вестник Финансов» № 12 за 1926 г., стр. 17, статья профессора Юровского; ср. нашу статью «К вопросу о природе хозяйства СССР». «План. Хозяйство» № 4 за 1927 г.

дробность, если даже брать советское хозяйство с его обычной характеристикой переходного хозяйства, то и тогда приведенное утверждение поражает своим недиалектическим, чисто механистическим подходом. В самом деле, разве можно без дальнейшего утверждать, что переходное хозяйство, как и капитализм, характеризуется тем, что производственные отношения принимают вещную, т.-е. товарную форму проявления? Разве не ясно, что *в этом отношении* между «тремя эпохами» существует огромное принципиальное различие? Разве не ясно, что переходное хозяйство как раз тем и характеризуется, что в нем происходит процесс «линяния» вещной товарной формы проявления производственных отношений? Этот диалектический процесс *уничтожения* товарной формы, характеризующий переходную экономику *в отличие* от капитализма, тов. Кон вычеркивает одним мановением руки. Место диалектики занимает чисто механистическое представление о форме, как о чем-то извне приклеенном и неизменном. К сожалению, тов. Кон своим новейшим выступлением лишь подтвердил правоту своих критиков, которые еще несколько лет назад утверждали следующее: «понятие о форме и содержании взято тов. Коном не у Маркса, и даже не у Гегеля, а у Канта. Для Канта форма накладывается на содержание как непроницаемый покров, форма лежит на содержании, облекает его, как скорлупа орех. Форма не относится к сущности самого содержания...». Отсюда и обратный вывод. Изменения формы не затрагивают содержания, содержание безразлично к переменам формы [1]).

Эта довольно резкая характеристика целиком и полностью определяет новейшие изыскания тов. Кона и его единомышленников насчет соотношения между формой и содержанием.

Этот же вопрос затрагивает в своей рецензии и тов. С. Бессонов. При этом он умудряется на протяжении десятка строк упрекать Рубина в двух совершенно противоположных и взаимно исключающих друг друга грехах. «Вывести форму из формы,—пишет он,—вот замкнутый круг схоластической мысли Рубина. Вывести социальную форму из отличного от нее содержания—таков действительный ход мысли Маркса. Рубин думает, что подобный оборот мысли не гегельянский, а кантианский, так как только по Канту форма извне присоединяется к содержанию, в то время как у Гегеля она содержится в самом содержании и из него развивается. Нам кажется, что Рубин здесь не понимает Гегеля. Но не в этом дело».

Да, действительно, дело не в том, что «кажется» тов. Бессонову. Но совершенно ясно, что Рубин обвиняется в том, что 1) он выводит «форму из формы», вместо того, чтобы вывести форму из содержания, и 2) он «думает», что форма «содержится в самом содержании и из него развивается». Перед нами поистине закоренелый преступник! То он не хочет вывести форму из содержания, то он развивает ее именно из содержания. И все это преподносится на протяжении десятка строк!

Спор насчет соотношения формы и содержания ведется у нас, к сожалению, таким образом, что он уже давно стал, по меткой характеристике одного виднейшего экономиста, и бесформенным и бессодержательным. Наш краткий экскурс в эту область имел лишь целью дать читателям возможность судить, какие глубокие основания имеют некоторые критики к тому, чтобы подчеркивать «совершенную неспособность» Рубина к правильной постановке этой проблемы.

Мы далеко не исчерпали, как принято говорить в таких случаях, всего богатого содержания разбираемого критического выступления. Да это, в сущности, и не входит в наши задачи. Мы вполне могли бы ограничиться приведенными образцами (немцы называют подобные образцы — Kostproben). Оставим на долю самого Рубина малоувлекательное занятие: доказывать, что

¹) См. И. Рубин. Абстрактный труд, дискуссия, стр. 65.

он не верблюд. Можно не сомневаться, что Рубин это сделает со свойственным ему блеском и основательностью. Среди прочего ему придется доказывать, что он не солидарен с «Амонном, Шпанном и др. представителями социально-психологической школы», как выражается тов. Кон, пользуясь одному ему известной классификацией школ в теоретической экономии. Рубину придется признаться в своем грехе, который заключается в том, что, написав очерки об Амонне [1]), он не успел ничего написать про Шпанна и оставил таким образом своих критиков без всякого, даже приблизительного представления об этом экономисте, лишив их наиболее удобного источника познания.

Приведенных примеров, на наш взгляд, достаточно, чтобы оценить, к чему приводит попытка тов. Кона взять реванш в связи с тем ответом, который был дан ему И. И. Рубиным. Неудача чьей-либо неудачной попытки реванша могла бы нас мало трогать. Здесь есть, однако, одно обстоятельство, которое заслуживает особой оценки.

Рецензия говорит о родстве рубинской работы с теориями буржуазных и социал-демократических противников марксизма. И заканчивается рецензия громкин и настоятельным призывом к «последовательной борьбе с рубинщиной».

К не менее решительному выводу приходит и другая рецензия. «Новое издание с помощью прежней фразеологии продолжает дело выхолащивания Маркса, начатое вторым изданием». «Мы действительно имеем перед собой не изложение Маркса, а расширенное воспроизведение прежней ревизионистской попытки изобразить Маркса под Аммона и Штольцмана... Будем надеяться, что на этот раз ревизионистский номер Рубину не удастся». Рубин обвиняется, стало быть, сперва в уголовном преступлении (попытка выхолащивания Маркса), затем в художественном подлоге (изобразить Маркса и т. д.)...

Мы полагаем, что даже наш краткий разбор этих двух рецензий дает основание утверждать следующее. Ни критические замечания, ни попытки положительных формулировок данных критиков Рубина не могут претендовать на общее признание среди марксистов. Как бы ни оценивать каждый из его аргументов в отдельности, одно совершенно ясно и бесспорно. Речь у них н е идет о чем-то таком, что может считаться сколько-нибудь окончательно выясненным. Напротив, большинство их положений носит во всяком случае дискутабельный характер. Содержание этих двух рецензий является во всяком случае не менее, ежели не более, спорным, чем содержание той «рубинщины», которой рецензенты об'являют «последовательную борьбу».

При таких обстоятельствах правильнее всего было бы, разумеется, продолжать обсуждение спорных вопросов в научно-марксистских специальных журналах, не поддаваясь искушению заклеймить враждебную точку зрения перед всей общественностью. Наши рецензенты, к сожалению, не устояли перед этим искушением. Каждый несогласный с их, по меньшей мере, своеобразным пониманием некоторых проблем марксовой теории признает, что ими совершена большая ошибка. Эта ошибка не увеличивает теоретической силы позиции, защищаемой данными товарищами. Зато, наоборот, она заставит очень многих товарищей гораздо резче отнестись к этой позиции, чем это имело место до сих пор.

4. Некоторые выводы.

Наши беглые заметки дают возможность, думается, сформулировать некоторые выводы насчет интересующей нас дискуссии вообще и ее нынешней стадии в частности.

---

[1]) И. Рубин, «Современные экономисты на Западе». ГИЗ. 1927. Ср. нашу рецензию на эту книгу Рубина, «План. Хоз.» № 12 за 1927 г.

1. Прежде всего не приходится отрицать, что оживленная дискуссия даже по столь абстрактным проблемам м о ж е т оказаться весьма плодотворной, что такая дискуссия в состоянии способствовать углублению наших теоретических познаний, росту интереса к теории и т. д.

Такого рода дискуссия не только желательна, но необходима. Нет сомнения, что в частности работа И. И. Рубина в результате такой дискуссии может освобождаться от тех недостатков, которые в состоянии несколько умалить ее ценность. Поправки, вносимые автором в результате т а к о й дискуссии вокруг его произведения, могут свидетельствовать лишь как о плодотворности дискуссии, так и о способности автора к дальнейшему росту.

Есть, однако, совершенно необходимые условия, которым подобного рода дискуссия обязательно должна удовлетворять. Вдумчивое и серьезное отношение к разбираемым проблемам, постоянное выправление обнаруженных ошибок, стремление не забить, а прежде всего понять оппонента,—таковы основные из числа этих условий.

2. Следует признать, что в развернувшейся дискуссии помимо этих положительных элементов встречались также элементы иного порядка, которые чем дальше, тем больше продвигаются на авансцену. Резкость тона, находящаяся в явной диспропорции к силе теоретической аргументации, несколько странные методы полемики, бесплодность положительных формулировок на ряду с большой полемической крикливостью—вот отличительные черты той части критики, которая взяла курс на полное уничтожение работы Рубина. Именно эта часть критики подогревает н е з д о р о в ы й, преувеличенный интерес к данной дискуссии, интерес, основывающийся нередко не столько на желании разобраться в существе вопроса, сколько на ожидании дешевых сенсаций и т. п. Искусственно гипертрофированный интерес на ряду с положительным бесплодием заставляет оценивать эту часть критики скорее как отрицательное явление. К этой же категории относится бесплодно-казуистическая и схоластическая часть критики (Шабс).

3. В процессе дискуссии, начали обнаруживаться теоретические тенденции, против которых следует на данном этапе особенно заострить борьбу. В самом общем виде эти тенденции могут характеризоваться, как попытка,—повидимому, несознательная,—частичного воскрешения ошибок богдановщины. Эти тенденции проявляются в неумении пользоваться марксовым диалектическим методом, в склонности к механистическому подходу к экономическим проблемам, в отходе от марксова историзма при характеристике некоторых экономических категорий (абстрактный труд), в уступках грубо-натуралистическому пониманию общественных отношений.

4. Наконец, необходимо подчеркнуть следующие простые истины. Работы Рубина, несмотря на обнаруженные и, возможно, еще необнаруженные частичные недостатки, помогают нам в изучении марксовой теоретической системы в несравненно большей степени, нежели работы его критиков-«уничтожателей». С другой стороны, недостатки рубинской интерпретации представляются детской игрой по сравнению с теми ошибками, которые допускаются частью критики. Эти чрезвычайно простые соображения должны заставить каждого решительным образом осудить всякую попытку заменить серьезное, деловое и вдумчивое обсуждение теоретических вопросов—приклеиванием ярлычков и безапелляционным осуждением от марксизма интереснейшего теоретика со стороны товарищей, к этому абсолютно не призванных.

От редакции:

Помещая статьи тт. Баскаева и Леонтьева, редакция считает целесообразным перенести дальнейшее обсуждение вопросов, связанных с оценкой книги И. И. Рубина, в специальные журналы.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Классовая борьба в китайской истории.

(О новой книге тов. Г. Сафарова).

Недавно ГИЗ выпустил новую работу тов. Г. Сафарова «Классы и классовая борьба в китайской истории», в которой автор пытается восполнить существующий в нашей марксистской литературе пробел по вопросам марксистской историографии Китая и особенно по таким важным проблемам, как проблема феодализма и путей капиталистического развития этой важнейшей по своим революционным возможностям страны.

Обширная работа автора, обнимающая около 25 печатных листов, бесспорно является незаурядным явлением нашей научноисследовательской жизни и заслуживает того, чтобы ей было уделено внимание партийно-советской общественности.

Автор начинает свою работу с довольно рискованного утверждения:

«До сих пор,—говорит он,—в области китаеведения почти абсолютной «царицей наук» была филология (разр. автора), и она старалась решать все вопросы прошлого, настоящего и будущего»... (Стр. 12—13).

Это—абсолютно неверное утверждение, ибо, если под «китаеведением» понимать круг вопросов, в разрезе которых «до сих пор» изучался Китай, то литература по этим вопросам имеется весьма внушительная. Слов нет, мы можем оспаривать методологию этой литературы, но отрицать наличие солидных исследований по древнему Китаю Шаванеса, Ростгорна, Мен-Цзе, а по новейшей истории и экономике Китая Бар. Рихтгорна, В. Коха, В. Морзе, Э. Паркера, С. Вагеля, Вен-Сен-лина и многих других буржуазных исследователей,—было бы крайне не осторожно. Такое утверждение накладывает определенный отпечаток на исторические изыскания автора. Огульно забраковывая обширную литературу вопроса, он тем самым лишает себя возможности пользоваться ею часто как единственно реальным источником документации. Надо думать, что именно поэтому в ряде весьма оригинально изложенных глав касательно древней и средней истории, характеристики различных этапов феодального строя Китая в отмеченном периоде времени автору приходится пользоваться весьма парадоксальными положениями и догадками, а зачастую и так называемыми «публицистическими инкрустациями». Например, цитируя из старых китайских сказаний (о 722—481 гг. до нашей эры) совет одного подчиненного своему феодальному князю о переводе беспокойных кочевников на оседлость,—вместо детального анализа наш автор отделывается следующим рефреном: «Виден усердный чиновник, пекущийся о барской выгоде» (стр. 25).

Подобный метод, а он применяется автором в ряде мест его работы, вместо историзма вносит элемент дидактики и эклектизма.

Однако, невзирая на этот, не совсем подходящий для солидного исторического исследования, публицистический налет, автор рецензируемой нами работы в ряде ее глав (особенно от 1 и до 16) дает целостную «классовую историю народа» древних и средних веков и весьма добросовестно обосновывает свой основной тезис: на всем протяжении китайской истории и до момента китайской революции, во-

первых, выявилась решающая роль ростовщического капитала, во-вторых, известное превращение феодальных устоев в основу ростовщической эксплоатации, дающее новое сочетание из ростовщического и торгового капитала.

«Сотрудничество между торговцем и ростовщиком в форме паевого товарищества,—говорит автор,—сохранилось до настоящего времени. Феодальной бюрократии было зазорно непосредственно участвовать в торговле, тем более, что денежное богатство всегда находилось под угрозой конфискации. Поэтому была избрана такая форма, которая гарантировала получение ростовщических процентов и в то же время не бросалась в глаза, не роняла сословного достоинства феодального чиновника»... (Стр. 192).

В этих утверждениях автор уходит далеко от предвзятых утверждений другого современного исследователя Китая—К. Радека, который ведь еще недавно доказывал, что феодализмом в китайской деревне уже давно не пахнет, он назвал его «несуществующим» [1].

В этом последнем смысле работа тов. Г. Сафарова—прямая противоположность историческим экскурсам К. Радека и его учеников.

Уже не парадоксальной, а глубоко ошибочной мы считаем приводимую автором периодизацию истории экономического развития Китая средних веков. У автора такое деление:

а) Об'единение Китая монгольским завоеванием породило торговый капитализм (глава 20).

б) Последующие завоеватели Китая—узбеки (Теймур)—снова отбросили страну развившегося торгового капитализма к состоянию изоляции и застойности, или, как автор фигурально выражается, к «новой феодализации Китая» (гл. 22).

Таким образом, получается, что «монголы создали территориальный фундамент для развития китайской торговли в международном масштабе, расширили ее внутренние рамки», но «диалектика сыграла злую шутку с торговым капитализмом в Китае», который (заметьте, это в XIV-то столетии!), «придя к власти через труп феодализма», другими завоевателями—полукочевниками-узбеками—был отброшен к застойности, разрушив «основные предпосылки торгового развития Китая». (Начало 22 главы).

В действительности дело обстояло не так упрощенно-схематически, не так грубо-обрублено, как это изображает тов. Сафаров, обособляя один процесс от другого, ибо иначе была бы непонятна та легкость, с которой узбекские завоеватели смели и заменили «новым феодализмом» более высоко развитые (торговый капитализм) общественные отношения.

Однако, уже в последующих главах автор, связывая разорванную им нить исторической канвы рецензируемой работы, снова и довольно содержательно рисует расцвет в предыдущем изложении чуть-чуть не похороненного им феодализма, снабжая свой анализ обильной документацией. Отмеченная выше попытка автора на фоне XIII и XIV веков изобразить борьбу и полную смену расцвета торгового капитализма его упадком и новым расцветом средневекового феодализма является научно не обоснованной, а методологически наиболее уязвимым местом его работы.

Другим дефектным местом книги тов. Г. Сафарова является диспропорция ее частей. В то время, как изложению истории древних и средних веков посвящено свыше 15 печатных листов, главам, трактующим вопросы классовой борьбы в период новейшей истории и в современном Китае, уделено всего лишь около 4 печатных листов. Эта неравномерность имеет не только количественное, но и качественное выражение. В то время, как автор лю-

[1]) См. его статью в газете «Известия» за 1927 г., посвященную второй годовщине смерти Сун-Ят-Сена.

бовно копается в седой старине феодализма доевропейской, ранне-европейской эры и средних веков,—характеристике феодальных отношений и влиянию пережитков феодализма на историю и экономику современного Китая автор не считает нужным уделить достаточного внимания и места.

А между тем в работе имеется ряд положений, которые могли бы служить прекрасной характеристикой именно громадного наличия остатков феодально-крепостнических отношений не только в современной китайской деревне, но даже и в китайском городе.

Но и в этом последнем случае т. Г. Сафаров старается истолковать эти положения в том смысле, что китайская деревня (какие классы?) «блокирована империализмом». (Только ли одним им?).

> «Подобно средневековым феодалам,—говорит он,—иностранные капиталисты держат свои кордоны на большой дороге, и достаточно появиться на рынке крестьянским продуктам, как они тотчас же попадают под неумолимое действие «законов» колониальной эксплоатации».

Здесь и в других частях книги, прохаживаясь вокруг да около подлинно не абстрактной, подлинно конкретной и научной темы—об остатках феодализма в китайской деревне, наш автор затрагивает ее только как-то вскользь, например, следующим довольно туманным положением:

> «... империализм «солидаризируется» со всеми традиционными представителями туземного паразитизма, используя их в качестве своей главнейшей опоры. Ему выгоднее подчинять своим интересам эти, наполовину докапиталистические, полуфеодальные и ростовщические формы эксплоатации вместо того, чтобы добиваться подчинения себе уже вполне оформленного туземного капитализма».

А раз это так, то, казалось, чего проще,—надо бы автору ясней и конкретней очертить эти «полуфеодальные формы», их роль и место на ряду с ролью и местом торгового капитализма Китая. Тогда исчезла бы та туманность позиции, которую автор занимает в этом актуальном вопросе современного китаеведения. Что вопрос этот актуален, это ясно из того, что непонимание роли феодализма в Китае было связано с ошибками троцкистской оппозиции в вопросах китайской революции. Выше мы отметили, что автор рецензируемой нами работы, в отличие от «школы» К. Радека, выявляет наличие феодализма в древнем, средневековом и (довольно глухо, впрочем) в современном Китае. Но здесь надлежит оговориться: чем ближе к современности, тем меньше определенности обнаруживает автор в характеристике социальных формаций китайского общества. В этой связи надо считать неправильной попытку автора запутать анализ классовых сил, вызвавших движение тайпингов (1850—1865 гг.), и затемняющей его смысл.

В то время, как К. Маркс, получив весть о начавшейся тайпингской революции в «неподвижном» Китае 31 янв. 1850 г., восторженно приветствует ее за то, что там... «из среды возмутившегося народа (Plebs) выступили люди, которые стали указывать на бедность одних и богатство других и потребовали—и сейчас требуют—другого распределения собственности и даже полной ее отмены» [1]), современный марксистский исследователь «классов и классовой борьбы в китайской истории» буквально смазывает эту главнейшую позитивную сторону тайпингского восстания и суживает его величайший исторический смысл только до негативных и в принципиальном отношении близоруко урезанных и противоречивых положений. В основном он их сводит к следующему:

---

[1]) Из «Литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса», немец. изд. Ф. Меринга, Штутгарт, 1920 г., т. III, обзор за 31 января 1920 г.

1. «... Тайпингское восстание—крупный шаг на пути сближения правящей феодально-бюрократической верхушки с захватническим феодализмом, напирающим извне» [1]).

2. Тайпингское восстание—это, «с одной стороны, взрыв подлинной мужицкой ненависти к своим угнетателям и притеснителям, с другой стороны, уничтожение идолов во имя плохо переваренного (?!—*Б. Ш.*) и непопулярного христианства» [2]), (т.-е. религии, импортированной в Китай империалистами).

3. «Крестьянская масса не могла выдвинуть своей массовой идеологии и вождей, и она была вынуждена—и на этот раз, как и раньше—прибегнуть к помощи безработной и недовольной бюрократии и ее родственников из торговой среды»; по словам европейца Линдлея, бывшего военачальника тайпингов, среди повстанцев «много лиц более высокого общественного положения».

Спрашивается: при такой характеристике движущих сил что же «мужицкого» остается в восстании тайпингов? А между тем Маркс именно этой плебейской стороне вопроса уделял тогда главнейшее внимание.

Пересказывая рассказы вернувшегося из Китая и долго жившего там немецкого миссионера Гюцлафа о «чудесах» плебейской революции, Маркс красочно писал:

> «Когда (заметьте, на рубеже 1850 г.! *Б. Ш.*) господин Гюцлаф после 20-летнего отсутствия вновь оказался в среде цивилизованных людей и европейцев, то услышал разговоры о социализме и спросил: что это такое? Когда ему это об'яснили, он испуганно вскричал: так я, значит, никуда не могу уйти от этого гибельного учения! Как раз это самое проповедуется с некоторого времени в Китае многими лицами из черни. (Aus dem Mob)» [3]). (Разр. наша. *Б. Ш.*).

Вот этого-то слона т. Г. Сафаров и не заметил в восстании тайпингов. Поставив на одну доску его плебейский характер со стремлением повстанцев «сочинять молитвы и новые обряды... во имя плохо переваренного и непопулярного христианства», он—Г. Сафаров—оказал плохую услугу изучению этой главнейшей полосы «классовой борьбы в китайской истории» и, несомненно, смазал ее эпохальную, классовую, революционную суть.

Становится поэтому вполне понятным, почему т. Г. Сафаров, говоря о тайпингском восстании, не проникся и перспективами Маркса, утверждавшего, что

> «китайский социализм может также относиться к европейскому, как китайская философия—к гегелианской. Но факт, что старейшее и наиотважнейшее государство на земле ситцевыми ярдами английских буржуа приведено в течение (каких-нибудь) 8 лет к кануну общественного переворота, который во всяком случае должен иметь важнейшие последствия для цивилизации и воспитателен (ergotzlich). Когда европейские реакционеры на предстоящем им вскоре беге через Азию, наконец, прибегут к китайской стене, к тем фортам, которые ведут к убежищу пра-реакции и пра-консерватизма (Urreaktion und Urkonservatismus), кто знает, не прочтут ли они на них надпись: Республика Китая, свобода, равенство и братство!» [4]).

Недостаточно углубленно разработан автором вопрос о конфуцианстве и его связи с общественными формациями старого и нового Китая.

---

[1]) Сафаров. «Классы и классовая борьба в китайской истории» Москва, ГИЗ, изд. 1928 г., стр. 328.

[2]) Там же.

[3]) Из «Литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса». Немецк. изд. Ф. Меринга, Штутгарт, 1920, т. III, обзор за 31 января 1850 г.

[4]) Там же.

После появления работы покойного М. Рейснера «Идеология Востока» [1], в которой, несмотря на некоторые ее методологические шероховатости, все же проблема конфуцианства разработана в социологическом разрезе, мало обоснованной является попытка Г. Сафарова в своей исторической работе построить исследование конфуцианства в разрезе его изучения главным образом как проблемы идеологической, как проблемы феодального «культа», как проблемы «кодификации феодальных обычаев», проблемы «естественной религии». Давая такой угол зрения, автор не помогает раз'яснению сути конфуцианства и его живучести в условиях до- и послереволюционного Китая.

В качестве вывода из сказанного в основном должно быть признано:

1. Книга Г. Сафарова весьма интересно задумана, и, хотя автор немного пренебрежительно отнесся к литературе вопроса, тем не менее он не мог обойтись без нее и, использовав массу интереснейших источников, дал им оригинальное марксистское толкование.

2. Отдельные части книги т. Г. Сафарова не равноценны по своему научно-теоретическому и политико-общественному значению, при чем как раз главы, характеризующие классы и классовую борьбу Китая, близкую к современности, тем более ту же борьбу сегодняшнего дня,—разработаны поверхностно и без достаточной методологической четкости, а такие благодарные для историка темы, как вопрос о классовой борьбе в средние века, как вопрос о сущности азиатского способа производства и остатках феодальных отношений, несмотря на наличие ряда предпосылок к тому у автора (обильный фактический материал по эволюции общественных форм в древнем и среднем Китае и проч.)—им просто обойдены. На эти вопросы его книга, к сожалению, ответа не дает.

3. Учитывая отсутствие марксистских разработок истории Китая древних и средних веков (краткий исторический этюд Витфогеля не в счет) и приняв во внимание наши критические замечания по поводу отдельных частей работы Г. Сафарова,—необходимо признать ее весьма ценным вкладом в литературу о Китае.

Борис Шумяцкий.

ПОПРАВКИ:

В статью тов. Ан. Троицкого «Как подготовляют «размычку», напечатанную в предыдущем номере, автор просит внести следующие исправления:

Конец статьи начиная от слов: «Более того, в развертывании товарооборота» (стр. 79) и до 81 стр. включительно должен итти за следующим абзацем на стр. 77: «Мы уже видели, что «план смычки» и т. д.

Таким образом, часть статьи от абзаца: «Когда нам говорят»... (77 стр.) и до абзаца: «Более того, в развертывании»... (79 стр.) должна быть концом статьи.

В примечании на стр. 78 в 8-й стр. снизу напечатано: «...коллективной помощи бедноте...» должно быть: «...паллиативной помощи бедноте...».

---

[1] М. Рейснер, «Идеология Востока. Очерки восточной теократии». Изд. ГИЗ, 1927 г.